JOHN GARDNER

ICEBREAKER

© 2004 Vlad Pavlov -- www.james-bond.ru

Операция «Ледокол»
Джон Гарднер

Аннотация
ОПЕРАЦИЯ «ЛЕДОКОЛ»
ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ
БЛАГОДАРНОСТИ ОТ АВТОРА
1. ТРИПОЛЬСКИЙ ИНЦИДЕНТ
2. ЛЮБОВЬ К БЛОНДИНКАМ
3. Ножи к ужину
4. МАДЕРОВЫЙ ПИРОГ
5. ВСТРЕЧА В ОТЕЛЕ «РЕЙДС»
6. БЕСТИЯ ПРОТИВ МОНСТРОВ
7. РИВКА
8. ТИРПИЦ
9. В СПЕШКЕ
10. Коля
11. САФАРИ НА СНЕГОХОДАХ
12. «РУСАК»
13. «ЛЕДЯНОЙ ДВОРЕЦ»
14. МИР ДЛЯ ГЕРОЕВ
15. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ХОЛОД
16. СОУЧАСТНИКИ
17. СДЕЛКА ЕСТЬ СДЕЛКА
18. ШПАГИ

19. НЕЗАКОНЧЕННОЕ ДЕЛО
20. СУДЬБА
21. «НЕУЖЕЛИ ЭТО РАЙ?»

Аннотация

1983 год, КГБ просит о помощи британскую Секретную службу, ЦРУ и израильский Моссад в проведении операции против международной неофашистской группировки, именуемой НСДА. Комитет госбезопасности располагает данными, что эти неофашисты скупают оружие на советской военной базе, расположенной под Алакуртти, около русско-финской границы. Местоположение секретной базы, куда террористы тайно переправляют оружие через границу, неизвестно. Предводителем неофашистов является некий граф Конрад фон Глёда, человек с туманным прошлым...

ОПЕРАЦИЯ «ЛЕДОКОЛ»

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ

© 1983 GLIDROSE PUBLICATIONS LTD.
© 2001, ПЕРЕВОД В. И. ПАВЛОВА

БЛАГОДАРНОСТИ ОТ АВТОРА

Я хочу поблагодарить всех тех, кто оказал мне неоценимую помощь при подготовке этой книги. И в первую очередь — моих добрых друзей Эрика Карлссона и Симо Лампинена, с которыми я познакомился в Заполярье. Джона Эдвардса, который предложил мне съездить в Финляндию и сделал это возможным. Яна Эдкока, который не только не падал духом, но и сохранял абсолютное спокойствие во время нашей поездки по лесам северной Финляндии, в начале февраля 1982 года, когда по моей вине он не один, а целых три раза угодил в глубокие сугробы.

Я также весьма признателен финскому дипломату Бернхарду Флэндеру, из-за которого я угодил в сугроб, но в уже более опасном месте — прямо на русско-финской границе. Мы оба выражаем благодарность солдатам финской армии за наше спасение.

Перечень был бы не полным, если бы я не упомянул Филипа Холла, который оказал мне громадную поддержку.

Джон Гарднер, 1982

1. ТРИПОЛЬСКИЙ ИНЦИДЕНТ

Военно-торговый комплекс народной республики Ливия находится примерно в пятнадцати километрах к юго-востоку от города Триполи.

Расположенный недалеко от побережья комплекс надежно спрятан от назойливых глаз растущими вокруг ароматными эвкалиптами, огромными кипарисами и высокими соснами. С воздуха его можно легко принять за тюрьму: зона в форме полукруга, окруженная стеной из трех шестиметровых ограждений, на каждом из которых по метру колючей проволоки под напряжением. Ночью по тропинкам между ограждениями рыскают собаки, в то время как вдоль внешней ограды регулярно кружат патрули на бронемашинах «Каскавель».

Большинство строений на территории комплекса не отличаются красотой дизайна: приземистые деревянные бараки для охраны и два здания с более комфортабельными интерьерами, служащие «гостиницами». Одна — для зарубежных военных делегаций, другая — для их ливийских партнеров.

Между этими «гостиницами» стоит внушительный одноэтажный дом. его стены толщиной больше метра, однако о такой прочности и не подумаешь — сбивает с толку отделка из розовой штукатурки и фасад с черепичной аркой. К главному входу ведут ступени, а внутри здание разделено пополам одним единственным коридором, по бокам которого протянулись административные кабинеты и радиорубка. Коридор резко заканчивается у высоких внушительных дверей. Это вход в длинную узкую комнату, в которой есть только массивный стол для переговоров, кресла и аппаратура для показа кинопленок, видеофильмов и слайдов.

Это кабинет особого назначения, и в нем нет окон. Комнатная температура поддерживается кондиционерами, а единственный другой вход — которым пользуются уборщики и охрана, — маленькая железная дверь в дальнем углу.

Военно-торговый комплекс работает где-то пять-шесть раз в году, и за всем, что там происходит, постоянно и самым тщательным образом следят разведывательные спецслужбы Западных стран.

В то утро в комплексе находилось человек сто сорок.

Лица из Западных столиц, зорко следившие за всеми событиями на Ближнем востоке, знали об одной торговой сделке, заключенной недавно Ливией. По этой сделке (о которой правительство вряд ли бы заявило официально) Ливия получала энное количество ракет, самолетов и прочей военной техники, чтобы пополнить свой и без того немаленький арсенал.

Заключительный этап переговоров должен был начаться в девять пятнадцать. Обе стороны строго держались протокола, и точно в срок ливийская и советская делегации (в каждой человек по двадцать) встретились перед розовым зданием. После обычных приветствий они прошли внутрь и по коридору к высоким дверям, которые для них бесшумно открыли два вооруженных охранника.

Когда почти половина делегатов прошла в кабинет, вся процессия остановилась как вкопанная: представшая перед ними картина шокировала. В дальнем конце кабинета широким полукругом стояло десять одинаково одетых фигур. На них были камуфляжные куртки и серые парусиновые штаны, заправленные в кожаные сапоги. Еще более ужасал тот факт, что их лица были закрыты камуфляжными сетками, а на черном берете у

каждого блестела серебристая кокарда: череп над буквами НСДА, по бокам — эсэсовские молнии.

Поразительный факт: ливийская охрана прочесала комнату меньше чем за десять минут до того, как делегации собрались у входа в здание.

Десять фигур. Каждая — застыв в классической позе, удобной для стрельбы: правая нога немного вперед, согнута в колене, приклад — у кого ручного пулемета, у кого автомата — твердо уперт в бедро. Десять стволов наведены на вошедших. На несколько секунд все оцепенели. Когда хлынула волна ужаса и паники, незнакомцы открыли огонь.

Десять автоматов стали методично поливать огнем дверной проем. Пули впивались в тела, превращая их в кровавое месиво. Грохот в закрытом помещении был оглушителен.

Огонь длился меньше минуты, но, когда он прекратился, все, за исключением шести делегатов от Советского Союза и Ливии, были либо мертвы, либо смертельно ранены.

И тут в действие вступили отряды ливийской армии и охрана. Истребительная группа была исключительно дисциплинированной и хорошо тренированной: в завязавшейся на пятнадцать минут перестрелке (пока боевики держались в

комнате) из них было подстрелено только трое. Оставшиеся выскочили через заднюю дверь, заняв оборонительные позиции снаружи. Последовавший бой стоил еще двадцати жизней. В итоге вся команда из десяти убийц замертво лежала вперемешку со своими жертвами, как кусочки какой-то дикой мозаики.

На следующее утро, в девять по Гринвичу, агентство «рейтер» получило по телефону сообщение, которое уже через десять минут появилось в прессе всего мира.

Послание гласило:

Вчера рано утром три легких самолета, летя на низкой высоте для избежания радаров, выключив двигатели, прошли незамеченными над хорошо охраняемой территорией Военно-торгового комплекса, находящегося под городом Триполи, столицей Народной Республики Ливия.

На его территории высадился незамеченным парашютный десант, состоящий из бойцов Ударного отряда Национал-Социалистической Действующей Армии.

Позже днем этот отряд нанес удар во имя идеи Международного фашизма, казнив большое число лиц, пособствующих распространению зла, порожденного коммунистической идеологией,

которая остается угрозой для мировой стабильности и процветания.

Все мы с горечью оплакиваем гибель членов Ударного отряда при выполнении этого почетного задания. Этот отряд принадлежал нашей элитной Первой дивизии.

Предупреждаем: наказания за любые дружеские или торговые отношения между коммунистическими и некоммунистическими странами или отдельными лицами последуют незамедлительно. Мы отсечем коммунистический блок от оставшейся свободной части мира.

Коммюнике номер 1 от Верховного Главнокомандования НСДА.

тогда никого не поразил тот зловещий факт, что все оружие, которым воспользовался отряд НСДА, было российского производства: шесть ручных пулеметов Калашникова (РПК) и четыре его младших собрата — чрезвычайно эффективных модернизированных автоматов Калашникова (АКМ). В мире, который уже так привык к терроризму, этот налет стал всего лишь еще одной темой для заголовков газет, которые отнесли НСДА к горстке фашистских фанатиков.

Это происшествие получило название «Трипольский инцидент».

Не прошло и месяца, как террористы нанесли новый удар. В Лондон прибыли с дружественной миссией три члена советской коммунистической партии, и они были приглашены на ужин своими коллегами из Британской компартии. Обед проходил в доме, недалеко от Трафальгарской площади. Водки, привезенной русскими, было выпито уже довольно много, и только подали кофе, как раздался звонок в дверь. Хозяин был вынужден оторваться от стола. На пороге стояли четверо одетых в стилизованную военную форму, точно такую же, как и боевики из Трипольского инцидента. Хозяин, видный деятель и активный член Британской Коммунистической партии, был застрелен на пороге собственного дома. С остальными четырьмя англичанами и тремя русскими расправились за считанные секунды.

Убийцы исчезли, их личности не были установлены.

результаты вскрытия показали, что все восемь жертв скончались от огнестрельных ранений, нанесенных оружием российского производства, вероятно автоматическими пистолетами системы Макарова или Стечкина. Сами пули были так же произведены в СССР.

На следующее утро в девять по Гринвичу по-

следовало Коммюнике номер 2 от Верховного Главнокомандования НСДА. На этот раз Ударный Отряд принадлежал к диверсионно-десантной бригаде имени Адольфа Гитлера.

За следующие двенадцать месяцев не менее тридцати подобных «инцидентов», связанных с массовыми убийствами, исполненными по приказу Верховного Главнокомандования НСДА, стали основными новостями средств массовой информации.

Огромное число известных и выдающихся коммунистов было убито в Западном Берлине, Бонне, Париже, Вашингтоне, Риме, Нью-Йорке, Лондоне (второй раз), Мадриде, Милане и в нескольких городах ближневосточных стран. Гибли и лица, находившиеся с ними в официальных или просто дружеских отношениях. Среди них три британских и американских активных профсоюзных деятеля.

Боевики истребительных групп гибли тоже, и ни одного из них не удалось взять живым. В четырех случаях, солдаты НСДА, чтобы избежать ареста, кончали жизнь самоубийством.

Каждая их акция была тщательно спланирована, проводилась очень быстро, на высоком профессиональном уровне. После каждого ин-

цидента следовало очередное коммюнике от Верховного Главнокомандования НСДА, написанное в том же формальном стиле, присущим всем текстам идеологического характера. И в каждом коммюнике сообщались подробности об Ударном отряде, ответственным за акцию.

Вчерашние имена вновь напомнили миру о гнусном Третьем рейхе: Дивизия СС Генриха Гиммлера, Батальон Гейдриха, Штурмовой эскадрон Германа Геринга, Первый диверсионно-десантный отряд Эйхманна. Для полиции и секретных служб всего мира эти названия были единственной зацепкой. Никаких улик на телах мертвых мужчин и женщин армии НСДА не было, будто бы они появлялись на свет уже взрослыми, записанными в ряды НСДА. Ни один труп не был опознан. Судебные медэксперты топтались на месте. Спецслужбы расследовали ниточки, шедшие от мелких улик; по тем же следам пытались идти бюро по поиску без вести пропавших. Однако все заканчивалось тупиком.

На первой полосе одной из газет, материал которой походил на рекламную афишу кинофильма сороковых, автор драматично восклицал:

Они приходят ниоткуда, убивают, а затем или умирают, или исчезают в своих логовах. Кто они?

Восставшие из своих могил последователи черного века нацизма, решившие свершить возмездие за своих вчерашних героев? До сих пор волна терроризма в больших городах мотивировалась крайне левыми идеями. Появление же мощной самозваной организации НСДА придает понятию терроризма новый, вызывающий сильное беспокойство окрас.

Как бы там ни было, в глубинах тайного мира секретных спецслужб и разведывательных управлений люди беспокойно зашевелились, словно просыпаясь от ужасных кошмаров. Однако очнувшись, они обнаружили, что их сны — ужасная действительность. Поначалу они стали обмениваться друг с другом мнениями, затем — с осторожностью — информацией. И наконец они решились на создание очень странного и беспрецедентного альянса.

2. ЛЮБОВЬ К БЛОНДИНКАМ

Еще задолго до того как попасть в Секретную службу Джеймс Бонд научился запоминать телефонные номера при помощи особой мнемонической системы, и в настоящее время он держал в голове около тысячи телефонов, готовых к немедленному вызову из ячеек его памяти. Большинство номеров касалось работы, поэтому их вообще лучше было не записывать. Пола Вакер не относилась к работе. Пола относилась только к забаве и удовольствию. И сейчас, сидя в своем номере отеля «Интер-Континенталь», находящемся в северном конце проспекта Маннергейма, главной дорожной артерии Хельсинки, Бонд вспомнил именно о ней. Он взял телефон и набрал ее номер. После двух гудков женский голос ответил ему по-фински.

Вежливо по-английски Бонд произнес:

— Полу Вакер, будьте добры.

Финка на коммутаторе без труда переключилась на родной язык Бонда:

— Что мне ей передать? Кто ее спрашивает?

— Передайте: Бонд, Джеймс Бонд.

— Минуточку, мистер Бонд. Узнаю, на месте ли она.

Молчание, потом щелчок — и вот он услышал в трубке хорошо знакомый голос:

— Джеймс? Джеймс, где ты? — В ее английском слышались лишь слабые нотки того веселого распева, характерного для жителей скандинавских стран.

Бонд сказал, что он в «Интер-Континентале».

— Здесь? В Хельсинки? — Девушка не скрывала своей радости.

— Да, — подтвердил Бонд, — здесь в Хельсинки. Если только самолет «Финнэира» не сбился с курса.

— Самолеты «Финнэира» как почтовые голуби, — рассмеялась она. — Они редко сбиваются с курса. Сюрприз-то какой! Что же ты заранее не сообщил, что приезжаешь?

— Сам не знал, — солгал Бонд. — Неожиданные перемены в планах. — (Это хотя бы частично было правдой.) — Вот и пришлось ехать через Хельсинки. Я и решил заскочить. Эдакая причуда.

— Причуда?

— Каприз. Внезапное желание. Как же я мог проехать через Хельсинки, не повидавшись с Красавицей Полой?

Девушка рассмеялась, у нее был неповторимый смех. Бонд представил, как она закинула назад голову, и сразу же вспомнил ее улыбку: приоткрытый ротик, прелестные зубки и нежный розовый язычок. Фамилия Полы Вакер говорила об ее шведском происхождении: дословный перевод ее фамилии со шведского был «красивая». Она и вправду была очень красива.

— Как насчет сегодняшнего вечера? Легко? — Если она была занята, то вечер обещал быть скучным.

Пола опять рассмеялась своим особым смехом, полным юмора, но без той нарочитости, которая появляется у некоторых деловых женщин.

— Ради тебя, Джеймс, всегда легко. Но не запросто. — Это была старая шутка, придуманная самим Бондом, и одно время она была очень даже актуальна.

Они познакомились в Лондоне и знали друг друга уже почти пять лет. В городе тогда бушевала весна: девушки из офисов выглядели так, будто сама дорога на работу доставляла им удовольствие, парки были устланы желтыми коврами из нарциссов, а дни только-только становились длиннее. Министерство иностранных дел устроило банкет с целью «подстегнуть» дела

у международной торговли. Бонд был там по работе: посмотреть, не заявится ли кто-нибудь из агентов зарубежных разведок. Разумеется, сперва по этому поводу возникли разговоры, так как внутренней безопасностью занималась МИ-5, а не Секретная служба. Тем не менее МИД, под чьим покровительством проходило это мероприятие, настоял на своем. Немного побурчав, «Пятерка» все же согласилась пойти на компромисс, но при условии, что на банкете будет и парочка их людей.

На деле оказалось, что Бонду как профессионалу там делать было нечего, но зато он познакомился с Полой.

Зала была заполнена людьми, но Бонд сразу же обратил на девушку: пропустить ее было просто невозможно, создавалось впечатление, будто бы других девушек туда вовсе и не приглашали. И «другим» девушкам это ни капельки не нравилось, особенно тем кто был постарше, а также роковым женщинам из Министерства, которые являются завсегдатаями подобных вечеринок.

Пола была в белом. Ее натуральный загар, полученный явно без помощи всяких лосьонов, наводил на мысль, что если бы все женщины обладали такой внешностью, то косметические

фирмы всего мира остались бы без работы. А ее длинные пышные белокурые волосы! Густые, которые, казалось, не шевельнутся, даже если налетит десятибалльный ураган. Ко всему этому, у нее было стройное, сексуальное тело, большие сероватые глаза и губы, созданные только для поцелуев.

Первые мысли Бонда были чисто профессиональными. Какая же хорошая «приманка» из нее может получиться, решил он, зная, что Сикрет Сервис испытывала трудность в вербовке хороших «приманок» в Финляндии. Он понаблюдал за девушкой издалека, пока не убедился, что ее никто не сопровождает, затем подошел и представился, сказав, что Министр попросил развлечь ее. Двумя годами позже, в Риме, Пола рассказала, что в самом начале той вечеринки, Министр сам пытался приударить за ней, до прихода своей супруги.

Пола пробыла в Лондоне неделю. В тот первый вечер Бонд отвез ее поужинать в «Ритц», который она нашла «забавным», а вернувшись к себе в гостиницу, девушка отшила его — и отшила капитально.

Однако Бонд просто так не сдался. Сперва он попытался произвести на девушку впечатление,

водя ее по ресторанам. Но ей не понравился ни «Канно», ни «Инн он де Парк», ни «Тиберио», ни «Дорчестер», ни «Савой», ни даже «Роял Руф»! А чай в ресторане «У Брауна» она нашла всего лишь «прелестным»! Он уже собирался пригласить ее в «Трампс энд Аннабелль», когда она сказала, что уже сама выбрала «Саварин» на Шарлотт-стрит. Это заведение было явно в ее вкусе — в нем отражался ее характер. Хозяин ресторана просидел с ними за столиком весь вечер, и они рассказывали друг другу разные пикантные истории. И все же Бонд терялся в догадках: произвел ли он на девушку впечатление или нет.

Они быстро стали друзьями, обнаружив множество общих интересов: парусный спорт, джаз, книги Эрика Эмблера. Был и еще один способ времяпровождения, которым они вплотную занялись на четвертый вечер. Бонд, чьи высокие достижения в этом «виде спорта» хорошо известны, должен был признать, что здесь Пола заслуживает золотую звезду с дубовыми листьями. В свою очередь, Пола отметила его целым венком из дубовых листьев. И все равно Бонд сомневался, произвел ли он впечатление или нет.

Все последующие годы, они оставались очень верными друзьями, мягко говоря, сладкой па-

рочкой. Они встречались, зачастую по чистой случайности, причем в местах далеко раскиданных по земному шару. Однажды они встретились в Нью-Йорке, а последний раз, прошлой осенью, во французском портовом городе Дьеп. Сегодня Бонду впервые предоставлялся шанс увидеть Полу на ее родной территории — в Хельсинки.

— Может, поужинаем? — предложил он.

— Но ресторан выбираю я.

— А разве не ты это всегда делала?

— Ты хочешь заехать за мной?

— И не только заехать.

— Тогда будь у меня. В шесть-тридцать? Адрес у тебя есть?

— Он в моем сердце, очаровашка Пола.

— Ты говоришь это всем своим девушкам.

— В основном. Но говорю искренне, ведь ты же знаешь: к блондинкам у меня особая любовь.

— Ты предатель. Ты почему остановился в «Интер-Континентале»? Почему не в финском, не в «Хесперии»?

— Потому что там, когда нажимаешь на кнопки в лифте, тебя дергает током.

— Дергает и в «Интер-Континентале». Это из-за холода и центрального отопления…

— И ковров. Я знаю. Но за номер плачу ведь не

я, а фирма. Так пусть уж меня дергает током в более шикарных условиях. Благо я могу себе это позволить.

— Смотри, будь осторожен. В помещениях в это время года все металлическое бьет током. Будь осторожен в ванной, Джеймс!

— Надену резиновые тапочки.

— Я не про ноги, дурачок! Ах, Джеймс, так рада, что у тебя возникла эта причуда! Итак, до встречи в шесть-тридцать. — И не успел он сказать в ответ что-нибудь теплое, Пола повесила трубку.

За окном температура колебалась у отметки минус двадцать по Цельсию. Немножко размявшись, Бонд решил отдохнуть: он взял с ночного столика свой бронзовый портсигар и закурил сигарету — одну из «особых», сделанных для него на заказ фирмой «Х. Симмонс оф Бурлингтон Аркаде». В номере было тепло, стены отеля надежно защищали от холодных финских ветров. Бонд пустил в потолок струю сигаретного дыма, и по его телу расплылось теплое ощущение безграничного удовлетворения. Все-таки у его работы имелись и свои хорошие стороны! Буквально этим утром Бонд уехал из района, где бушевали сорокоградусные морозы, ведь настоящей причиной его визита в Хельсинки, была его недавняя

поездка на север, в Заполярье.

Январь — не самый приятный месяц для посещения Заполярья. Однако если вам нужно пройти курс выживания для секретного агента в суровых зимних условиях, то финская территория Заполярья как раз подходящее для этого место.

Британская Секретная служба считала необходимостью поддерживать своих оперативных агентов в отменной физической форме и посему тренировала их по всем современным методикам. Отсюда и периодические исчезновения Бонда из Лондона: по крайней мере раз в год агент 007 должен был проходить тренировку вместе с 22-ым полком Специальной воздушно десантной службы на базе под Херефордом, а иногда съездить в Пул для обновления своих знаний в области снаряжения и тактических приемов Специальной морской службы.

Несмотря на то, что старая элитная секция «00», служба в которой давала «право на убийство при исполнении», перестала существовать, Бонд все равно продолжал быть в роли агента 007. Сварливый Начальник Секретной службы, известный всем как М, был решительно настроен по этому поводу: «Лично мне нужно, чтобы ты оставался агентом 007. Всю ответственность я возьму на се-

бя, а ты, как и раньше, будешь получать задания и подчиняться приказам, поступающим только от меня. Иногда в жизни нашей страны бывают такие моменты, когда ей нужен «уборщик мусора», слепое орудие. И, слава Богу, это слепое орудие у нее будет».

Выражаясь более официальным языком: Бонд был тем, кого американские спецслужбы окрестили «сингельтон» (карт. единственная карта данной масти на руке.) — самостоятельный оперативник, не сдерживаемый никакими рамками закона при выполнении особых заданий. Таких, например, как подпольная работа, которую Бонд провел во время конфликта на Фолклендских островах в 1982 году. Тогда его даже показали по телевизору, анонимно, поэтому все обошлось.

Для поддержания агента 007 на высоком физическом и профессиональном уровне М устраивал для него хотя бы одно тяжелое боевое учение в год. На этот раз Бонду предстояло работать в очень суровом климате, и указания поступили внезапно, почти не оставив Бонду времени на подготовку к будущим испытаниям.

Зимой солдаты Специальной воздушно-десантной службы обычно тренировались в снегах Норвегии. В этом году М усложнил задачу и

увеличил долю риска: Бонд должен был начать тренировку в Заполярье, тайно — разрешения у государства Финляндия, на территории которого ему приказали действовать, даже и не спрашивали.

В рамки операции не входили ни разрушительные, ни враждебные действия по отношению к этой стране — всего лишь неделя тренировочных упражнений на выживание в компании пары офицеров из СВС и двух из СМС. На долю десантников выпало более сложное испытание, чем Бонду: им предстояло дважды тайно пересечь границу — сперва из Норвегии в Швецию, затем так же тайно попасть в Финляндию и встретиться с Бондом в Лапландии. Там от них требовалось продержаться семь дней в дикой местности с минимальным набором самых необходимых вещей, спрятанных в тайниках их специальных ремней (на профессиональном жаргоне это называлось «прожить на спецремне») и при этом не обнаружить себя «противнику». Затем — четырехдневный бросок (с Бондом в качестве лидера) вдоль границы с Советским Союзом, где они должны были провести фотосъемку и сеансы радиоперехвата, после чего им следовало разделиться и исчезнуть: людей из СВС и СМС в

отдаленной от границы местности должен был забрать вертолет, а Бонда ждал иной маршрут.

Никаких проблем с организацией «легенды» в Финляндии у Бонда не возникло: он до сих пор не испробовал свою автомашину марки «Сааб Турбо», которую любовно называл «Серебряной бестией», в суровейших зимних условиях, а фирма «Сааб-Скания» как раз каждый год устраивала труднейшие зимние автомобильные гонки в Заполярье, недалеко от лыжного курорта Рованиеми. Эти два факта и служили ему прекрасной базой для «легенды».

Достать приглашение для участия в гонках оказалось легко. Потребовалась всего пара телефонных звонков — и всего за двадцать четыре часа его машина, напичканная всевозможными тайными «добавками», встроенными за собственный счет Бонда фирмой «Коммьюникэйшнс Контрол Системс», была переправлена в Финляндию. Затем Бонд прилетел в Рованиеми и встретился там с экспертами по вождению — его старым приятелем Эриком Карлссоном и Симо Лампиненом. Гонки заняли всего пару дней, после чего Бонд попросил Эрика Карлссона присмотреть за его «Серебряной бестией», и одним ранним морозным утром покинул гостиницу

города Рованиеми.

В своей зимней одежде он вряд ли бы произвел должное впечатление на женщин в Лондоне. Утепленное нижнее белье фирмы «Дамарт» едва ли подошло бы в определенных ситуациях. Поверх него Бонд надел дорожный костюм, состоящий из теплого свитера с высоким воротником и стеганых лыжных брюк. На ногах были плотно зашнурованы меховые эскимосские сапоги. Его лицо защищали утепленный капюшон, шарф, шерстяная шапка и очки, а руки — перчатки фирмы «Дамарт», поверх которых были надеты кожаные рукавицы. И, наконец, в его маленьком рюкзачке лежали самые необходимые вещи, включая его собственную версию универсального спецремня войск СВС и СМС.

Оказавшись на улице, Бонд начал пробираться сквозь сугробы, которые в лучшем случае были по колено, стараясь не сворачивать с узкой тропинки, которую он изучил и наметил днем. Один неверный шаг — и он мог запросто угодить в сугроб, в котором можно было закопать маленький легковой автомобиль. Снегоход оказался точно в том месте, о котором говорили люди, проводившие инструктаж. Вопрос, как он туда попал, даже не поднимался. Управиться со снегоходом при

выключенном двигателе довольно трудно, и у Бонда заняло добрых десять минут, чтобы сквозь строй упрямых громадных еловых ветвей выволочь его из потайного места. Затем он подтащил снегоход к вершине длинного спуска, который был протяженностью почти в километр. Толчок — и машина заскользила под уклон, Бонд едва успел прыгнуть на сидение и спрятать ноги под специальные щитки.

Тяжелый снегоход по инерции бесшумно скатился вниз по склону и остановился. Теперь Бонд был достаточно далеко от гостиницы, чтобы спокойно завести мотор, не взирая на тот факт, что на морозе в заснеженной местности звук передается на большие расстояния, но сперва он вооружился узконаправленным фонариком и изучил карту, сверившись с ней по компасу.

Когда маленький мотор ожил, Бонд отжал сцепление, переключил скорость и поехал. Через двадцать четыре часа он встретился со своими коллегами.

Выбор курорта Рованиеми был идеален. Из города можно быстро добраться в менее населенные северные районы, и в то же время всего за пару часов быстрой езды на снегоходе можно попасть в самые легкодоступные точки на

русско-финской границе: в такие, например, как Салла, — место крупных сражений времен русско-финской войны 1939-40 гг. Дальше же к северу пограничная зона становится менее гостеприимной.

Летом в этой части Заполярья находиться не так уж и неприятно, но зимой, когда царствуют бураны, условия, приближенные к вечной мерзлоте, и идут обильные снегопады, с неподготовленным человеком эта земля может сыграть злую шутку.

Когда все трудности остались позади и две учебные операции, проведенные вместе с людьми из СВС и СМС, были завершены, Бонд думал, что почувствует себя вымотанным, нуждающимся в отдыхе, сне и покое, который он мог найти только в Лондоне (в труднейшие моменты испытания он думал только о своей уютной квартире в Челси). Однако, возвратившись через пару недель в Рованиеми, Бонд с удивлением обнаружил, что его тело укрепилось и было переполнено свежей энергией — чувство, которое он не испытывал уже довольно давно.

Вернувшись ранним утром, он проскользнул в отель «Оунасваара Поляр», где зимой располагалась штаб-квартира фирмы «Сааб-Скания»,

и оставил записку Эрику Карлссону, сообщив в ней, что вышлет исчерпывающие инструкции по дальнейшей транспортировке своего автомобиля. Потом поймал машину до аэропорта и сел на первый же самолет до Хельсинки. Там он собирался пересесть на первый же прямой рейс до Лондона.

И лишь когда его самолет DC9-50 примерно в 12:30 дня стал заходить на посадку в хельсинкском аэропорту «Вантаа», Бонд вспомнил о Поле Вакер. Мысль о ней росла и крепла, разумеется, далеко не без помощи заново пришедшего к нему чувства здоровья и хорошей физической формы, и к тому времени когда шасси самолета коснулись посадочной полосы, его первоначальные планы совершенно изменились. Время его возвращения в Лондон оговорено не было и ему в любом случае полагался отпуск. Даже если М и приказал ему вернуться, как только он сможет выбраться из Финляндии, никто его пару дней и не хватится.

Из аэропорта Бонд взял такси в «Интер-Континенталь» и снял там номер.

Как только портье принес в комнату его чемодан, Бонд рухнул на кровать и позвонил Поле. Шесть-тридцать у нее. Он улыбнулся в предвку-

шении встречи.

Бонду и в голову не могло придти, что его незатейливый шаг — звонок старой подружке и предложение вместе поужинать — в корне изменит его жизнь на ближайшие несколько недель.

3. Ножи к ужину

Приняв горячий душ и побрившись, Бонд аккуратно оделся. Как приятно было вновь облачиться в один из серых габардиновых костюмов отменного покроя и монотонную синюю рубашку от Коулс, к которым так подходил один из его любимых трикотажных галстуков от Жакс Фат. Он знал, что даже в середине зимы, в отелях и солидных ресторанах города Хельсинки принято, чтобы мужчины надевали галстуки. Автоматический пистолет «Хеклер и Кох» П-7, заменив более тяжеловесную модель ВП-70, уютно покоился под мышкой его левой руки, в кобуре с пружиной, а чтобы не замерзнуть от дикого холода, пришлось надеть утепленный танкер фирмы «Кромби Бритиш Уорм». В нем Бонд походил на военного, в особенности из-за меховой шапки, однако, как показывал опыт, в скандинавских странах лучше одеваться во что-нибудь подобное.

Спустившись в вестибюль, Бонд сел в такси, и машина не спеша покатилась по проспекту Маннергейма в южном направлении.

Тротуары главных улиц были тщательно вы-

чищены от снега, а деревья склонялись под его тяжестью. Некоторые, словно на Рождество, были увешаны целыми гирляндами длинных сосулек, а около Национального музея, воткнувшего в небо свою острую башню, одно дерево даже походило на скрюченного монаха в белой мантии, сжимавшего в костлявой руке блестящий кинжал.

За деревьями, в морозной дымке промелькнули величавые, залитые светом купола Успенского Собора. Глядя на это грандиозное творение, Бонд сразу понял, почему киношники использовали для съемок Хельсинки, когда им были нужны виды улиц Москвы.

На самом деле эти два города похожи друг на друга, как пустыня на джунгли: современные здания финской столицы, которые спроектированы и построены со вкусом и изяществом, не могут даже сравниться с натыканными по всей Москве уродливыми безликими коробками. И только в старых уголках обоих городов возникает таинственное, чем-то жутковатое ощущение их схожести. Там, на маленьких улочках, в маленьких скверике, где здания навалились одно на другое, их резные фасады напоминают еще ту Москву, которая была в старые добрые, а порой и недобрые времена царей, царевичей и нерав-

ноправия. Зато теперь, думал Бонд, у них было просто: Политбюро, комиссары, КГБ и… неравноправие.

Пола жила в многоквартирном доме с окнами, выходившими на парк Эспланаде, в юго-восточном конце проспекта Маннергейма. Эту часть города Бонд раньше никогда не посещал и, приехав сюда, был неожиданно приятно удивлен. Сам парк простилался между домами длинной полосой. Было заметно, что летом он превращается в настоящий райский уголок, полный деревьев, тропинок и каменных садиков. Сейчас же, в середине зимы, парк Эспланаде взял на себя другую оригинальную функцию: художники разных возрастов и способностей превратили его в настоящую галерею снежных скульптур на открытом воздухе.

Запорошенные вчерашним снегом, с любовью созданные еще в начале зимы, из сугробов торчали всевозможные снежные фигуры. Некоторые — абстрактные образы, а иногда настолько изящные работы, что трудно было представить их слепленными из снега, а не вырезанными из дерева или с огромным терпением выточенными из металла. В одних бросалась в глаза угловатая агрессия, а в других — тут же рядом — успокаи-

вающая плавность линий. Животные — будь они слеплены с натуры или только в абстрактных формах — пялились друг на друга, а то и скалили пасти на спешащих мимо ссутулившихся от холода и тяжести своих шуб прохожих.

Такси Бонда остановилось почти напротив мужчины и женщины, слепленных из снега в натуральную величину, тесные объятия которых, судя по всему, могла разрушить только весенняя оттепель.

Вокруг парка стояли, в основном, здания старых построек, но то тут то там среди них мелькали элементы современной архитектуры, которые служили своеобразной связующей ниточкой между прошлым и настоящим временем.

Сам не зная почему, Бонд представлял себе, что Пола живет в новой, сияющей многоэтажке, однако по ее адресу он обнаружил четырехэтажный домик с яркими зелеными стенами и ставнями на окошках, разукрашенный снегом так, словно под каждым окошком в ящиках цвели заснеженные цветы, чьи длинные ледяные стебли с лепестками и бутонами, свисая, примерзли к водосточным трубам и орнаментам фасада. Создавалось впечатление, будто бы в декабре здесь поработали хулиганы с балончиками-распылителями, разу-

красив белоснежной пеной дом всюду, где только смогли достать. Верхнюю часть здания делили пополам два изогнутых фронтона с деревянной отделкой, а внизу был вход, незапертая застекленная дверь. Сразу за дверью на стене висел ряд металлических почтовых ящиков, каждый — с крошечной рамочкой для карточки с фамилией жильца. В общей прихожей и на лестнице ковров не было, а сияющее полированное дерево пахло хорошим лаком. К тому же сейчас с этим запахом смешались невыносимые для голодного Бонда ароматы стряпни из чьей-то кухни.

Пола жила на четвертом этаже, в квартире 4А. Бонд, расстегивая куртку, начал подниматься по лестнице.

Он отметил, что на каждой лестничной площадке было по две двери, справа и слева. На вид они казались прочными и аккуратно сделанными. Рядом с каждой висел звонок и карточка, такая же, как и на первом этаже, на почтовом ящике.

На четвертом этаже имя Полы Вакер было элегантно выведено на визитке под звонком квартиры 4А. Из любопытства Бонд глянул на дверь квартиры 4Б: там жил некий майор А. Ниблин. Бонд сразу представил себе отставного

военного, чья квартира завалена картинами баталий, книгами по стратегии, и романами о войне, о публикации которых так заботятся финские книжные издательства. Они не давали людям забыть о тех трех войнах за независимость, в которых страна сражалась против России: сначала из-за революции, потом из-за вторжения и, наконец, плечом к плечу с Вермахтом.

Бонд нажал на кнопку дверного звонка с силой, отпустив не сразу, затем встал прямо перед маленьким глазком в середине двери.

Изнутри послышался лязг цепочки. Открылась дверь — и вот она, одетая в длинный шелковый халат, небрежно завязанный поясом. Все та же Пола, все такая же соблазнительная и пленяющая.

Бонд увидел, как ее губы шевельнулись, словно она хотела сказать ему «здравствуй». И тут он понял, что это не все та же Пола. Ее лицо казалось побледневшим, рука на двери дрожала, а в глубине сероватых глаз отчетливо мелькал огонек страха.

Интуицию — как учили его в разведшколе — ты приобретаешь только с практическим опытом, ты не рождаешься с ней.

Громко Бонд произнес: «А вот и я вернулся из-за моря!» В тот же момент он выставил вперед ногу,

прижав ботинок к открытой двери. И со словами «Ну как? Ты рада?», Бонд левой рукой схватил Полу за плечо и, крутанув ее, буквально вытянул на площадку. Правая рука уже на пистолете. Не прошло и трех секунд, как Пола оказалась у стены рядом с дверью майора Ниблина, а Бонд уже боком нырнул в ее дверь с «Хеклером» наготове.

Их было двое. Слева от Бонда — коротышка с тонким, изуродованным оспой лицом, прижался к стене с маленьким револьвером, похожим на «Чартер Армс Андерковер.38 Спешиал». Им он, видимо, держал на мушке Полу, пока та стояла в дверях. В дальнем углу комнаты (коридора не было) наготове стоял здоровый мужчина, с огромными руками и лицом боксера-неудачника. Стоял он рядом с красивым кожаным диваном с отделкой из хрома. Одной из отличительных примет боксера был огромный чуть приплюснутый нос сизого цвета. Оружия в руках у него не было.

Слева от Бонда взметнулся револьвер коротышки, «боксер» начал двигаться.

Сначала Бонд разобрался с револьвером: казалось, громадный «Хеклер и Кох» еле двинулся в руке Бонда, когда он с силой треснул им по запястью коротышки. Револьвер отлетел в сторону, а вопль от боли заглушил хруст сломавшейся

руки.

Удерживая «боксера» на мушке, Бонд левой рукой дернул к себе коротышку, прикрывшись им как щитом. В тот же момент, он с силой двинул коленом вверх. Коротышка съежился, инстинктивно попытавшись здоровой рукой прикрыть свой пах, — но поздно: от удара он взвизгнул как свинья и, скорчившись, рухнул к ногам Бонда.

Тот, что побольше, казалось, не был смущен видом пистолета, что говорило или об огромном мужестве, или об умственной отсталости: с этого расстояния выстрел из «Хеклера» мог изувечить внушительную часть человеческого тела.

Бонд перешагнул через коротышку, пнув его правым каблуком, и с пистолетом в вытянутых руках, крикнул приближающемуся противнику: «Стой, или убью!»

Это было скорее командой, нежели предупреждением: палец Бонда уже почти нажал на курок.

Тот, что с сизым носом не сделал, что ему было сказано. Напротив, он русским матом (с ужасным акцентом) посоветовал Бонду совершить акт кровосмешения со своей матерью. Агент 007 даже не успел заметить, как тот метнулся в сторону. Парень был хитрее, чем Бонд ожидал, да еще и с

отменной реакцией. Как только Сизый нос метнулся, в ту же сторону дернулся Бонд, стараясь удержать его на мушке. И тут он почувствовал резкую чудовищную боль в правом плече и на секунду потерял контроль над ситуацией. Он невольно опустил пистолет — тут же взметнулась нога Сизого носа. Бонд понял, что нельзя оценивать человека с первого взгляда. Этот парень был настоящим убийцей — профессиональным, расчетливым и опытным. Еще Бонд подумал о появившейся боли в плече, и о пистолете, выбитым ногой из его руки и отлетевшим в стену, вдобавок где-то позади ему слышались затихающие стоны убегавшего вниз по лестнице коротышки.

Сизый нос быстро приближался, боком, одно плечо приопущено.

Бонд быстро шагнул назад и вправо к стене. Краем глаза он засек тот самый предмет, который причинил ему боль: в дверном косяке торчал восьмидюймовый кинжал с костяной рукояткой и изогнутым лезвием — лопари с успехом используют их для снятия кожи с туши оленя.

Бонд схватился за кинжал и, крепко сомкнув пальцы на рукоятке, с силой выдернул его из дверного косяка. Боли в плече агент 007 сейчас не чувствовал. Он быстро повернулся боком. Нож

был твердо зажат в правой руке, лезвием вверх, большой и указательный пальцы на рукоятке у основания лезвия — именно так следует держать нож при рукопашном бое. Всегда — учили его на тренировках — только позиция для удара с выпадом. Никогда не держи нож наоборот: лезвием вниз, с большим пальцем на конце рукоятки. Никогда не защищайся ножом — только атакуй.

Бонд повернулся всем туловищем прямо к Сизому носу, колени чуть согнуты, одна нога немного вперед (для равновесия) — классическая поза для драки на ножах.

— Чего ты там сказал про мою мать? — прорычал Бонд. Его русский был гораздо лучше, чем у его противника.

Сизый нос ухмыльнулся, обнажив свои желтые зубы.

— Что слышал, Бонд, — ответил он на ломаном русском.

Они принялись кружить друг против друга. Бонд отпихнул ногой в сторону маленький стул, освободив место для драки. Сизый нос достал другой нож и начал перекидывать его из руки в руку. Пружиня на ногах, он постоянно находился в движении, постепенно сужая круг. Это был хорошо известный обманный маневр: держи

противника в догадках и заманивай его поближе, затем наноси удар.

«Ну давай, — думал Бонд. — Давай, иди сюда, ближе, ближе ко мне». И Сизый нос делал именно так, совсем позабыв об опасности сузить круг слишком сильно. Глаза Бонда застыли на глазах громилы. Все чувства сконцентрировались на ноже: как он блестел, перелетая из руки в руку; как каждый раз рукоятка с тупым звуком шлепалась в ладонь.

Конец пришел внезапно и быстро.

Когда Сизый нос, продолжая перекидывать нож из руки в руку, приблизился еще на дюйм, Бонд шагнул на него как фехтовальщик, сделав выпад правой ногой и выставив ее между ногами противника. В тот же момент агент 007 перекинул свой нож из правой руки в левую, а потом сблефовал, прикинувшись, что собирается перекинуть нож обратно в правую руку, как ожидал от него противник. Момент настал. Бонд увидел, как глаза здоровяка двинулись в сторону, куда должен был пролететь нож. В эту долю секунды Сизый нос был в замешательстве, и тут левая рука Бонда поднялась на пару дюймов, метнулась вверх, а потом вниз. Послышался звонкий лязг стали о сталь.

Сизый нос как раз перекидывал нож из руки в руку, и лезвие Бонда перехватило его нож прямо в воздухе, сбив на пол. Чисто автоматически здоровяк чуть нагнулся, протянув руку, чтобы подобрать его. Нож Бонда взметнулся вверх. Гаркнув, здоровяк моментом выпрямился, и схватился за щеку, которую нож Бонда вспорол от уха до подбородка, оставив отвратительный красный порез. Другой резкий выпад Бонда — и его нож полоснул руку, прикрывавшую щеку. В этот раз, Сизый нос издал вопль от боли и злобы.

Бонд не хотел убивать — не в Финляндии и не при таких обстоятельствах. Было нужно принять решение. Глаза здоровяка расширились в смятении и страхе, когда Бонд вновь шевельнулся: его нож снова мелькнул вверх, оставил рваный порез на другой щеке и отсек мочку уха.

Громиле явно хватило. Он пошатнулся и, хрипло дыша, вывалился за дверь. Бонд понял, что у парня было больше ума, чем ему сперва показалось.

В этот момент у Бонда снова заболело плечо и закружилась голова. Он слышал, как на деревянных ступеньках слышались неровные спотыкающиеся шаги бандита, но преследовать его не собирался.

— Джеймс? — Пола вбежала в комнату. — Что делать? Звонить в полицию или…?

Она была напугана, лицо — бледнее смерти. Бонд подумал, что сам он, вероятно, смотрелся сейчас не лучше, если не еще хуже.

— Нет, Пола. Никакой полиции, — он повалился в ближайшее кресло. — Запри дверь на цепочку и выгляни в окно.

Казалось, что все вокруг него сейчас куда-то уплывет, в голове был туман. К удивлению Бонда Пола сделала все, как он попросил. Обычно она возмущалась. Такими девушками, как Пола, особо не покомандуешь.

— Видно что-нибудь? — голос Бонда звучал где-то вдалеке.

— Какая-то машина уезжает. Остальные так и стоят. Людей никаких не видно…

Внезапно вся комната накренилась, затем снова выпрямилась.

— Джеймс, твое плечо!

Он почувствовал рядом ее аромат.

— Ты главное скажи, что произошло, Пола. Это важно. Как они проникли? Что они тут делали?

— Да ты на плечо свое посмотри, Джеймс!

Он взглянул: от серьезного ранения его спасла толстая подкладка танкера «Бритиш Уорм», и все

же нож пропорол плечо куртки насквозь, и теперь его кровь расплывалась по материи темным мокрым пятном.

— Расскажи мне, что произошло, — повторил Бонд.

— Ох! Тебя же ранили! Дай-ка я осмотрю!

Они немного поспорили, после чего Бонд разделся по пояс. По диагонали, через все плечо проходил отвратительный глубокий порез. Нож рассек руку примерно на пол дюйма вглубь. Пола, вооружившись дезинфектором, пластырем, горячей водой и марлей, принялась промывать и забинтовывать рану, параллельно рассказывая, что случилось. Внешне она была спокойна, хотя Бонд заметил, что у нее немного дрожали руки.

Оказалось, что киллеры появились всего за несколько минут до того, как он позвонил в дверь.

— Я немножко опаздывала. — Она махнула на свой шелковый халат. — Дура! Подумала, что это ты и не накинула на дверь цепочку. Даже в глазок не посмотрела.

Бандиты просто вломились силой, затолкнули Полу обратно в комнату и указали ей, что делать. Они так же вкратце описали, что могут сотворить с девушкой, если она не выполнит их

инструкции.

Да, подумал Бонд, в этих обстоятельствах Пола сделала, все что смогла. И все же оставались вопросы, ответы на которые можно было получить только через каналы Секретной службы. А это означало, что как бы он не хотел остаться в Финляндии, ему надлежало немедленно вернуться в Лондон. Одно было ясно: если два человека попали в квартиру Полы за несколько минут до его прихода, значит, по всей видимости, они знали, что он приедет на такси в парке Эспланаде.

— Спасибо тебе огромное за то, что предупредила меня в дверях, — поблагодарил Бонд, ослабляя бинты на плече.

Пола слегка надула губы:

— Какое там предупредила. Я так перепугалась!

— Да ну, брось! Ты только прикидывалась, — улыбнулся ей Бонд. — Поверь, уж я-то видел людей в настоящем испуге.

Она нагнулась и поцеловала его. Потом чуть нахмурилась.

— Джеймс, мне до сих пор страшно. Если хочешь знать, я до смерти напугана. Откуда это вдруг у тебя пистолет? А эти приемы, которые ты тут выкручивал? Я думала, ты простой честный

и добропорядочный гражданин.

— Я и есть. Честный и очень добропорядочный. — Он сделал паузу перед тем, как начать задавать ей более важные вопросы, но тут Пола пошла в дальний угол комнаты, подняла пистолет и вручила его Бонду дрожащей рукой.

— Они вернутся? — спросила Пола. — На меня что, снова могут напасть?

— Послушай, — ответил Бонд, разводя руками, — по каким-то непонятным причинам за мной охотилась пара громил. И я действительно не знаю, почему. Да, иногда я выполняю слегка опасную работу, поэтому и вооружен. Но мне и в голову не могло придти, что эти двое выйдут на меня здесь, в Хельсинки!

Еще Бонд сказал, что, возможно, он найдет настоящий ответ в Лондоне, а сейчас чувствует, что Пола будет в полной безопасности, как только он исчезнет из ее поля зрения. Но на вечерний рейс «Бритиш Эйруэйс» он уже не успевал, оставалось ждать регулярный рейс авиакомпании «Финнэир» в девять утра.

— Наш ужин летит к черту. — Бонд постарался извиняюще улыбнуться.

Пола сказала, что еда у нее есть, посему поужинать они могут и дома.

Тут ее голос задрожал. Бонд быстро прикинул, как он будет задавать ей вопросы. Он решил для начала отвлечь ее внимание какой-нибудь простой, решаемой задачей, а после перейти к основной, серьезное проблеме: откуда эти наемные убийцы знали, что он в Хельсинки, и в частности, откуда они знали, что он собирается навестить Полу?

— Твоя машина далеко? — начал Бонд.

Да, у нее была машина, запаркованная на улице.

— Возможно, я попрошу тебя об одном одолжении — позже.

— Надеюсь. — Она ободряюще ему улыбнулась.

— Ладно, но это потом. А пока — кое-что более важное.

Тут Бонд обрушил на девушку целый шквал конкретных вопросов. Задавал быстро и часто, давя на нее, чтобы та отвечала быстро, не успевая ни уклониться от ответа, ни обдумать его.

С тех пор как они познакомились, рассказывала ли она когда-нибудь о нем своим друзьям или коллегам по работе в Финляндии? Конечно. А в других странах, тоже? Да. Может ли она вспомнить, кому говорила? Девушка назвала имена — обычный список: близкие друзья и люди, с

которыми работала. Может ли она припомнить посторонних, которые, возможно, присутствовали, при ее разговорах о Бонде? Людей, которых она не знала? Вполне вероятно. Но никаких конкретных деталей Пола сообщить не могла.

Бонд перешел к самым недавним событиям. Был ли кто-нибудь у нее в офисе, когда он звонил ей из «Интер-Континенталя»? Нет. Могли ли их разговор просто подслушать? Возможно, кто-нибудь на коммутаторе. Говорила ли она с кем-нибудь после звонка? Сказала ли она, что он в Хельсинки и собирается заехать за ней в шесть тридцать? Только одному человеку.

— У меня был назначен ужин с одной девушкой, коллегой из другого отдела. Мы хотели за едой обсудить кое-какие проблемы по работе.

Женщину звали Анни Тудеер, и Бонд потратил довольно много времени, выуживая о ней факты. Наконец, он замолк. Встал, подошел к окну и, отодвинув занавеску, выглянул на улицу.

Белые застывшие скульптуры отбрасывали на снежный покров свои тени, отчего внизу было уныло и немного жутковато. По противоположному тротуару плелись две закутанные в меха фигурки. На улице стояло несколько машин. Две из них сошли бы идеальным местом для слеж-

ки: угол, под которым они были запаркованы, открывал из них прекрасный вид на парадную дверь. Бонду показалось, что в одной из них он уловил движение, но решил до поры до времени выбросить это из головы.

Он вернулся в кресло.

— Допрос окончен? — спросила Пола.

— Это был не допрос.

Бонд достал свой любимый бронзовый портсигар, предложив ей одну из своих «особых» сигарет фирмы «Симмонс».

— Как-нибудь, может быть, я и устрою тебе допрос. Помнишь, я сказал, что, возможно, попрошу тебя об одолжении?

— Давай, валяй.

Бонд сказал, что в отеле находится его багаж, а ему надо попасть в аэропорт. Может ли он остаться у нее до четырех утра, потом поехать в отель на ее машине, заплатить за номер, и уже «чистеньким» направиться прямиком в аэропорт?

— Я могу договориться и машину пригонят тебе обратно.

— Джеймс, ты никуда, ни за каким рулем не поедешь! — Она говорила решительно и серьезно. — У тебя ужасная рана в плече! Тебе все равно придется обратиться к врачу, рано или поздно. Да.

Ты останешься у меня до четырех утра, но потом Я отвезу тебя в отель и в аэропорт. Но почему так рано? Самолет ведь не улетит до девяти. А билет ты можешь заказать и отсюда.

Еще раз Бонд напомнил, что она не будет в полной безопасности до тех пор, пока он не исчезнет с ее горизонта.

— Если я приеду в аэропорт пораньше, то избавлю тебя от своего присутствия в квартире. К тому же у меня будет преимущество. Дело в том, что я знаю пару способов, как осесть в таких людных местах, как аэропорт так, чтобы никто не преподнес тебе никаких неприятных сюрпризов. И уж конечно, я не воспользуюсь твоим телефоном.

Она согласилась, но продолжала настаивать, что сама поведет машину. «Пола есть Пола», — мысленно заключил Бонд.

— Ну вот, ты уже выглядишь лучше, — Пола чмокнула его в щеку. — Выпьешь?

— Конечно. Ты же знаешь мои вкусы.

Пола ушла на кухню, чтобы приготовить коктейль водка-мартини. Прошло более трех лет с тех пор, как он научил девушку этому рецепту, который из-за книг одного хорошо всем известного писателя стал так популярен. После первого глотка, пульсирующая боль в плече стала менее

напряженной, и уже через секунду Бонд чувствовал, что почти вернулся в норму.

— Какой у тебя красивый халатик! — Мозг Бонда начал посылать сигналы своему телу, и, несмотря на раны, тело начало отвечать на его эмоции и желания.

— Вообще-то, — она застенчиво улыбнулась, — по правде говоря, ужин у меня уже был приготовлен. А куда-то идти я и не собиралась. И к приходу твоему я уже была готова, а тут вламываются эти… эти скоты. Как плечо?

— В шахматы играть не помешает, или в любой другой вид спорта в закрытом помещении, который ты пожелаешь.

Она потянула за свой поясок, и ее халатик распахнулся.

— Ты сказал, что я знаю твои вкусы, — промолвила она, потом добавив: — ну, если ты, конечно, чувствуешь себя в норме для этого.

— Для этого я всегда чувствую себя в норме, — ответил Бонд.

Когда они сели поесть, была уже почти полночь. Пола украсила стол свечами и приготовила по-настоящему незабываемый ужин: куропатка в соусе; хорошо прожаренная лососина и наивкуснейший шоколадный мусс. На рассвете, в четыре

утра, они покинули квартиру.

Пола, теперь уже одетая для жуткого холода, пропустила Бонда вперед, чтобы тот спускался по лестнице первым. Вынув П-7 из кобуры, Бонд выбрался под покровом теней на улицу и прокрался по скользкой ледяной дороге сперва к «Вольво», затем — к «Ауди». В «Вольво» спал мужчина. Голова его была откинута, рот — открыт. По всей видимости, ответил Бонд, парню снился один из тех увлекательных снов, которые так любят посмотреть все посреди ночи горе — соглядатаи. «Ауди» была пуста. Бонд дал сигнал Поле, и та уверенной походкой прошла по тротуару к своей машине. Автомобиль завелся с первого раза, выпустив из выхлопной трубы в морозный воздух пышные облака. Машину Пола вела с мастерством человека, привыкшего каждый год месяцами ездить по снегу и льду.

В отеле он без зацепочки расплатился за номер и забрал свои вещи. Не было хвоста и по дороге в аэропорт «Вантаа».

Официально аэропорт «Вантаа» закрыт до семи утра, и все равно там всегда болтаются люди. В пять часов у аэропорта вид, который можно встретить в любой точке земного шара — вид, который обычно ассоциируешь с кислым запахом

огромной кучи выкуренных сигарет, с ароматом вездесущего кофе и ощущением усталости от ожидания ночных поездов и самолетов.

Бонд не хотел задерживать Полу. Он заверил ее, что позвонит из Лондона как можно скорее, и они поцеловались на прощание, нежно, спокойно, не делая из этого какую-то трагедию.

Бонд выбрал свой пост в главном зале отлета, где постоянно туда-сюда шныряли люди. Боль в плече опять начинала пульсировать. Бонд огляделся: вымотанные дорогой пассажиры пытались уснуть в глубоких комфортабельных креслах, а вокруг ходило парами приличное число полицейских, строго следивших за порядком, который так и не нарушался.

Точно в семь аэропорт ожил, а Бонд уже стоял у стойки «Финнэир», чтобы быть первым. Свободных мест на рейс «Финнэир» N 831 отправлением в 9:10 оказалось много. Около восьми пошел снег, а в 9:12, когда самолет DC9-50 взвыл над взлетной полосой, снегопад усилился. Хельсинки быстро исчез в вихре белого конфетти, который вскоре сменился горным ландшафтом из облаков под кристально чистым, лазурным небом. Ровно в 10:10 утра по лондонскому времени, его самолет коснулся 28-ой Левой посадочной полосы

аэропорта «Хитроу». Спойлеры, смягчив посадку, закрылись, гудящие турбины «Прэтт-н-Уитни» взвыли, включившись на реверс, и скорость самолета постепенно спала. Посадка закончилась.

Через час Джеймс Бонд уже был в высоком здании штаба Секретной службы. К тому времени боль в плече пульсировала так, словно у него там болел зуб. Со лба градом катился пот, и его тошнило.

4. МАДЕРОВЫЙ ПИРОГ

— Ты уверен, что это были профессионалы? — уже в четвертый раз спросил М.

— В этом я нисколько не сомневаюсь, — снова повторил Джеймс Бонд. — И еще раз подчеркну, сэр: я был их мишенью.

М фыркнул.

Они сидели в кабинете М, на десятом этаже: М, Бонд и Начштаба Билл Тэннер.

Попав в здание, Бонд сразу же поднялся на лифте прямиком на десятый этаж. Там он, покачиваясь, ввалился в приемный кабинет — владение мисс Манипенни, аккуратного и незаменимого личного секретаря М. Взглянув на него, та сперва радостно улыбнулась.

— Джеймс…, — начала она, но, увидев, что Бонд шатается, выскочила из-за стола, чтобы помочь ему добраться до стула.

— Как восхитительно, Пенни, — проговорил Бонд, сонный от боли и слабости. — Ты пахнешь великолепно. Ты — сама женственность.

— Ах, Джеймс, это все «Шанель». А вот ты — ходячая смесь пота, антисептика и капельки…

кажется, духов «Пато».

М у себя не было, он ушел на заседание Объединенного разведывательного комитета, поэтому уже через десять минут Бонд оказался в лазарете, куда ему помогла спуститься Манипенни, и где за ним сразу принялись ухаживать две медсестры из служебного персонала. Дежурный врач уже спешил к нему.

Пола оказалась права: рану было необходимо залечить. Причем одними антибиотиками не обошлось — пришлось наложить швы, но к трем часам дня Бонд чувствовал себя уже гораздо лучше и был вполне готов идти на ковер к М и Начальнику штаба.

М никогда не позволял себе крепких словечек, но сейчас он выглядел так, словно вот-вот сорвется.

— Ну-ка, расскажи мне опять о девчонке. Об этой, Вакер. — Он облокотился на стол, наощуп набивая свою курительную трубку; его серые глаза буравили Бонда, словно не доверяя ему.

Бонд старательно повторил все, что знал о Поле.

— А подружка? Та, которую она упомянула?

— Анни Тудеер. Работает в том же агентстве, занимает похожую должность. Они, как я понимаю,

вместе работают над одной проблемой: раскрутка фирмы, которая занимается исследованиями в области химии, в городе Кеми. Это на севере, но не за Полярным кругом.

— Я знаю, где находится Кеми, — почти огрызнулся М. — Там делаешь пересадку, когда летишь в Рованиеми или дальше на север.

Старик склонил голову в сторону Тэннера:

— Начальник штаба, не прогонишь ли мне эти имена через компьютер? Посмотрим, не найдется ли что-нибудь там. Можешь даже отправиться с поклоном к «Пятерке». Спроси, есть ли что-нибудь у них.

Билл Тэннер почтительно кивнул и вышел из кабинета.

Как только закрылась дверь, М откинулся в своем кресле.

— Ну, и какова твоя профессиональная точка зрения, 007? — Серые глаза блестели, и Бонду на секунду подумалось, что М уже знал всю правду и держал ее вместе со многими другими секретами запертой в темницах своей памяти.

Бонд стал тщательно подбирать слова:

— Я думаю, что меня нарисовали — ну, засекли — либо во время учений в Заполярье, либо когда я вернулся в Хельсинки. Каким-то образом они

подключились к моему телефону в номере. Либо так, либо это Пола (во что мне верится с трудом), либо кто-то, с кем она говорила. Это операция явно была сколочена наспех, потому что даже я сам не знал, что остановлюсь в Хельсинки до того момента, пока туда не прилетел. Но надо сказать, что среагировали они быстро, и они, несомненно, хотели вывести меня из игры.

М вынул изо рта трубку, и, ткнув ее, словно жезлом, в сторону Бонда, спросил:

— Кто они?

Бонд пожал плечами — в раненом плече больно кольнуло.

— Пола сказала, что они говорили с ней на хорошем финском, со мной пытались на русском. Акцент ужасный. Пола решила, что они — скандинавы, но не финны.

— Это не ответ, Бонд. Я спросил, кто они?

— Люди, способные нанять местных, но нефинских, умельцев. профессиональных наемников.

— И кто же эти наниматели? И зачем они это сделали? — М был неподвижен, его голос спокоен.

— Ну, с друзьями у меня всегда было туговато.

— А если без шуток, 007?

— Ну, — вздохнул Бонд. — Полагаю, это мог

быть контракт. Нанимал кто-нибудь из остатков организации СПЕКТР. Явно не КГБ, или скажем: вряд ли это КГБ. Возможно, кто-нибудь из дюжины новоиспеченных группировок.

— Назовешь ли ты Национал-Социалистическую Действующую Армию новоиспеченной группировкой?

— Не их стиль, сэр. Они охотятся за коммунистами, с шумом-гамом, официальными заявлениями.

На лице М появилась тонкая улыбка:

— Для этого они бы вполне могли воспользоваться каким-нибудь агентством, да? Рекламным агентством, 007. Например, таким, в которым работает твоя мисс Вакер?

— Сэр! — произнес Бонд так, как будто М сошел с ума.

— Да нет, Бонд, ты прав. Не их стиль. Если только они не хотели быстрого уничтожения того, кого считали угрозой для себя.

— Но я не…

— Они не должны были этого знать. Они не должны были знать, что ты остановишься в Хельсинки, чтобы поиграть в очередной раз в плейбоя! Роль, которая уже начинает всех утомлять, 007! Ведь тебе были даны четкие инструкции: когда

закончатся тренировки в Заполярье, вернуться прямиком в Лондон! Так или нет так?

— Так ведь никто не делал на этом особого акцента. И я подумал…

— Плевать мне на то, что ты подумал, 007! Нам ты был нужен здесь! А ты вместо этого бегаешь за юбками по всему Хельсинки! Ты ведь мог запросто скомпрометировать и Службу, и себя!

— Я…

— Да ты и не должен был этого знать. — М, казалось, немного смягчился, — В конце концов, я просто послал тебя на тренировку в суровых условиях, для акклиматизации. Виноват тут я. Мне надо было быть с тобой более открытым.

— Открытым?

М молчал целую минуту. Висевший над ним оригинал картины Роберта Тэйлора «Трафальгар» как нельзя точно отражал настроение и характер задумавшегося М. Картина висела уже два года. До нее здесь был «Мыс Святого Винсента» Купера, взятый напрокат из Национального Морского Музея. А до нее… Бонд не мог сейчас припомнить, он помнил только, что здесь всегда висела картина, на которой была запечатлена какая-нибудь победа британского флота. В М было то внутреннее высокомерие, из-за которого

человек ставит на первое место интересы своей страны, а также твердая вера в непобедимость британского военно-морского флота, независимо от того, насколько силен противник и как долго идет сражение.

Наконец, М заговорил:

— Мы сейчас проводим одну операцию в Заполярье, которая имеет важное значение, 007. И эта тренировка была своего рода разогревом, если конечно здесь подойдет это слово. Разогревом для тебя. А если уж говорить конкретней: тебе надлежит принять участие в этой операции.

— Операции против? — Хотя Бонд уже предполагал, против кого.

— Национал-Социалистической Действующей Армии.

— В Финляндии?

— У российской границы.

М подался еще чуть вперед, словно опасаясь, что их разговор кто-нибудь услышит.

— У нас уже есть свой человек, задействованный в операции. Или лучше сказать: у нас был свой человек, задействованный в операции. Он сейчас по пути домой. Не будем пока вдаваться в детали. Он повздорил с нашими партнерами на личной почве. Остальные из команды уже

отозваны из района действия операции для того, чтобы перегруппироваться, познакомиться с тобой и ввести тебя в курс дела. Но, разумеется, сперва ты прослушаешь мой инструктаж.

— А состав команды?

— Состав — довольно веселая компания, 007. Очень веселая. А теперь еще из-за твоего кутежа в Хельсинки я боюсь, что мы потеряли элемент внезапности. Мы-то понадеялись, что в игру ты вступишь незаметно, что присоединишься к команде, не привлекая внимания этих неофашистов.

— Так что за команда? — переспросил Бонд.

М откашлялся, медля с ответом:

— Совместная операция, 007. Необычная операция, организованная по просьбе Советского Союза.

Бонд нахмурился:

— Мы играем вместе с Москвой?

М коротко кивнул.

— Да, — произнес М так, будто и сам не одобрял этого. — И не только с Москвой. Мы так же в игре с Лэнгли и Тель-Авивом.

Бонд тихонько присвистнул, отчего М поднял брови и сжал губы.

— Как я сказал: веселая компания, Бонд.

Словно повторяя что-то невероятное вслух, Бонд пробормотал:

— Мы, КГБ, ЦРУ и Моссад — Израиль.

— Именно так. — Теперь, когда уже все карты были раскрыты, М смягчился. — Операция «Ледокол». Назвали ее так, конечно же, американцы. Ну а Советы в игре, потому что от них шел запрос…

— КГБ попросил о сотрудничестве? — судя по голосу, Бонд до сих пор не верил услышанному.

— Да. По секретным каналам. Когда мы в первый раз услышали эту новость, некоторые из нас не знали, что и сказать. Потом меня пригласили на площадь Гросвенор (М имел в виду посольство Соединенных Штатов).

— И их попросили?

— Да. И, естественно, так как ЦРУ есть ЦРУ, они прознали, что приглашен еще и Моссад. В тот же день мы, главы трех разведок, собрали конференцию.

Бонд жестом спросил разрешения закурить. Сделав едва заметное движение руки в знак согласия, М продолжил, то тут, то там прерываясь, чтобы раскурить свою вечно гаснущую трубку.

— Мы осмотрели это дело со всех сторон. Искали ловушки, которые, конечно же, там есть. Прикинули варианты на случай, если операция пойдет

под откос. Потом решили назначить участников. Мы хотели, чтобы с каждой стороны было по меньшей мере три человека. Советы на трех ни в какую не соглашались — дескать слишком много, не уследишь, и все такое прочее. В общем, в конце концов мы встретились для переговоров с представителем КГБ, Анатолием Павловичем Гриневым…

Бонд знающе кивнул:

— Полковник. Первое управление, Третий отдел. Прикрытие: Первый секретарь, торговые отношения в КПГ.

Под аббревиатурой КПГ Бонд имел в виду Кенсингтон Палас Гардэнс, а точнее дом номер 13 — Российское Посольство. Третий отдел первого управления КГБ отвечал за проведение разведывательных операций в Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и Скандинавии.

— Он самый, — подтвердил М. — Кувшин с ушами.

Это было метким определением внешности коварного полковника Гринева. Бонд уже имел дело с этим джентльменом и доверял ему не больше, чем ржавой противопехотной мине.

— И он объяснил? — спросил Бонд почти риторически. — Объяснил, зачем мы, ЦРУ и Моссад

понадобимся КГБ для проведения тайной операции на финской территории? Ведь у них достаточно хорошие отношения с СУПО (финская разведка) для работы напрямую.

— Не совсем, — ответил М. — Ты прочитал все, что у нас есть на НСДА, 007?

Бонд кивнул:

— Самое ценное там — это подробные рапорты на тридцать с лишним истребительных акций, проведенных ими. Больше ничего такого…

— А анализ Комитета по разведке? Я надеюсь, ты изучил эти пятьдесят страниц?

Бонд заверил, что прочитал их.

— Они возводят Национал-Социалистической Действующую Армию из горстки фанатичных фашистских террористов во что-то более чудовищное. Я не уверен, что это на самом деле так.

— Правда? — М фыркнул. — А вот я уверен, 007. Да, НСДА — фанатики, но все ведущие мировые спецслужбы согласны в одном: НСДА движется и вскармливается на старых нацистских принципах. У них серьезные намерения, и создается впечатление, что с каждым днем они затягивают в свои сети все больше и больше людей. Все говорит о том, что их лидеры видят себя архитекторами Четвертого рейха. Сейчас их мишень

— организованный коммунизм, но недавно возникла и еще пара аспектов…

— Что именно?

— Недавние вспышки антисемитизма по всей Европе и Соединенным Штатам…

— Нет доказательств связи…

М утихомирил его, подняв руку.

— И второе: мы поймали одного из них.

— Солдата НСДА? Но никто…

— Не заявлял и не говорил об этом. Да, это так. Видишь, на сколько все шито-крыто?

Бонд поинтересовался, имел ли в виду М под словом «мы» дословно только Великобританию.

— Да-да. И он сейчас здесь, в этом самом здании. В крыле для гостей. — М указал пальцем вниз, имея в виду огромную секцию для проведения допросов, которая находилась в подвале. Секция была переоборудована, после того как правительство забыло об особом значении Секретной службы для государства, срезав ей средства.

М продолжал. Солдата НСДА, как оказалось, взяли во время «последней лондонской атаки» — это была настоящая резня средь бела дня на улице, в которой при выходе из советского посольства после дискуссии по торговле погибло три гражданина Великобритании. Это произошло шесть

месяцев назад. Один из убийц попытался застрелиться, когда к нему приблизилась охрана.

— Прицел у него сбился, — прокомментировал М, холодно улыбнувшись. — Мы позаботились о том, чтобы он выжил. И большинство из того, что мы знаем, построено на его словах.

— Он заговорил?

— Самую-самую малость, — М пожал плечами. — Но то, что он рассказал, дало нам возможность читать между строк. Об этом знает всего лишь несколько человек, 007. И я рассказываю это тебе только затем, чтобы ты не сомневался: мы на верном пути. Мы на восемьдесят процентов уверены, что НСДА — глобальная растущая организация, и не останови ее сейчас, она несомненно перейдет к открытому движению. Она может привлечь на свою сторону электораты многих демократических стран. Отсюда, конечно, и заинтересованность Советов.

— Тогда, зачем мы ведем с ними игру?

— Да потому что, ни одно агентство, начиная с Федеральной разведывательной службы ФРГ и заканчивая Французской разведкой, не нашло никаких улик…

— Ну и…?

— Никто. За исключением КГБ.

Бонд не дрогнул ни одним мускулом.

— Они, конечно, не знают, что есть у нас, — продолжал М, — но КГБ предоставил улику, которая имеет некоторую ценность: поставщика оружия для НСДА.

Бонд склонил голову:

— Они всегда пользовались российским оружием, так что я полагаю…

— Не надо полагать, 007, это одно из первых правил стратегии. У КГБ есть все основания полагать, что все военное снаряжение НСДА умело похищено и затем, вероятно, под руководством одного финна вывезено из Советского Союза в различные пункты переброса. Вот причина, по которой они хотят провести эту операцию тайно, не уведомляя финское правительство.

— А при чем тут мы? — Бонд постепенно начинал догадываться.

— Они говорят, — начал М, — они говорят, что в этом деле должна присутствовать поддержка со стороны стран не Восточного блока. Израиль очевиден, потому что Израиль будет следующей мишенью, а Великобритания и Америка предстанут перед всем миром внушительной силой, если покажутся в этой операции. Они говорят, что это в наших же интересах разделить с ними

эту миссию.

— И вы верите им, сэр?

М без улыбки ответил:

— Нет, не совсем. Но я не думаю, что нас ждет нечто чудовищное, типа сложно запутанной ловушки, в которую должны угодить разведки трех государств.

— И как давно проводится операция «Ледокол»?

— Шесть недель. Они с самого начала запрашивали именно тебя, но я решил сначала проверить лед. Надеюсь, ты понимаешь о чем я.

— И он прочный?

— Твой вес выдержит, 007. По крайней мере, я думаю, что выдержит. Конечно, после того что случилось в Хельсинки, появилась новая опасность.

На целую минуту воцарилась тишина. Где-то далеко, за дверью, зазвонил телефон.

— А человек, которого вы поставили…? — нарушил тишину Бонд.

— На самом деле их двое. У каждой стороны есть еще по резиденту, сидящему в Хельсинки. А из дела мы выводим оперативного агента. Дадли. Клиффорда Артура Дадли. Одно время он был резидентом в Стокгольме.

— Хороший парень. — Бонд зажег другую сигарету. — Я работал с ним. — В Париже пару лет назад они вместе провели виртуозную слежку за одним румынским дипломатом и скомпрометировали его, собранным материалом. — Очень смышленый, — добавил Бонд. — Многосторонняя личность. Вы говорите, он повздорил с коллегами…?

М смотрел мимо него. Он встал, подошел к окну и, сложив руки за спиной, посмотрел на расположившийся внизу Ридженс-Парк.

— Да, — произнес он медленно. — Да. Вмазал нашему американскому партнеру в челюсть.

— Клифф Дадли?

М обернулся, на лице играла одна из его лукавых улыбок.

— Он сделал это по моим указаниям. Я тянул время. Как я уже сказал: проверял лед, ожидая, пока ты акклиматизируешься. Короче, ты понял…

Вновь наступила тишина, ее нарушил Бонд:

— И мне надлежит вступить в эту команду.

— Да, — М, казалось, думал о чем-то своем. — Да, да, они все уже выехали из района проведения операции. Тебе надлежит встретиться с ними как можно скорее. Я выбрал место встречи. Наугад. Как тебе отель «Рейдс» в Фуншале, на Мадейре?

— Лучше, чем лапландская кота в Заполярье, сэр.

— Ну и отлично. Тогда мы сейчас проведем с тобой полный инструктаж, и, если ты возьмешься за это дело, отправим тебя туда уже завтрашним вечером. Хотя, боюсь, что Арктика будет твоей следующей остановкой после Мадейры. А пока, у нас еще куча дел. Ведь ты пойми: провести такую операцию — это тебе не пирог слопать, как говорили во Вторую мировую.

— Даже если это мадеровый пирог? — улыбнулся Бонд.

М позволил себе коротко рассмеяться.

5. ВСТРЕЧА В ОТЕЛЕ «РЕЙДС»

И все же из Лондона Джеймс Бонд выбрался не так скоро, как на то надеялся. Работы оказалось очень много, да и доктора настаивали на полном медосмотре. Вдобавок Билл Тэннер принес полученные данные о Поле Вакер и ее подруге Анни Тудеер. Кое-что из этой информации вызывало интерес и одновременно тревогу. Как выяснилось, Пола была уроженкой Швеции, хотя позже получила финское гражданство. По всей видимости, ее отец одно время состоял в шведском Дипломатическом корпусе, хотя в примечании говорилось, что у него были «агрессивные ярко-правые взгляды».

— Вероятно, это означает, что парень — нацист, — пробурчал М.

Эта мысль обеспокоила Бонда, но следующие слова Билла Тэннера подействовали на него еще сильней.

— Возможно, — ответил Начштаба. — А вот отец ее подружки точно является или являлся нацистом.

То, что Билл Тэннер рассказал далее, вызвало

у Бонда сильное желание вскорости вновь повидаться с Полой, а тем более познакомиться с ее близкой подругой, Анни Тудеер.

На саму девушку в компьютерах было мало чего, но зато они выдали целый поток информации на ее отца, бывшего старшего офицера финской армии. По документам, полковник Аарнэ Тудеер в 1943 году состоял на службе в генштабе знаменитого финского маршала Маннергейма. В том же году, когда финны сражались плечом к плечу с германской армией против русских, Тудеер получил звание в войсках СС. И хотя он был прежде всего солдатом, не оставлял сомнения тот факт, что его восхищение нацистской Германией и, в частности, Адольфом Гитлером не знало границ. К концу 1943 года Аарнэ Тудеера повысили в звании до оберфюрера СС, и он получил пост на территории нацистской Германии.

Когда война закончилась, Тудеер исчез, но существовали неоспоримые признаки того, что он до сих пор жив. Тудеер и сейчас числился в списке у охотников за нацистами — среди многих операций, в которых он принимал основное участие, была казнь пятидесяти военнопленных, схваченных после знаменитого «Великого побега» из лагеря «Шталаг Люфт III» в Сагане, в марте

1944-го. Эта бойня подробно описана в военной хронике гнусностей Третьего рейха.

Позже Тудеер бесстрашно сражался в историческом кровавом марш — броске 2-ой Танковой дивизии СС «Рейх» из Монтаубана в Нормандию. Доподлинно известно, что в течение тех двух недель июня 1944-го творились настолько необузданные ужасы, что они не укладывались ни в какие рамки обыкновенных правил войны. Одно из этих зверств — сожжение 642-ух мужчин, женщин и детей в деревне Орадоурсур-Гляйне. И Аарнэ Тудеер выступал там далеко не в роли простого помощника.

— Конечно, Тудеер был прежде всего солдатом, — пояснил Билл Тэннер. — но все равно он остается военным преступником, да таким, что даже сейчас, когда он находится в возрасте пожилого пенсионера, охотники за нацистами все равно продолжают его искать. Установлено, что в 50-е года его видели в Южной Америке, однако мы твердо уверены, что в шестидесятые он вернулся назад в Европу после успешной пластической операции и смены паспортных данных.

Эту информацию Бонд взял на заметку, попросив изучить любые существующие документы и фотографии.

— Я так полагаю, у меня нет возможности сгонять обратно в Хельсинки, увидеться с Полой и познакомиться с этой Тудеер? — Бонд настойчиво посмотрел в глаза М, тот покачал головой.

— Извини, 007. Время поджимает. Вся команда выводится из зоны операции по двум причинам: первая — познакомиться с тобой и провести инструктаж, вторая — прикинуть и спланировать заключительную стадию миссии. Видишь ли, они полагают, что знают, откуда поступает оружие, как оно передается в лапы НСДА, а что самое важное — кто и откуда командует всеми операциями НСДА.

М снова набил трубку, откинулся в своем кресле и продолжил. От того что М рассказал далее, волосы у Бонда на голове чуть не встали дыбом.

Они просидели допоздна. Потом Бонда отвезли домой, на квартиру в Челси, где он прямиком попал в заботливые руки Мэй, его грозной домохозяйки. Взглянув на Бонда, она тоном старомодной няни отправила его прямиком в кровать:

— Вы похожи на выжатую губку, мистер Джеймс! Ну-ка, быстро в койку! А я пока приготовлю вам какой-нибудь омлетик.

Спорить Бонду совсем не хотелось. Вскоре Мэй принесла на подносе копченую лососину

и яичницу. Он принялся есть, одновременно перебирая гору ожидавшей его почты. Едва Бонд закончил ужинать, как его одолела слабость, и, не сопротивляясь, он тут же провалился в глубокий, здоровый сон.

Когда Бонд проснулся, то понял, что Мэй позволила ему поспать подольше. Цифры на электронном будильнике показывали почти десять. Он тут же позвал Мэй, чтобы та приготовила завтрак, а через несколько минут зазвонил телефон.

М велел ему срочно явиться в Штаб.

Лишнее время, проведенное в Лондоне, принесло пользу. Бонд получил не только всю исчерпывающую информацию на его партнеров по операции «Ледокол», но и возможность наконец-то подробно переговорить с Клиффом Дадли, оперативником, которого он должен был заменить «на поле боя».

Дадли был невысоким, жестким, драчливым шотландцем. Бонд его уважал.

— Будь у меня побольше времени, — поведал ему Дадли, — может, я и докопался бы до самой истины, но им был нужен именно ты — и никто другой. М объяснил мне это сразу перед тем, как задействовать меня в операции. И скажу тебе, Джеймс: будь крайне осторожен. Прикрывать те-

бя будет некому. Москва явно на что-то набрела, но это «что-то» попахивает двойной игрой. Не знаю, может, просто я по природе такой подозрительный, но мне кажется, что их парень что-то скрывает. У него в рукаве дюжина тузов, причем все одной масти. Уж помяни мое слово.

«Их парень», как назвал его Дадли, был далеко не безызвестен Бонду — по крайней мере его репутация. А Николай Мосолов имел довольно солидную репутацию, солидную и скользкую.

Известный своим друзьям в КГБ как просто Коля, Мосолов прекрасно владел английским, американским английским, немецким, датским, шведским, итальянским, испанским и финским языками. Сейчас ему было под сорок. Когда-то он был лучшим учеником в подготовительной разведшколе под Новосибирском, а одно время работал в экспертной группе технического обеспечения из второго главного управления КГБ, которая на самом деле являлась профессиональным отрядом, специализирующемся на перлюстрации — перехвате секретных документов.

В здании на Ридженс-Парк Мосолова знали и под несколькими вымышленными именами. В Соединенных Штатах он был Николасом С. Мо-

стерлейном, Свеном Слэндерсом — в Швеции и в других странах Скандинавии. Имена-то были известны, но его так ни разу и не удалось прищучить — даже как Николаса Мортин-Смита в Лондоне.

— «Человек-невидимка», — прокомментировал М. — Вживается в свою «легенду» и сливается с общим фоном, словно хамелеон, ускользая как раз в тот момент, когда ты уверен, что он попался.

Информация об американском партнере по «Ледоколу» тоже не радовала Бонда. Брэд Тирпиц, известный в шпионских кругах как «Гаденыш», был ветераном старой школы ЦРУ, избежал уйму чисток, неоднократно проводившихся в штабе его организации, расположенном в Лэнгли, штат Вирджиния. Для одних Тирпиц был парнем «сорвиголова», эдаким героем, презирающем смерть, легендой. Однако находились и другие, которые видели его в несколько ином свете: как сорт оперативника, не брезгующего в работе прибегать к весьма спорным методам; как человека, считающего, что цель всегда оправдывает средства. Как сказал один из коллег Тирпица: «средства эти могут быть очень гадкими. У него инстинкт голодного волка и сердце скорпиона».

В общем, пришел к выводу Бонд, его будущее

зависело от серьезного профи из Москвы и от ковбоя из Лэнгли, который любил сперва стрелять, а потом уже задавать вопросы.

Остальная часть инструктажа и медосмотр отняли весь оставшийся день и пару часов от следующего утра. И лишь на третий день Бонд наконец сел на двухчасовой рейс авиакомпании «ТАР» до Лиссабона, чтобы пересесть там на «Боинг-727», летевший в город Фуншал.

Когда самолет начал заходить на посадку, солнце уже почти касалось воды и отбрасывало на скалы огромные теплые красные пятна. Самолет опустился на высоту 600 футов и пролетел над мысом Понта де Сао Лоренчо, чтобы совершить захватывающий низкий вираж — единственный способ совершить посадку на малюсенькой посадочной полосочке, которая примостилась на скалах этого острова, словно палуба авианосца.

В отель «Рейдс» такси доставило Бонда за час. Едва наступило утро, а он уже ходил по всему отелю в поисках своих коллег: Мосолова, Тирпица и третьего участника «Ледокола» — агента Моссада. Дадли описал представителя израильской стороны так: «молоденькая смертельная красотка, где-то метр семьдесят, белоснежная кожа. Фигуру лепили с Венеры Миллосской; только у этой руки

на месте, ну и голова другая».

— И насколько «другая»? — переспросил его тогда Бонд.

— Намного. Девушке под тридцать. Очень, очень умна. Я бы не хотел оказаться на ее пути.

— С профессиональной точки зрения, разумеется, — не смог удержаться от подкола Бонд.

Что касалось М, то ему оперативная ценность израильского агента была неизвестна. Ее звали Ривка Ингбер. В ее деле говорилось: «нет никаких данных».

Джеймс Бонд принялся вести наблюдение за территорией бассейна, представлявшего собой две расположенные рядом друг с другом одинаковые чаши. Глаза Джеймса, скрытые темными очками, стали внимательно исследовать многочисленные лица и тела. Вдруг его взгляд упал на высокую, роскошную блондинку в бикини от Кардена, тело которой словесному описанию просто не поддавалось. «Ну что ж, — подумал Бонд, глядя, как девушка нырнула в теплую воду, — любоваться не противозаконно». Он устроился поудобней в своем шезлонге, слегка вздрогнув от боли в плече, которое теперь уже быстро заживало, и продолжил наблюдать за плавающей девушкой, глядя, как ее прекрасные длинные

ноги медленно раздвигались и сдвигались, а руки лениво скользили — буквально сознательно — в чувственных эротических движениях.

Бонд в который раз улыбнулся выбору М места для этой «встречи». Из всего набора подобных красиво упакованных ловушек для туристов — от Гран Канария до Корфу — «Рейдс» оставался одним из немногих отелей, в котором поддерживались стандарты кухни, сервиса и аккуратности еще далеких 30-ых. В магазинах отеля продавались исторические сувениры — фотографии сэра Уинстона и госпожи Черчилль, отснятые в живописных зеленых садах. Долговязые, иссохшие старики с аккуратно подстриженными усиками, отдыхающие за чтением в просторных гостиных; молодые пары в одежде от «Ив Сен Лоран» и «Кензо», сидящие бок о бок с пожилыми титулованными дамами на знаменитой чайной террасе. Бонд пришел к выводу, что он попал, что называется, в «Чопорную Англию». Без всякого сомнения, приятели самого М посещали эту райскую «дыру во времени» с регулярным постоянством и точностью, с которой ходят наручные часы фирмы «Патек Филипп».

Лежа в своем шезлонге, Бонд тщательно и не спеша прочесывал взглядом бассейны и про-

странство для загорающих. Никаких признаков Мосолова. Никаких признаков Тирпица. Этих двоих он мог запросто узнать по фотографиям, изученным в Лондоне.

Фотографии Ривки Ингбер не было, а Клифф Дадли лишь загадочно улыбнулся, сказав Бонду, что, как она выглядит, он узнает сам, и очень скоро.

Люди начали постепенно стекаться к ресторану при бассейне. Столики были накрыты, между ними парили официанты, бар зазывал всех к себе. Длинная стойка буфета буквально ломилась от самых немыслимых салатов и холодных закусок. Для настоящего же гурмана здесь могли предложить горячий суп, кеш, лазанье и канелоуни.

Ленч. Старые привычки упорно не отставали от Бонда и на Мадейре. Теплый воздух и солнце, преследовавшие его все утро, пока он вел свою слежку, породили в нем приятное желание чего-нибудь перекусить. Одев махровый халат, Бонд прошел к буфету, взял там несколько тонких ломтиков ветчины и принялся изучать длинный список всевозможных салатов.

— Не желаете ли выпить, мистер Бонд? Расколоть лед недоверия? — Ее голос был мягок, без акцента.

— Мисс Ингбер? — спросил Бонд, не обернувшись.

— Да. Я немного понаблюдала за вами, и думаю, что вы за мной тоже. Может, пообедаем вместе? Остальные уже тоже приехали.

Бонд повернулся. Перед ним стояла та самая эффектная блондинка, которую он видел в бассейне. Теперь на ней было сухое черное бикини, а ее кожа отливала бронзой — цветом осенней буковой листвы. Такой цветовой контраст — кожа, тонкий черный материал и потрясающие золотистые короткие локоны — делал Ривку Ингбер не только чрезвычайно обольстительной женщиной, но и наглядным примером того, как надо следить за своим здоровьем и красотой. Ее лицо было полно свежести, а черты безупречны: классические, почти нордические, вдобавок — жестко очерченные губы и черные глаза, в которых почти соблазнительно плясал юморной огонек.

— Ну, — признался Бонд, — вы прямо застали меня врасплох, мисс Ингбер. Шалом.

— Шалом, мистер Бонд… — Розовый ротик изогнулся в улыбке, которая оказалась открытой, провокационной и полностью искренней.

— Зовите меня просто Джеймс, — ответил Бонд, в уме оценивая улыбку девушки.

В руках она держала тарелку с кусочком куриной грудинки, несколькими ломтиками помидоров и салатом из риса и яблок. Бонд жестом предложил сесть за ближайший столик. Ривка Ингбер пошла впереди него. У нее было гибкое тело, а бедра раскачивались почти в распутных движениях. Девушка аккуратно поставила свою тарелку на столик и, подцепив большими пальчиками трусики своего бикини, поправила их на своей изящной попке. Казалось бы — действие, которое исполняется всеми женщинами совершенно естественно и автоматически сотню раз каждый день на всех пляжах и во всех бассейнах, однако у Ривки Ингбер в этом жесте скользнул дразнящий, откровенный сексуальный вызов.

Сев напротив Бонда, она вновь одарила его той же улыбкой, кончиком языка облизнув верхнюю губу.

— Добро пожаловать на борт, Джеймс. Мне очень давно уже хочется с вами поработать. — Легкая пауза. — Чего, наверное, не скажешь о наших коллегах по операции.

Бонд посмотрел на нее, пытаясь проникнуть в глубь черных глаз, а в женщине, обладавшей подобными красками тела, такие глаза были необычайной чертой. Его вилка застыла в возду-

хе. Он спросил:

— А что? так уж все плохо?

Ривка звонко рассмеялась.

— Хуже, — ответила она. — Я полагаю, вам рассказали о вашем предшественнике?

— Нет, — Бонд уставился на девушку невинным взором. — Меня забросили в эту операцию внезапно, после очень краткого инструктажа. Сказали, что сама команда, которая, кстати, кажется мне весьма странноватым коктейлем, сообщит мне все более подробно.

Она вновь рассмеялась:

— Ребята повздорили. Брэд Тирпиц как обычно язвил на мой счет, а ваш парень дал ему в челюсть. Меня даже и не спросили. В том смысле, что я и сама могла разобраться с Тирпицом.

Бонд продолжил есть. Прожевав, он поинтересовался по поводу операции.

Ривка кокетливо взглянула на него, слегка прикрыв веки.

— Ну-ну-ну! — она наигранно притворно приложила палец к своим губам, — ни слова об этом. Я ведь только приманка, и все. Я должна заманить вас в лапы двух экспертов. Ведь мы все должны присутствовать на этом инструктаже. Если честно, то я не думаю, что они воспринима-

ют меня всерьез.

Бонд мрачно улыбнулся:

— Значит, они никогда не слышали самую главную поговорку о вашей организации…

— Мы стараемся в своем деле, иначе последствия будут ужасающими. — Она произнесла эти слова без выражения, почти как попугай.

— А вы стараетесь, Ривка Ингбер? — спросил Бонд, продолжая есть.

— А как же иначе?

— В таком случае наши партнеры чрезвычайно тупы.

Она вздохнула:

— Не тупы, Джеймс. Шовинисты, вот кто они. Просто они считают, что работать вместе с женщинами небезопасно. Вот и все.

— Лично я так никогда не думал, — с бесстрастным лицом произнес Бонд.

— Да. Я наслышана, — ее слова прозвучали натянуто. Быть может, это было даже предупреждение: «но-но, не подкатывайся».

— Ну, что? Значит, хватит о «Ледоколе»?

Она покачала головой:

— Не волнуйтесь, об этом вы еще сегодня наслушаетесь от ребят.

Бонд почувствовал какой-то намек на предо-

стережение, даже в том, как она взглянула на него — словно ему предложили дружбу, а потом внезапно отпрянули с этим предложением. И точно так же быстро она вновь превратилась в прежнюю Ривку, ее черные глаза остановились на несколько оторопевших серо-голубых глазах Джеймса Бонда.

До конца их легкого завтрака Бонд и не пытался заново поднимать тему «Ледокола». Он поговорил с Ривкой об ее стране, которую хорошо знал, и о проблемах, царивших в ней, но при этом не старался затрагивать личную жизнь девушки.

— Ну, что ж, Джеймс, пора к нашим ребяткам, — она указала взглядом наверх, в сторону отеля, и вытерла салфеткой губы.

Ривка сказала, что Мосолов и Тирпиц скорее всего наблюдали за ними со своих балконов. Они были соседями по номерам на пятом этаже, и с их балконов открывался прекрасный вид как на садики, так и на территорию бассейна.

Ривка и Бонд разошлись по кабинкам для переодевания и вышли из них уже в подобающей одежде: Ривка — в темной складчатой юбке и белой рубашке, Бонд — в своих любимых темно-синих брюках, хлопковой рубашке «Си Айлэнд» и туфлях. Вместе они вошли в отель и поднялись в

лифте на пятый этаж.

— А, мистер Джеймс Бонд. — У Мосолова была совсем неприметная внешность — как и полагалось эксперту его профессии. На вид ему можно было дать сколько угодно: от средних двадцати до сорока пяти с лишним. Казалось, черты его лица менялись в зависимости от настроения и от освещения, причем эти изменения либо старили его, либо и вовсе скрывали возраст. Его английский был вроде бы безупречен, со слабым намеком на акцент жителя пригорода Лондона, а время от времени проскальзывали разговорные выражения.

— Коля Мосолов, — представился русский, пожав Бонду руку. Даже рукопожатие у него было ни то ни се, и глаза — серые, затуманенные — смотрели с пустым выражением, стараясь не встречаться с глазами Бонда.

— Очень рад! Надеюсь, что мы сработаемся. — Бонд подарил ему свою самую очаровательную улыбку, одновременно пытаясь оценить человека: из невысоких, блондин, подстрижен без какого-либо стиля, но поразительно аккуратно. С виду без характера, что подчеркивала даже его одежда: коричневая в клеточку рубашка с короткими рукавами и брюки, которые, по всей

видимости, наспех сшил ученик портного в свой самый неудачный день.

Коля указал на кресло, хотя Бонд и не совсем понял, как тот умудрился обойтись при этом без каких-либо жестов или телодвижений.

— Вы знакомы с Брэдом Тирпицом? — спросил русский.

В кресле находился Тирпиц — широкоплечий здоровяк с огрубевшими ручищами и лицом, словно высеченным из гранита. Его седые волосы были подстрижены коротко-коротко. Бонд с удовольствием заметил следы кровоподтека и легкой ссадины в левом углу его необычайно маленького рта.

В знак приветствия Тирпиц вяло приподнял руку.

— Привет, — буркнул американец. У него был грубый голос, будто бы он долго и упорно учился такому выговору у крутых парней из кинобоевиков. — Добро пожаловать в наш клуб, Джим.

Бонд не почувствовал в человеке ни капли дружелюбия, ни радости.

— Рад познакомиться с вами, мистер Тирпиц.

— Брэд, — прохрипел в ответ Тирпиц. На этот раз в уголках его рта появился намек на улыбку. Бонд кивнул.

— Вы в курсе, в чем суть дела? — Коля Мосолов изобразил почти извиняющийся вид.

— Так, самую малость…

Ривка, улыбнувшись Бонду, перебила его:

— Джеймс говорит, что его послали сюда после короткого собеседования. И никакого инструктажа от своих шефов.

Мосолов пожал плечами и сел, молча предложив Бонду кресло. Ривка плюхнулась на кровать и подобрала под себя ноги, устроившись поудобней. Предложенное кресло Бонд подтолкнул к стене и поставил его так, чтобы, сидя в нем, он мог видеть всех троих, а заодно окно и балкон.

Мосолов глубоко вздохнул:

— У нас не так много времени, — начал он. — Нам нужно выехать отсюда и вернуться в зону операции в течение этих сорока восьми часов.

Указав на стены, Бонд спросил:

— А здесь можно спокойно говорить?

Тирпиц издал грубый смешок:

— Не волнуйся, мы здесь все проверили. Мой номер — дверь рядом, этот — на углу здания. И я постоянно здесь все прочесываю.

Бонд обернулся к Мосолову, который, с почти услужливым видом спокойно ждал, чтобы продолжить. Русский подождал еще секунду и

заговорил:

— Вы наверно думаете, что все это странно? Что ЦРУ, Моссад, мои люди и ваши работают вместе?

— Поначалу, — Бонд изобразил спокойствие. Это был тот самый момент, о котором его предупреждал М. Существовала вероятность того, что Мосолов будет удерживать кое-какие факты при себе, и в этом случае Бонду понадобится каждая капелька своего внимания. — Поначалу я думал, что это странно, но поразмыслив… Ведь мы же все в одном деле. Да, возможно, у нас разные взгляды на проблему, но я не вижу причины, почему бы нам ни поработать вместе во имя общего блага.

— Точно, — коротко ответил Мосолов. — Тогда давайте, я в общих чертах обрисую вам ситуацию.

Он сделал паузу и огляделся с неподдельным видом рассеянного близорукого академика.

— Ривка. Брэд. Вы, пожалуйста, по ходу дела добавляйте, если решите, что на что-то я должен обратить больше внимания.

Ривка кивнула, а Тирпиц неприятно засмеялся.

— Итак. — И вновь трюк с перевоплощением: Коля превратился из нерасторопного профессора в быстрого оперативного работника, решитель-

ного и самоуверенного. За ним было занятно наблюдать, отметил про себя Бонд.

— Итак, буду краток и прям. Это дело, как вы, наверное, все-таки знаете, мистер Бонд, касается Национал-Социалистической Действующей Армии — террористической организации с высоко профессиональным уровнем подготовки. Ее убеждения направлены против моей родной страны и, как уже стало известно, представляют угрозу для ваших стран тоже. Это фашисты старой закваски.

Тирпиц вновь издал свой неприятный смешок:

— Старые, заквашенные фашики.

Мосолов проигнорировал его. Казалось, это был единственный способ справиться с неуместными подколами Брэда Тирпица.

— Правительства, ставшие жертвами террористических актов со стороны НСДА, официально заявляют, что не имеют против них никаких улик. — На секунду замолкнув, он огляделся, задерживая свой взор на каждом, чтобы убедиться, внимательно ли слушает его аудитория. — И все же улики есть. Во — первых, создатели НСДА — выходцы из неофашистских организаций. Это вне всяких сомнений. Правительства наших стран добыли информацию о том, что эти люди

родом из Британии, Швеции, Германии и из южно-американских республик, из тех республик, которые помогли и дали укрытие некоторым самым отъявленным фашистским мразям по окончании Великой Отечественной войны… Второй Мировой войны…

Бонд мысленно улыбнулся. Русским названием Второй Мировой войны Мосолов воспользовался все-таки намеренно, не было это никакой оговоркой.

— Я не фанатик, — Коля понизил голос, — но и не одержим этой НСДА. Но как и ваши правительства, я полагаю, что эта организация огромна и растет с каждым днем. Это угроза…

— Слушай, это и так всем понятно. — Брэд Тирпиц достал пачку «Кэмела», легонько пристукнул ей о большой палец, вытащил сигарету и зажег ее картонной спичкой. — Давай покороче, Коля. Национал-Социалистическая Действующая Армия навела в вашем Совке страшный шухер.

— Угроза, — продолжал Коля, — всему миру, а не только Советской России и странам Восточного Блока.

— Вы их основная мишень, — буркнул Тирпиц.

— И к тому же, Брэд, как вы знаете, мы впутаны в эту историю. Вот почему мое правительство

связалось с вашими людьми, с Кнессетом Ривки и правительством Бонда. — Он снова повернулся к Бонду. — Как вы знаете, а может и не знаете, но все оружие, использованное в терактах НСДА, получено из советского источника. Центральному Комитету сообщили об этом только после пятого инцидента. Остальные правительства и разведывательные управления подозревали, что мы снабжаем оружием одну из организаций с Ближнего востока, которая, в свою очередь, распространяла его по цепочке далее. Но это не так, а полученная информация — прямое доказательство этому.

— Кто-то пошуровал у вас в курятнике, — вставил Брэд Тирпиц.

— Это правда, — отрезал Коля Мосолов. — Прошлой весной, проводя внезапную, первую за два года, ревизию складов, высокопоставленный офицер советской армии обнаружил огромную недостачу: необъяснимая утечка большого числа единиц оружия. И все из одного источника.

Он встал, прошел по комнате к дипломату и достал из него огромную карту, расстелив ее на ковре перед Джеймсом Бондом.

— Здесь. — Его палец уткнулся в бумагу. — Здесь, недалеко от Алакуртти, у нас находится

огромный оружейный склад…

Алакуртти располагался примерно в шестидесяти километрах к востоку от финской границы, в глубоком Заполярье, и примерно в двухстах с лишним километрах к северо-востоку от Рованиеми, где как раз и базировался Бонд во время своей предыдущей экспедиции, перед тем как двинуться дальше на север. Бонд знал, что в это время года там пустынная и унылая местность: сплошной лед и снег, а из растительности — лишь редко растущие вечнозеленые ели.

Коля продолжал:

— Прошлой зимой этот самый склад был обокраден. Мы просто сверили все серийные номера похищенного оружия с захваченным у террористов НСДА и выяснили, что оно из Алакуртти.

Бонд спросил, что было украдено.

Коля с каменным лицом отбарабанил примерный список:

— Калашниковы — РПК, АК, АКМ, — пистолеты Макарова и Стечкина, гранаты РДГ-5 и РГ-42… В общем, много чего, плюс боеприпасы.

— А никакой более серьезной техники? — Бонд постарался, чтобы его вопрос прозвучал небрежно и как бы невзначай.

Мосолов покачал головой:

— Хватит и этого. Ведь пропало огромное количество!

«Так, поставим первую галочку», — отметил про себя Бонд. М (у которого были свои источники информации по Советам) сообщил ему о более опасном оружии, которое Коля Мосолов не упомянул. С базы пропало огромное количество РПГ-7В (противотанковых ракетных установок) и ракет с несколькими видами боеголовок: обыкновенными, химическими и тактическими атомными, чьей мощности хватит, чтобы разрушить маленький городок и выжечь дотла местность в радиусе пятидесяти миль от места попадания.

— Эта техника исчезла зимой, когда в «Русаке» — это кодовое название склада — мы держим маленький гарнизон. Полковник, который обнаружил пропажу, поступил осмотрительно: он не стал говорить об этом ни с кем из «Русака», а подал рапорт прямо в ГРУ.

Бонд кивнул. Все правильно. Вполне логично, что о пропаже сообщили в Главное Разведывательное Управление (советская военная разведка), ведь оно тесно связано с КГБ.

— И ГРУ послало на базу пару монахов. Так они называют своих тайных агентов, засылаемых в правительственные учреждения и военные

части.

— И они поселились на базе, чтя свои святые обряды? — спросил Бонд без улыбки.

— Более того, они вычислили зачинщиков — кучку жадных прапорщиков, которым платил кто-то со стороны.

— Так значит, — перебил его Бонд, — вы знаете, как товар был похищен…

Коля улыбнулся:

— Как и направление, куда его вывезли. Мы почти уверены, что прошлой зимой эта партия оружия была переправлена через финскую границу. Дело в том, что этот участок границы очень трудно контролировать, даже несмотря на минные поля и целые мили вырубленного леса. Все равно каждый день границу кто-нибудь нарушает. И вот там-то, как мы считаем, товар и переправили.

— Значит, вам неизвестен конечный пункт доставки? — Это был второй проверочный вопрос Бонда.

Мосолов колебался.

— Мы не уверены. Есть одна версия. Наши спутники пытаются засечь вероятную дислокацию, а наши люди не спускают глаз с основного подозреваемого. Но факты до сих пор не проверены.

Джеймс Бонд повернулся к остальным:

— И вы двое тоже точно так же не уверены?

— Мы знаем только то, что рассказал нам Коля, — спокойно ответила Ривка.

— Это дружественная операция, построенная целиком на доверии.

— Лэнгли сообщил мне имя, которое никто из вас еще не упомянул. И все.

— Было ясно, что Брэд Тирпиц большего сказать не собирается.

Тогда Бонд спросил об этом имени Колю.

Последовала длинная пауза. Бонд ждал имя, которое прошлым вечером назвал ему М в своем кабинете.

— Все это так неточно… — Мосолов тянул с ответом.

Бонд уже раскрыл рот, чтобы снова заговорить, но тут Коля быстро добавил:

— На следующей неделе. К этому времени на следующей неделе мы, в принципе, сможем уже полностью свернуть всю операцию. Наши монахи из ГРУ сообщают, что скоро со склада вывезут еще одну партию оружия. Вот почему у нас так мало времени. Работа же для нашей команды: собрать доказательства совершения кражи и проследить маршрут, по которому оружие будет

транспортироваться прямо до конечного пункта. Я абсолютно уверен, что этот товар предназначен для НСДА.

— И вы думаете, что человеком, который получит это оружие, будет граф Конрад фон Глёда? — Бонд широко улыбнулся.

Коля Мосолов даже бровью не повел.

Брэд Тирпиц усмехнулся:

— Значит у Лондона такая же информация, что и у Лэнгли.

— Какой фон Глёда? — спросила Ривка, даже не скрывая своего шока. — Никто не упоминал при мне ни про какого графа фон Глёду!

Бонд достал из заднего кармана брюк свой бронзовый портсигар, сунул в рот тонкую белую сигарету «Х. Симмонс» и зажег ее. Он затянулся и выдохнул длинную струйку дыма.

— Мои люди, а также, как выяснилось, и ЦРУ располагают сведениями о том, что организацию НСДА на территории Финляндии представляет одна крупная фигура, некий граф Конрад фон Глёда. Это верная информация, Коля?

Взор Мосолова оставался все таким же затуманенным.

— Это кодовое имя. Псевдоним, вот и все. Не было пока повода сообщать вам эту информацию.

— А почему нет? Вы что? что-нибудь еще скрываете от нас, Коля? — На этот раз Бонд не улыбнулся.

— Лишь только то, что на следующей недели мне хотелось бы привести вас лично к убежищу фон Глёды в Финляндии, после того как мы проведем слежку на базе «Русак», мистер Бонд. Я надеюсь, вы составите мне компанию в поездке в Россию и там лично понаблюдаете за всем происходящим?

Джеймс Бонд еле поверил своим ушам: кагэбэшник в буквальном смысле заманивал его в самый центр своей паутины под предлогом наблюдения за хищением оружия в особо крупных размерах! И трудно было сказать, действительно ли это наблюдение являлось основной целью операции «Ледокол», или же вся операция была простой ловушкой, тщательно приготовленной для того, чтобы поймать Бонда на Советской территории.

Этой последней версии и боялся М. Об этом он и предупредил Бонда перед тем, как отправить его на Мадейру.

6. БЕСТИЯ ПРОТИВ МОНСТРОВ

Все четверо участников операции договорились встретиться за ужином, что несколько расходилось с планами Бонда. На кратком инструктаже в Колином номере стало совершенно очевидно, что все предостережения М о возможной — и опасной — двойной игре в этом неспокойном квартете были далеко не напрасны. Если бы не намек со стороны Брэда Тирпица, то имя графа Конрада фон Глёды не прозвучало бы вовсе, а по словам самого М этот таинственный человек в любом случае был ключевой фигурой для разведывательной операции. К тому же Коля не удосужился огласить полный список более опасного вооружения, пропавшего из «Русака». И если Брэд Тирпиц, несомненно, был так же хорошо проинформирован, как и Бонд, то Ривке, по всей видимости, не было известно практически ничего. Да и вся структура предложенной операции, включая эту работу по наблюдению за вторым крупным хищением с Российской территории, ничего хорошего собой не предвещала.

И хотя они согласились вместе поужинать,

Коля все же продолжал настаивать на том, чтобы в течение сорока восьми часов все участники «Ледокола» вернулись в Финляндию, в зону операции. Он даже предложил место для следующей встречи, которое все одобрили.

Бонд намеревался сперва разобраться со своими личными делами и уж только затем ехать в суровую Арктику. Вряд ли, решил Бонд, кому-нибудь придет в голову, что он сразу двинется в путь. В воскресенье утром с Мадейры было несколько рейсов, и Бонд не сомневался, что за ужином Коля будет раздавать советы о том, каким образом им следует разделиться для дальнейшей поездки, и уж конечно, Джеймс Бонд не собирался ждать инструкций от Коли Мосолова.

Выходя из Колиного номера, он извинился перед Ривкой, что не сможет выпить с ней в баре, и направился в свою комнату. Через пятнадцать минут Джеймс Бонд уже ехал на такси в аэропорт «Фуншал». Там он долго прождал: была суббота, а трехчасовой рейс он пропустил. В итоге Бонд покинул Мадейру лишь в десять вечера, на последнем рейсе, который в это время года бывает только по средам, пятницам и субботам.

В самолете Бонд обдумывал свой следующий шаг, зная, что его коллеги начнут прибывать в

Лиссабон, лишь начиная с первого воскресного рейса. Бонду было предпочтительней оторваться от них и выехать в Хельсинки задолго до того, как кто-нибудь из них попадет на материк. Ему и тут повезло: по расписанию после последнего рейса из Фуншала вылетов из Лиссабона уже не было, но из-за непогоды в Голландии задерживался утренний рейс в Амстердам авиакомпании «КЛМ». К тому же там имелось свободное место. Наконец в четыре утра Бонд прибыл в аэропорт «Скипхол», в Амстердаме. Он взял такси прямо в «Хилтон интернэшнл», где даже в столь ранний час сумел заказать себе билет на рейс «Финнэир» N 846 до Хельсинки, который отправлялся этим вечером в пять тридцать.

В номере Бонд быстро проверил свою дорожную сумку и специально разработанный для него дипломат с потайными отделениями, в которых хранились два кинжала «Сайкс Фэирбэирн» (они на вооружении у коммандос) и автоматический пистолет «Хеклер и Кох» П-7. Тайники не просвечивались рентгеноскопами в аэропорту и не поддавались обнаружению при более тщательных досмотрах. Ассистентка начальника отдела «Кью», Энн Рейлли (известная всем как Кьют (милашка)), довела это изобретение до

такого совершенства, что наотрез отказывалась раскрывать его технические секреты даже своим коллегам по отделу. Что касается пистолета, то после некоторых нападок (в основном со стороны Бонда) Кью все же согласился, что автоматический пистолет «Хеклер и Кох» П-7 (у него мягкий спуск и 9-ти миллиметровый калибр) лучше, чем несколько громоздкий ВП-70, у которого долгая автоматическая перезарядка. К тому же пистолет П-7 был легче и более походил на его старый любимый «Вальтер ППК», теперь уже запрещенный Службой безопасности к использованию…

Перед тем как принять душ и лечь спать, Бонд отправил телеграмму — молнию Эрику Карлссону, в Рованиеми, в которой сообщил инструкции по поводу своего «Сааба», затем позвонил дежурной, попросив разбудить его в одиннадцать пятнадцать и подать к тому времени завтрак.

Спал Бонд спокойно, даже несмотря на то, что глубоко в подсознании его продолжали терзать мысли о Мосолове, Тирпице и Ингбер, особенно о Мосолове. Проснулся он со свежей головой, хотя и продолжал думать только о них.

Придерживаясь своих старых привычек, Джеймс Бонд позавтракал яичницей, беконом, тостами, мармеладом и кофе. Поев, он набрал

лондонский телефонный номер, зная, что в воскресное утро по нему можно найти М.

Как только их соединили, Бонд, пользуясь совершенно невинными фразами, сообщил основные детали. На задании, когда приходилось пользоваться обыкновенным телефоном, для агента 007 и его шефа такой способ общения был обычным делом.

— Я переговорил с клиентами, сэр. Они заинтересованы. Но я не могу вам с уверенностью сказать, купят ли они товар.

— Они поделились с тобой своими планами? — По телефону голос М был непривычно молодым.

— Нет. Мистер Восток был намеренно скрытен по поводу Основного покупателя, о котором мы говорили. Должен сказать, что Вирджинии кажется известно большинство деталей, а вот Авраам, как оказалось, вообще ничего не знает.

— Ага. — М ждал, когда Бонд продолжит.

— Восток рвется, чтобы я поехал и посмотрел на склад поставщика предыдущей партии товара. Он говорит, что в любое время оттуда может поступить еще одна.

— Вероятность высока.

— Но я должен отметить, что он не сообщил мне всех деталей относительно предыдущей партии.

— Я же предполагал, что он скорее о чем-то умолчит. — Бонд представил, как М удовлетворенно улыбнулся своей правоте.

— Как бы там ни было, сегодня вечером я снова еду на север.

— Ну, а как там у нас с ценами? — спросил М, предлагая Бонду сообщить ему географические координаты места назначенной встречи.

Бонд определил точные координаты заранее и поэтому быстро отбарабанил цифры, повторяя их, чтобы М успевал записывать. Координаты были зашифрованы: каждую пару чисел Бонд переставил наоборот.

— Понял, — ответил М. — Добираешься воздухом?

— И воздухом и по земле. Я кое с кем договорился, поэтому меня будет ждать машина. — Бонд помедлил. — И кое-что еще, сэр.

— Да?

— Вы помните ту дамочку? Ту, с которой у нас была проблема — острая как нож?

— Да.

— Так вот насчет ее подружки. Той, у которой забавный папаша. — Бонд имел в виду Анни Тудеер.

М утвердительно буркнул.

— Мне нужна ее фотография, чтобы знать, как она выглядит. Это вполне может пригодиться.

— Ну, я не знаю. Могут возникнуть трудности, причем и у тебя, и у нас.

— И все-таки я был бы вам благодарен за это, сэр. Я уверен, что это жизненно необходимо.

— Ну, посмотрим. Что смогу, то сделаю. — Слова М прозвучали как-то неубедительно.

— Просто вышлите, если сможете. Пожалуйста, сэр.

— Ну…

— Если сможете. Я свяжусь с вами, когда раздобуду побольше информации.

Бонд бросил трубку. И вот опять: почти отказ со стороны М, чего на прошлых заданиях никогда не случалось. Первый раз это произошло на инструктаже в Лондоне, когда была упомянута Ривка Ингбер. И вот снова: стоило ему только завести разговор о фотокарточке Анни Тудеер — Анни Тудеер, которая для Бонда была просто именем, вскользь упомянутым Полой Вакер.

В 21:45 самолет DC9-50 авиакомпании «Финнэир» рейсом N 846 «Амстердам — Хельсинки» начал заходить на посадку. Глядя вниз на огоньки, потускневшие из-за морозной дымки и снегопада, Бонд спрашивал себя, успели ли добраться до

Финляндии остальные члены команды. За тот короткий промежуток времени, пока его не было в этой стране, снега намело еще больше.

Сама взлетная полоса была вычищена ото льда, а сугробы по бокам оказались выше самого самолета.

Как только Бонд вошел в главный терминал аэропорта, все его чувства обострились до предела. Он тщательно искал признаки слежки, и не только со стороны трех коллег по операции: Бонд имел веские причины не забывать о своей недавней встрече с двумя киллерами, произошедшей в этом прекрасном городе.

На этот раз он взял такси в отель «Хесперия», и неслучайно: ему хотелось доехать до места встречи со своими коллегами без компании, а существовала большая вероятность того, что Мосолов, Тирпиц и Ривка уже были поодиночке проездом в финской столице. И если кто-нибудь из них вздумал бы его искать, то этот «кто-нибудь» почти наверняка стал бы следить за «Интер-Континенталем». Помня об этом, Бонд делал каждый свой шаг с особой осторожностью. Расплачиваясь с таксистом, он потянул время на ледяном холоде, чтобы осмотреться по сторонам, затем постоял минутку перед парадным входом в отель. Зайдя

внутрь, он сразу же окинул взором вестибюль.

Даже у стойки регистрации Бонд встал так, чтобы видеть как можно больше вокруг себя.

— Вам должны были доставить автомобиль, — обратился он к дежурной. — «Сааб 900 Турбо» серебряного цвета. Владелец — Бонд. Джеймс Бонд.

Дежурная раздраженно нахмурилась, словно у нее была масса дел куда более важных, чем проверять доставленные автомобили всяких иностранцев. Бонд снял номер всего на одну ночь и заплатил вперед, однако он не собирался ночевать в Хельсинки в том случае, если автомобиль был уже здесь. В это время года поездка на машине из Рованиеми в Хельсинки занимает около двадцати четырех часов — при условии, что нет буранов и дороги не заблокированы. А уж Эрик Карлссон, в прошлом автогонщик высокого класса, должен был легко справиться с такими трудностями. И ведь он справился! И за потрясающе короткое время. Бонд уже думал, что придется ждать, но тут дежурная замахала ключами от «Сааба», словно в доказательство его мыслей об Эрике.

В номере Бонд часик вздремнул и принялся готовиться к предстоящим делам. Сперва он

переоделся в свою зимнюю одежду: дорожный костюм поверх утепленного нижнего белья «Дамарт», стеганые лыжные штаны, эскимосские меховые сапоги, плотный свитер с высоким воротником и синяя куртка на теплой подкладке, изготовленная финской фирмой «Тол-ма ой» для фирмы «Сааб». Перед тем как надеть куртку, Бонд нацепил кобуру, спроектированную отделом «Кью» специально для его пистолета «Хеклер и Кох» П-7. Эту универсальную кобуру можно было пристегивать на различные части тела: от бедра до плеча. На этот раз Бонд застегнул ремешки так, чтобы кобура висела точно поперек груди. Затем он проверил «Хеклер», зарядил его и рассовал по карманам куртки несколько запасных обойм (каждая по десять патронов). Все остальное, что могло бы ему понадобиться, лежало в дипломате. Все, кроме одежды, которая была в сумке. Прочее боевое снаряжение, инструменты, осветительные патроны и всевозможные пиротехнические приспособления находились в машине.

Одеваясь, Бонд позвонил Поле Вакер домой. После двадцати четырех гудков никто так и не подошел. Тогда он попробовал рабочий телефон, прекрасно понимая, что и там ему никто не ответит, уж точно не в воскресенье и не в этот поздний

час. Крепко ругаясь про себя — отсутствие Полы означало, что перед отъездом из города его ждало еще одно дополнительное дельце — Бонд закончил одеваться. Он надел удобную шерстяную шапку, сверху нацепил капюшон, руки спрятал в автомобильные перчатки на теплой подкладке, шею обмотал шерстяным шарфом, а в карман положил защитные очки. Если придется вылезать из машины, то на таком морозе просто необходимо, чтобы все лицо и руки были защищены.

Наконец Бонд позвонил вниз, сообщил, что выезжает из номера, и спустился в подземный гараж, где в огоньках фонарей купался его серебряный 900-ый «Сааб Турбо». Свой спец-дипломат Бонд положил в багажник, проверив заодно, все ли там было на месте, как он просил: лопата, две коробки провизии и запасные осветительные патроны. Здесь же находилось устройство «Шермули Пэинс-Вессекс Спидлайн», способное быстро и точно перебрасывать 275-ти метровый канат, плотно уложенный внутри его огромного корпуса, на 230 метров. Затем Бонд вернулся в салон и проверил тайники, в которых хранились карты, еще одна партия осветительных патронов и огромный револьвер «Рюгер супер редхок.44 Магнум», являвшийся теперь его дополнитель-

ным вооружением. Этот пистолет мог навсегда вывести из строя человека, а, если обращаться с умением, то и целый автомобиль.

Бонд нажал на приборном щитке очередную безобидную с виду кнопку, и открылся тайник, в котором лежало полдюжины предметов яйцевидной формы — светозвуковых гранат, состоявших на вооружении у войск Специальной воздушно-десантной службы. За этой «яйцекладкой» лежало четыре более смертоносные ручные гранаты — Л2А2, стандартное вооружение британской армии, разработанное на основе американских М-26.

Открыв бардачок, Бонд убедился, что его компас на месте. Рядом лежала коротенькая записка от Эрика: «Удачи тебе во всем, что бы ты там не делал». И приписка: «Помни, чему я тебя учил о левой ноге!!! Эрик.» Бонд улыбнулся, вспомнив, как он часами учился у Карлссона методике разворота автомобиля в гололед при помощи ножного тормоза.

И теперь последнее: Бонд обошел «Сааб» вокруг и убедился, что все шины были с отличным шипованым покрытием. Его ждала довольно длинная поездка в Саллу — что-то около тысячи километров — достаточно легкая в хорошую

погоду, но долгая и изнурительная зимой, когда всюду лед и снег.

Проводя контрольную проверку приборов, словно летчик перед вылетом, Бонд включил вспомогательный дисплей — устройство, которое было позаимствовано с боевого самолета «Сааб Вигген» и модифицировано для его автомобиля. Загоревшийся сразу экран высветил цифры, показывающие скорость и количество горючего. Дисплей также существенно помогал водителю тем, что отображал в наглядной графике неровности дороги, благодаря миниатюрным радарам, которые регистрировали на наличие любых сугробов и холмов, что сводило на нет возможность нежелательных попаданий автомобиля в снежные заносы.

Перед тем как отправиться в Саллу, Бонд собирался зайти кое к кому в гости. Он завел мотор, дал задний ход и выехал по эстакаде на главную улицу, свернул на проспект Маннергейма и направился в сторону парка Эспланаде.

Снежные статуи все так и стояли, а мужчина и женщина все так же продолжали обниматься. Бонд запер машину, и ему вдруг показалось, что где-то далеко за городом раздался вопль, словно какое-то животное взвыло от боли.

Дверь в квартиру Полы была закрыта, и все же что-то было не так. Бонд понял это сразу — сработало то самое шестое чувство, выработанное долгим практическим опытом. Он быстро расстегнул две средних кнопки на своей куртке, чтобы можно было легко и быстро выхватить свой «Хеклер». Прислонив громоздкий резиновый носок своего сапога к двери, он сильно толкнул ее. Дверь распахнулась, болтаясь на почти сорванных петлях.

Как только Бонд увидел, что замок и цепочка вырваны, пистолет автоматически оказался в его руке. С первого взгляда было ясно: здесь применили грубую силу, а не хитрость. Шагнув в бок, Бонд прильнул к стене. Он замер, затаив дыхание и прислушиваясь. Ни звука — ни из квартиры Полы, ни и из остальных уголков здания.

Бонд медленно двинулся внутрь. В квартире царил бардак: всюду валялись обломки мебели и прочих домашних аксессуаров. Все еще ступая тихо, крепко сжимая в руке пистолет, он прошел в спальню. То же самое: все ящики выдвинуты и шкафчики распахнуты, одежда всюду разбросана. Даже одеяло распотрошили на кусочки. Проходя из комнаты в комнату, Бонд наблюдал всю ту же картину: сплошные обломки и никаких

следов Полы.

Всем нутром Бонд чувствовал, что ему следует немедленно убираться из квартиры. «Оставь все как есть, — подсказывала ему интуиция, — а когда выберешься из Хельсинки, то можешь позвонить в полицию». Это вполне могло оказаться обыкновенным ограблением или похищением, замаскированным под кражу со взломом. Существовал и третий вариант, наиболее вероятный: в этом хаосе чувствовался некий парадоксальный порядок — признак целенаправленного поиска чего-то. Значит, кто-то искал какую-то определенную вещь.

Бонд быстро прошелся по всем комнатам второй раз. Он нашел две улики, подтверждавшие эту, последнюю, версию; три, если учитывать тот факт, что, когда он вошел в квартиру, везде горел свет.

Первая улика лежала на ночном столике, с которого были сметены ранее стоявшие здесь ряды всевозможных кремов и прочих косметических штучек. Бонд осторожно взял ее и, повертев в руках, взвесил. Ценная реликвия Второй Мировой войны? Нет, это было что-то более личное, более значимое: немецкий Рыцарский крест с дубовыми листьями и перекрещенными мечами,

висящий на особой ленточке с черной, белой и красной полосками. Очень почетная награда. На обратной стороне креста отчетливо виднелась выгравированная надпись: «ОБЕРФЮРЕР СС ААРНЭ ТУДЕЕР. 1944.»

Бонд сунул медаль в карман куртки и уже повернулся, чтобы уходить, как тут под ногами звякнула какая-то железка. Он осмотрел ковер: около хромовой ножки ночного столика что-то тускло поблескивало. Очередная безделушка? Нет, на полу лежал орден, тоже немецкий, выполненный из темной бронзы: орел, а под ним щит, на котором были вытеснены контуры финско-русской пограничной территории Заполярья. Сверху красовалось единственное словно: «ЛАППЛАНДИЯ.» На обратной стороне этой награды за бои на крайнем Севере было выгравировано то же имя, что и на кресте, только стояла другая дата: 1943.

Бонд положил его в карман к Рыцарскому кресту и направился к выходу. Пятен крови в квартире не было, и ему оставалось только надеяться, что Пола просто-напросто уехала на очередную деловую встречу, или на свидание, или на веселую прогулку.

Вернувшись в «Сааб», Бонд включил обогрев,

вырулил из парка Эспланаде и направился по проспекту Маннергейма к шоссе N 5. Ему предстоял длинный перегон на север, мимо таких городов, как Лахти, Миккели, Варкаус, и дальше через Кусамо в заполярную Лапландию. Там, совсем недалеко от Саллы, находился отель «Ревонтули» — место встречи участников операции «Ледокол».

На улице холод стоял ужасный. В воздухе буквально пахло снегом, и было видно, как морозная дымка поднимается ввысь, окутывая стены хельсинских зданий.

Выбравшись из города, Бонд сразу же сконцентрировал все свое внимание на машине, при этом он выжимал из «Сааба» максимум того, что можно было позволить при такой дороге и условиях видимости. Отличительная черта Финляндии — безупречно чистые главные магистрали, даже те, что находятся далеко на севере. Там, в зимнем царстве, их тщательно расчищают снегоочистители, один недочет: лед все равно остается, и посему почти круглый год дороги в Заполярье представляют собой каток.

Луны было не видно, и последующие восемь или девять часов Бонд наблюдал перед собой лишь яркое белое пятно — свет от фар собствен-

ного автомобиля, отражаемый на снегу. Порой это пятно внезапно темнело, когда впереди начинали маячить целые акры заснеженных елей.

Остальные добирались воздухом, в этом Бонд нисколько не сомневался. Сам он предпочитал ехать на своем собственном транспорте, хотя и знал, что будет вынужден оставить его в Салле. Ведь если ему предстоит вместе с Колей пересечь границу, то придется передвигаться с особой осторожностью, тайно, через леса и озера, по холмам и долинам диких территорий Заполярья, где царствует вечная зима.

Вспомогательный дисплей был незаменим — почти полная система навигации, благодаря которой Бонд знал максимально безопасные путь вдоль снежных насыпей на обочинах.

Чем дальше он продвигался на север, тем реже ему на пути попадались деревни. И лишь пару часов он наблюдал то, что здесь в это время года в принципе можно назвать дневным светом. В остальное время — либо сумерки, которым, казалось, не будет конца, либо кромешная тьма.

Остановился Бонд дважды: в первый раз — для заправки, во второй — чтобы перекусить. К четырем утра (хотя с таким же успехом это могла быть и полночь), благодаря своему «Саабу», Бонд

оказался в километрах сорока от Суомуссалми. Теперь он находился относительно близко к русско-финской границе и в нескольких часах езды от Полярного круга. И все же впереди еще был долгий путь. Благо, что погода пока не проявляла излишнюю враждебность.

Дважды его автомобиль попадал в районы, где бушевала сильнейшая вьюга, окутавшая дорогу снежными вихрями, однако оба раза Бонд, ускользал от надвигающегося бурана и молил Бога, чтобы хоть какое-то время они не попадались на пути. Так и было. Хотя все же погода была какой-то странной: временами температура резко повышалась, из-за чего в этих районах появлялся туман, что задерживало Бонда еще больше, чем снег.

Время от времени Бонд проезжал по длинным участкам ровной ледяной дороги через поселки, в которых кипела повседневная жизнь: ярко освещенные магазинчики, закутанные фигурки, пробирающиеся по тротуарам, и женщины, тянущие за собой пластиковые саночки с горами продуктов, купленных в местных минимаркетах. Однако каждый раз, как только Бонд выезжал из подобного городка или деревеньки, ему казалось, что впереди уже не будет ничего — лишь

заснеженные просторы лесов, случайный грузовик или легковая машина, спешащие в городок, из которого сам он только что выехал, или же большущие автопоезда с дровами, неуклюже плетущиеся вдоль дороги.

Порой на Бонда накатывала легкая усталость. В такие минуты он тормозил у обочины, запускал в машину немножко морозного воздуха и устраивал себе короткую передышку. Иногда он сосал таблетку глюкозы и благодарил Бога за комфорт, дарованный ему регулируемым креслом, в котором он почти не уставал от постоянного напряжения, возникавшего в дороге.

Уже примерно через семнадцать часов Бонд оказался в километрах тридцати от перекрестка, на котором он намеревался свернуть с Шоссе N 5 на восток, на дорогу, ведущую в пограничную зону рядом с Саллой. Сам перекресток находился примерно в 150-ти километрах к востоку от Рованиеми и в километрах сорока к западу от Саллы. Ландшафт, выхватываемый фарами, не менялся: снег сплошной выцветшей полосой до невидимого горизонта и дремучие леса, скованные льдом. В тех районах, где мощные бураны еще не успели пройти, сквозь снег проглядывали коричневые и болотно-зеленые пятна, и создавалось впечатле-

ние, будто бы леса были покрыты камуфляжной сеткой. Порой Бонд проезжал мимо одинокой полянки, на которой виднелся то силуэт заваленной снегом коты (лапландский вигвам из палок и кожи), то силуэт полуразрушенной бревенчатой избушки, раздавленной кучами снега.

Бонд расслабился. Он гнал машину на высокой скорости — так что даже шины на скользкой дороге визжали, — однако все держал под контролем и был готов отреагировать на любой внезапный занос. Бонд уже чуял успех: он прибудет в отель без помощи самолета, и возможно, первым — что, несомненно, было плюсом.

Вскоре дорога опустела. До перекрестка оставалось километров десять, а там — прямая дорога до Саллы, вдоль которой — малюсенькие поселенья лопарей да заброшенные деревянные коттеджи. Бонд сбавил скорость, чтобы вписаться в длинный поворот. Проехав его, он заметил справа заворот на второстепенную дорогу, а впереди какой-то свет.

Бонд погасил фары, затем на секунду снова включил их, чтобы узнать, что там впереди: ему навстречу приближался гигантский желтый снегоочиститель, огни которого горели на полную мощь. Перед собой машина несла огромный

снегоуборочный нож, похожий на острый нос военного корабля. Этот монстр выглядел крепче современных снегоуборочных машин, и по его виду, который теперь был лишь силуэтом, Бонд понял, что впереди неприятности. Такими снегоочистителями пользовались главным образом в подобных краях. Машина представляла собой громадный высоченный корпус, на верхушке которого располагалась кабина с просторными окнами, застекленными толстым стеклом, сам же корпус сидел на широких гусеницах, схожих с теми, что у артиллерийских самоходок. Снегоуборочный нож находился впереди машины и управлялся системой гидравлических поршней, которые в считанные секунды могли изменить его угол наклона и высоту подъема, а сам нож у такой громадины представлял собой острый стальной лист V — образной формы, метров пять в высоту. Когда такой нож на полной скорости врезался в обледенелые снежные заносы, его изогнутые края просто разметали их по сторонам. Эти на вид неуклюжие и громоздкие машины могли с проворностью тяжелого танка давать задний ход, разворачиваться на месте и поворачивать в стороны, поскольку они были специально спроектированы для тяжелейших

погодных условий.

Финны уже давно научились поддержать свои главные магистрали в чистом виде: сперва на неприступные пласты снега и льда высылаются эти монстры, а уже за ними следуют современные снегоуборочные машины, которые подчищают последствия их мощной разрушительной атаки.

«Черт возьми! — подумал Бонд. — Где снегоочистители, там почти наверняка прошел снежный буран». Он мысленно выругался. Какая неудача! Это же надо! Ускользнуть от двух буранов и угодить в район, где недавно бушевал третий!

Сбавив скорость, Бонд глянул в зеркало. Сзади, тоже со включенными на полную мощь огнями, ехала вторая снегоочистительная машина. Судя по всему, предположил Бонд, она вырулила из поворота на второстепенную дорогу, который он недавно проезжал. Бонд отпустил педаль газа и снова газанул, но теперь уже слегка. Если впереди прошли обильные снегопады, пусть даже дальше к востоку, он лучше остановится как можно ближе к перекрестку и подождет, пока этот монстр закончит с уборкой правой стороны дороги.

Как только Бонд подкатил к обочине, он понял, что снегоочиститель держался середины дороги. Снова взгляд в зеркало: снегоочиститель сзади

делал то же самое. И тут Бонд почувствовал, как волосы зашевелились у него на затылке в предчувствии опасности. Он проехал перекресток, один взгляд вправо: дорога была относительно чиста. Бонд моментально понял, что водители снегоочистителей вовсе не собирались убирать снег! Они собирались «убрать» его, Бонда!

Бонд проехал перекресток, через три секунды вывернул руль вправо и вдарил левой ногой по тормозам, чувствуя, как задок машины начинает заносить. Затем он выжал акселератор и развернул «Сааб» на 180 градусов, после чего сразу же повернул руль в другую сторону и нежно увеличил обороты, чтобы на льду машину не развернуло обратно.

Снегоочиститель, который раньше был сзади, оказался перед Бондом ближе, чем он предполагал, и когда агент 007 увеличил скорость, будучи готовым к малейшему намеку на занос, эта железная скала выросла еще больше. Она неслась прямо на него.

Бонд понимал: для него главное — добраться до перекрестка раньше чем снегоочиститель. И хотя он не мог посмотреть назад, он знал, что второй снегоочиститель тоже увеличил скорость. Если же он не успеет добраться до перекрестка, выхода

уже не останется. Либо придется въехать в сугроб на обочине и почти целиком зарыть в нем свой автомобиль, бросив его тем самым на милость нападающих, либо пара снегоочистителей зажмут его с двух сторон и своими острыми изогнутыми лезвиями с легкостью сокрушат прочный корпус «Сааба».

На мгновение убрав одну руку с руля, Бонд ткнул две кнопки на приборном щитке — с тихим шипением гидравлики открылась пара тайников. Теперь до гранат и до пистолета «Рэдхок» он мог добраться легко и быстро. И до перекрестка тоже. Тот был прямо по курсу.

Впереди, ослепительно сверкая желтым и стальным в лучах от фар «Сааба», прямо на Бонда мчался огромный монстр, которому до перекрестка оставалось примерно метров десять. Поворот на Саллу сейчас находился слева. Блефуя, словно боксер на ринге, Бонд начал сворачивать вправо. Снегоочиститель, чтобы врезаться в него, поднажал и со скрежетом подался в ту же сторону. И только в последний момент, когда Бонду уже ничего не оставалось, как действительно завернуть, он еще круче вывернул руль вправо, снова вдарил левой ногой по тормозам и вновь прибавил оборотов, выжимая газ до предела. Ав-

томобиль швырнуло, словно самолет. Ноги Бонда одновременно соскочили с педалей тормоза и газа, а машину, которую начало разворачивать, понесло боком. Вот-вот и прямо перед ним окажется дорога на Саллу. Бонд стал выправлять занос и медленно увеличивать обороты; «Сааб» вел себя как очень послушное животное, только задок слегка вело. «Выправляй. Заносит. Выправляй. Жми на газ!» Дорога на Саллу была прямо по курсу, машина не вихляла, и Бонд спокойно газанул вперед. Тем временем с лева и с права его нагоняли две громадные желтые глыбы.

Сумев увернуться от ножа ближайшего (правого) снегоочистителя, Бонд вслепую — что было крайне опасно! — схватил гранату Л2А2, выдернул зубами чеку, приоткрыл водительскую дверь и бросил гранату на дорогу, точно на пути своего преследователя. На секунду в кабину ворвался поток холодного воздуха, пока Бонд пытался захлопнуть непослушную дверь. В этот момент автомобиль здорово тряхануло: по задку «Сааба» пропахало стальное лезвие правого снегоочистителя. На какой-то миг Бонду показалось, что от такого удара его автомобиль вышвырнет прямо в огромные сугробы на обочинах дороги, в которую он хотел вписаться, однако автомобиль вновь

стал слушаться управления. Бонд услышал, как крылья «Сааба» полоснули по сугробам, пустив вверх струи снега: его машина могла едва протиснуться между высокими снежными валунами.

Сзади прогремел взрыв гранаты.

Один быстрый взгляд в зеркало (Бонд даже не смел оторвать своих глаз от дороги и от вспомогательного дисплея) — и он увидел, как из-под одной из желтых громадин взметнулся темно красный цветок пламени. Бонд надеялся, что водителю второго снегоочистителя потребуется минут десять, чтобы сдвинуть этого монстра с дороги.

В любом случае, прикидывал Бонд, даже в такой узкой, опасной «снежной траншее» он оторвется от любого количества снегоочистителей, и в данный момент эти самые снегоочистители остались уже позади. Однако Бонд не рассчитывал на еще одного, который теперь был прямо по курсу: его прожекторы, внезапно пропоров темноту, ослепили Бонда. Казалось, что он возник буквально ниоткуда. На этот раз некуда было прятаться и некуда бежать.

Бонд взвесил шансы: сзади, при удачных обстоятельствах, один снегоочиститель выведен из строя, а другой продолжит преследование,

как только освободится дорога. Впереди на него несся еще и третий желтый монстр, из-под ножа которого во все стороны разлетался снег. По всей видимости, предположил Бонд, должен быть еще и четвертый, тихо притаившийся с погашенными огнями на другой ветке перекрестка.

Ситуация походила на классический пример боевой операции: тот, кто устроил засаду на Бонда, выбрал нужное место и нужное время. Но кто? И как он узнал его маршрут? Бонд терялся в догадках.

Тем временем желтый снегоочиститель направил свои фары прямо на «Сааб», но даже сквозь слепящий свет Бонд видел, как изогнутое лезвие опускалось все ниже и ниже, пока не начало елозить по льду. Его нож продолжал сметать по сторонам сугробы с легкостью, с которой моторная лодка, летящая на бешеной скорости, рассекает водную гладь.

Лихорадочно соображая, Бонд притормозил у обочины, как можно ближе к приближавшемуся снегоочистителю, на сколько хватило смелости. Он прекрасно понимал: оставаться в автомобиле было безумием, сейчас он боролся за свою жизнь. Бонда загнали в угол, и теперь оставалось только одно: остановить снегоочиститель, захватив его.

Пистолет «Рэдхок», обладавший убойной силой «Магнума.44» и быстрой автоматической перезарядкой, был как раз тем оружием, в котором он сейчас нуждался. Схватив пистолет, Бонд запихнул в карманы куртки пару гранат Л2А2. Затем он осторожно открыл дверь и, низко пригнувшись, выкатился на землю, прихватив в последний момент светозвуковую гранату.

Земля оказалась твердой, а жалящий холод обрушился на Бонда словно ливень ледяной воды. Бонд перекатился к задку «Сааба», укрывшись за ним, и кинулся в высокий сугроб слева. Снег оказался рыхлым и пушистым. Через секунду Бонд погрузился в него по пояс, утопая все больше и больше. Согнув колени, он начал отталкиваться ногами назад, но все равно продолжал тонуть, пока не оказался в снегу по плечи. Зато теперь его позиция была весьма удобна для боя: здесь Бонда не слепил ни фонарь, ни огромный прожектор, расположенный над кабиной снегоочистителя.

Через стекла защитных очков Бонд увидел, как желтый монстр, в кабине которого сидело двое, мчался прямо на «Сааб». Сомнений не было: убийцы, думая, что Бонд все еще внутри автомобиля, собрались рассечь его «Серебряную бестию» пополам. «Бестия против монстров» — подумал

Бонд, поднял правую руку с пистолетом и подпер ее, чтобы точнее прицелиться, запястьем левой, в которой все еще держал гранату. Первым выстрелом он вывел из строя прожектор, вторым — разнес вдребезги лобовое стекло кабины. Бонд целился чуть выше. Он не хотел по возможности никого убивать.

Одна из дверей открылась, и из кабины начала выкарабкиваться какая-то фигура. Бонд тут же опустил «Рэдхок», переложил его в левую руку, а в правую взял гранату. Затем выдернул чеку и изо всех сил метнул твердое зеленое яйцо в разбитое окно кабины. Граната, должно быть, угодила точно внутрь: Бонд отвел глаза в сторону и услышал оглушительный «бу-у-у-ух». Он знал, что вспышка и взрыв никаких серьезных ранений сидевшим в кабине не нанесут, в крайнем случае, повредят барабанные перепонки и уж точно вызовут временную слепоту.

Держа револьвер высоко над собой, Бонд буквально выплыл из толстого слоя тяжелой снежной пудры, встал на ноги и осторожно подобрался к снегоочистителю.

Рядом с огромной машиной валялся без сознания один из бандитов. Тот, что пытался выпрыгнуть из кабины, прикинул Бонд. Второй

по-прежнему сидел в кресле водителя и раскачивался из стороны в сторону, закрыв руками лицо. Его стоны даже чем-то гармонировали с воющим ветром, носившимся вдоль дороги.

Ухватившись за поручень, Бонд взобрался к кабине со стороны водительской двери и резко распахнул ее. По всей видимости, какой-то инстинкт подсказал водителю, что приближается опасность: парень буквально уползал из кабины. Не долго думая, Бонд избавил его от страданий, резко ударив дулом «Рэдхока» по затылку, — водитель молча вырубился. Не чувствуя холода, Бонд выволок парня на землю и, протащив вокруг снегоочистителя, бросил рядом с напарником. Затем Бонд вернулся в кабину.

Двигатель снегоочистителя работал. Кабина находилась так высоко, что Бонду казалось, будто он сидит где-то в километре от гидравлических поршней и огромного ножа. Целый строй рычагов немного пугал, но двигатель продолжал пыхтеть. Бонду было нужно одно: сдвинуть этого монстра с дороги и, по возможности, переместить за «Сааб», чтобы заблокировать дорогу для снегоочистителя, застрявшего на перекрестке. На деле все оказалось просто: обыкновенный механизм, управляемый при помощи руля, рычага и педа-

ли газа. Бонду понадобилось около трех минут, чтобы аккуратно протиснуть этого гиганта мимо «Сааба» и поставить его поперек дороги. Бонд выключил мотор, вытащил ключ зажигания и зашвырнул его в волнистые снежные дюны. Водители лежали все еще без сознания. Бонд прикинул, что вдобавок к порванным барабанным перепонкам обоим бандитам грозило обморожение — не такая уж и высокая плата за попытку покромсать его на замороженные отрубя.

Бонд вернулся в «Сааб» и включил на полную мощность печку, чтобы просохнуть. Затем перезарядил пистолет «Рэдхок», спрятал его вместе с гранатами обратно в их надежные тайники и сверился с картой. Если этот снегоочиститель ехал к перекрестку прямиком из Саллы, прикинул Бонд, то дорога до главной трассы этого городка должна была быть убранной. Еще два часа езды — и он доберется. На деле поездка заняла у Бонда целых три часа, поскольку дорога была очень извилистой и сильно петляла, да так, что несколько раз Бонд дважды проезжал по одним и тем же местам.

Наконец ночью, в десять минут первого, Бонд увидел впереди сверкающую вывеску, рекламирующую отель «Ревонтули». Через несколько

минут показался заворот — и вот перед ним огромное полукруглое здание, рядом с которым расположился огромный трамплин, канатная дорога, а вдалеке — ярко освещенная трасса горнолыжного спуска.

Бонд запарковал машину и подивился, что уже через несколько секунд после того, как он выключил мотор, стекла и капот начали покрываться инеем. И все же не верилось, что на улице такой лютый мороз. Бонд надел защитные очки и убедился, что лицо хорошо закутано шарфом. Затем он достал дипломат, дорожную сумку и запер машину, включив сигнализацию и противоугонные устройства.

Интерьер отеля был выдержан в современном стиле — резное дерево и мрамор. Рядом с громадным вестибюлем находился бар, там все болтали, смеялись и пили. Бонд уже стал пробираться к регистрационной стойке, как вдруг его окликнул знакомый голос.

— Привет, Джеймс! — Это был Брэд Тирпиц. — Ну и где ты пропадаешь? На лыжах что ли сюда добирался?

Бонд кивнул, сдвинул на лоб очки и размотал шарф.

— Я подумал, что сегодня отличная ночка для

прогулки, — ответил он с каменным лицом.

Номер для Бонда был уже забронирован, поэтому регистрация заняла всего пару минут. Тирпиц вернулся в бар, где, как заметил агент 007, он пил в одиночку. Ни Коли, ни Ривки было не видно. Бонду хотелось спать. По плану они должны были встречаться каждый день за завтраком, пока в отеле не соберется вся команда.

Портье взял его чемодан, и Бонд уже направился к лифтам, как дежурная сообщила, что для него есть срочная авиапочта. Авиапочтой оказался плотный конверт.

Как только портье вышел из номера, Бонд запер дверь и распечатал конверт. Внутри лежал простой листочек бумаги и фотография. Записка была написана рукой М:

«Это единственная фотография данного субъекта, которую смогли раздобыть. Фотографию просьба уничтожить».

«Ну что ж, — подумал Бонд, — теперь я, по крайней мере, хоть узнаю, как выглядит эта Анни Тудеер».

Он плюхнулся на кровать и достал фотографию.

Внутри у Бонда все оборвалось, после чего тут же каждый мускул тела напрягся. Лицо,

смотревшее на него с матовой фотокарточки, принадлежало ни кой иной, как Ривке Ингбер, его коллеге по операции из Моссада! Анни Тудеер, дочь финского нациста, офицера СС, до сих пор разыскиваемого за военные преступления, была Ривкой Ингбер!

Глубоко потрясенный Джеймс Бонд медленно достал из пепельницы коробку спичек, зажег одну и поднес ее к фотографии и к записке.

7. РИВКА

За многие годы Бонд научился засыпать по желанию на короткое время и контролировать свой сон даже в стрессовых ситуациях. Он также умел перед сном «загружать» все накопившиеся проблемы в свой «внутренний компьютер», дабы во время отдыха за него трудилось его подсознание. Поэтому, как правило, Бонд просыпался со свежей головой, иногда даже с новой точкой зрения на нерешенную проблему, и всегда бодрым.

После такой исключительно долгой и тяжелой поездки из Хельсинки Бонда естественно одолевала усталость, и все же его мозг продолжал неустанно блуждать в лабиринте противоречащих друг другу загадок.

Он понимал, что вечером он ничего не может предпринять по поводу разгрома в квартире Полы, но его сильно беспокоила безопасность девушки. Бонд решил сделать утром пару телефонных звонков и навести справки. Куда больше его волновали люди на снегоочистителях, которые вне всяких сомнений намеревались его убить. Если учесть, что он в спешке покинул

Мадейру и попал в Хельсинки через Амстердам, то это покушение означало только одно: кто-то следил за всеми пограничными пунктами в Финляндии. По всей видимости, его засекли в аэропорту, а позже выяснили, что он выехал из города на своем «Саабе».

Становилось очевидным, что кто-то хотел вывести его из игры, причем уже второй раз, если вспомнить драку на ножах в квартире Полы. А ведь драка случилась до разговора с М! И на тот момент Бонд не имел ни малейшего отношения к тайной операции против НСДА. Он даже не подозревал о ней!

Дадли, поначалу замещавший Бонда в «Ледоколе», говорил о своем недоверии к Коле Мосолову. У Бонда были свои соображения, и сейчас его больше настораживал тот факт, что агент Моссада Ривка Ингбер оказалась дочерью финского нациста в розыске.

Запустив эти проблемы в свой мозг, Бонд принял душ и стал готовиться ко сну. Он думал было перекусить, но сразу же отказался от этой затеи, решив потерпеть до утра и позавтракать с остальными, при условии, конечно, если к тому времени они все прибудут в отель.

Бонд проспал всего пару минут, как вдруг в его

сознание ворвался стук. Он тут же открыл глаза. Стук продолжался: легкие двойные постукивания в дверь. Бонд бесшумно вынул из-под подушки пистолет «Хеклер» и подкрался к двери. Стук был настойчивым. Двойное постукивание, затем долгая пауза и вновь двойное постукивание.

Встав спиной к стене слева от двери, Бонд прошептал:

— Кто там?

— Ривка. Это Ривка Ингбер, Джеймс. Мне нужно поговорить с тобой. Впусти, пожалуйста. Я прошу.

В голове прояснилось. Еще перед тем, как уснуть, он уже нашел ответы на кое-какие вопросы. Один из них был настолько очевиден, что Бонд взял его на заметку. Если Ривка действительно дочь Аарнэ Тудеера, то между ней и Национал-Социалистической Действующей Армией безусловно должна существовать прямая связь. Сейчас девушке было всего тридцать, максимум тридцать один, из чего следовало, что свое детство и юность она провела, скрываясь где-нибудь вместе со своим отцом. И если так, то очень возможно, что Анни Тудеер — глубоко законспирированный неофашистский агент, внедрившийся в Моссад. Тогда, следовательно,

она уже вполне могла знать о том, что англичане установили ее подлинное имя. И возможно, подозревала, что коллеги Бонда решат скрыть эту информацию от своих оппонентов из ЦРУ и КГБ. Так поступали и раньше, могли поступить и сейчас, ведь команда «Ледокола» уже показала себя неспокойным альянсом.

Бонд взглянул на светящийся в темноте циферблат своего противоударного водонепроницаемого «Ролекса»: четыре тридцать утра — тот тревожный час, когда голова плохо варит, когда детям куда больше нравится появляться на свет, и когда смерть чаще прокрадывается в гериатрические отделения госпиталей. С психологической стороны Ривка выбрала для своего визита самый подходящий момент.

— Погоди, — прошептал он, вернулся в комнату, накинул махровый халат и сунул пистолет обратно под подушку.

Открыв дверь, Бонд сразу же понял, что Ривка пришла без оружия. В ее наряде едва ли можно было хоть что-нибудь спрятать: воздушное белоснежное неглиже, накинутое поверх прозрачной обтягивающей ночной сорочки. Да, тут любой мужчина мог потерять бдительность: загорелое тело, откровенно просвечивающее сквозь

тонкую материю, ослепительный цветовой контраст, подчеркнутый золотистым мерцанием белокурых волос, и умоляющие глаза, в которых поблескивал страх.

Бонд впустил девушку в номер, запер дверь и отступил назад. «Так, — подумал Бонд, окинув ее тело взглядом, — она либо ультра-профессионалка, либо самая натуральная блондинка».

— Я и не знал, что ты уже приехала, — спокойно заявил он. — Но раз так, то очень рад тебя видеть.

— Спасибо, — произнесла она тихо. — Я сяду, Джеймс? Мне очень жаль, что…

— Да я наоборот — даже рад! Пожалуйста… — Он жестом предложил ей кресло. — Тебе заказать какой-нибудь напиток? Или посмотреть в холодильнике?

Ривка помотала головой.

— Это все так глупо. — Она огляделась по сторонам, словно потерявшись. — Так нелепо.

— Ты хочешь о чем-то поговорить?

Быстрый кивок.

— Ты только не подумай, что я полная дура, Джеймс. Прошу тебя. Я вполне умею управляться с мужиками, но Тирпиц… Ну…

— Ты же говорила, что можешь справиться с

ним сама; что могла разобраться с ним и раньше, тогда, когда мой предшественник вмазал ему.

Мгновение она молчала, потом, вдруг, тихонько выпалила:

— Значит я ошибалась. Но, может, хватит уже об этом? — Она сделала паузу. — Ой, прости, Джеймс. Я знаю, что должна быть настоящей профессионалкой и уметь полагаться только на себя. И все же…

— И все же с Брэдом Тирпицом тебе не справиться?

Ривка улыбнулась насмешливым ноткам в голосе Бонда и ответила ему в том же духе:

— Он ничегошеньки не понимает в женщинах. — Ее лицо напряглось, а из глаз исчезла улыбка. — Он вел себя крайне непристойно. Пытался силой вломиться в мой номер. Был очень пьян. Намекнул, что просто так не отстанет.

— Так что, ты даже не огрела его своей сумочкой?

— Он вел себя просто гадко, Джеймс.

Бонд подошел к ночному столику, взял свой портсигар с зажигалкой и, открыв, предложил его Ривке, та покачала головой. Бонд закурил, пустив в потолок струю дыма.

— Ведь это на тебя не похоже, Ривка. — Он при-

сел на кровать к ней лицом, пытаясь найти в этом привлекательном личике хоть какой-нибудь намек на правду.

— Я понимаю, — очень быстро проговорила она, — понимаю. Но я не могла оставаться одна в своем номере. Я никак не думала, что он такой…

— Ривка, ты ведь не робкий, завядший цветочек и просто так не станешь бегать за помощью к ближайшему мужику. Это штучки из каменного века, и такие как ты их ненавидят и презирают.

— Ну извини! — Она захотела встать, еле сдерживая свой гнев. — Тогда я уйду! Не буду тебе мешать. Я нуждалась в теплой компании. Остальные из нашей команды вообще не в состоянии кому-либо составить компанию!

Протянув руку и легонько толкнув девушку за плечо, Бонд усадил ее назад в кресло.

— Останься, Ривка. Но только, прошу тебя, не держи меня за идиота. Ты бы могла справиться с Брэдом Тирпицем — будь он пьяный или трезвый — в одно мгновение, стоило лишь тебе моргнуть своими ресницами…

— Но ведь это совсем не так.

«План, который впервые применили еще в Эдемовском саду», — подумал Бонд. Но кто бы стал спорить? Когда к тебе в номер посреди ночи

приходит красивая девушка и просит о защите — пускай даже если она сама может постоять за себя, — она поступает так только по одной причине. Да, но так бывает в реальном мире, а не том в лабиринте из секретов и подлогов, в котором жили и работали Бонд и Ривка. Секс до сих пор считался существенным фактором в секретных операциях, только теперь он использовался не для шантажа, как это было в прежние времена, а для более утонченных интриг, построенных на доверии, хитрости и обмане. И насколько припоминал Бонд, подобную ситуацию он всегда мог обернуть на пользу себе.

После очередной глубокой затяжки Бонд принял окончательное решение. Он был с Ривкой Ингбер наедине и знал, кто она на самом деле. Бонд решил раскрыть перед девушкой все свои карты до того, как она что-либо предпримет.

— Ривка, пару недель назад, а может и меньше. я что-то уже потерял счет дням. что ты сделала, когда Пола Вакер сказала тебе, что я в Хельсинки?

— Пола? — Она искренне удивилась. — Джеймс, я и не знала…

— Послушай, Ривка. — Бонд наклонился к девушке и взял ее за руки. — Порой наша работа порождает странных друзей, а иногда таких

же странных врагов. Лично мне не хочется становиться твоим врагом. Но тебе, моя дорогая, нужны друзья. Видишь ли, дело в том, что я знаю, кто ты.

Девушка нахмурила лоб, в глазах появилась настороженность.

— Конечно, знаешь. Я Ривка Ингбер. Агент Моссада и гражданка Израиля.

— И ты не знаешь Полу Вакер?

Ответ последовал незамедлительно:

— Да, я встречалась с ней. И когда-то очень хорошо ее знала. Но мы не виделись уже… у-у. должно быть, года четыре.

— А в последнее время ты не контактировала с ней? — Бонд услышал в собственном голосе нотки легкой надменности. — Ты не работаешь вместе с ней в Хельсинки? Вы не должны были встретиться за деловым ужином, который Пола потом отменила, перед твоим выездом на Мадейру?

— Нет. — Четко, ясно, прямо.

— А как насчет твоего настоящего имени? Анни Тудеер?

Девушка глубоко вдохнула и выдохнула так, словно хотела выпустить из своего тела весь воздух.

— Это имя, которое я хочу забыть.

— Не сомневаюсь.

Ривка одернула от него свои руки.

— Ладно, Джеймс. Я все-таки закурю.

Бонд угостил ее сигаретой и дал прикурить. Ривка глубоко затянулась и резко выпустила изо рта струю дыма.

— Как я погляжу, ты многое про меня знаешь. Тогда, может, ты сам все расскажешь, за меня? — ее голос похолодел, и даже соблазнительные нотки куда — то исчезли.

Бонд пожал плечами:

— Я только знаю кто ты. Еще я знаю Полу Вакер. Она призналась, что посекретничала с тобой о том, что должна была встретиться со мной в Хельсинки. Дело в том, что недавно я заезжал к Поле в гости и наткнулся там на пару профессиональных головорезов, которые хотели порезать меня в мелкий винегрет.

— Я же сказала, что не говорила с Полой уже несколько лет. А что ты еще знаешь, кроме моего прежнего имени и, наверное, того факта, что я дочь бывшего офицера СС?

Бонд улыбнулся:

— Только лишь то, что ты очень красива. И все. Разве что твое, как ты говоришь, «прежнее имя».

Она кивнула с натянутым, словно маска, ли-

цом.

— Я так и думала. Ладно, мистер Джеймс Бонд, я расскажу тебе всю историю, чтобы ты сам убедился, что правда, а что ложь. А после, как мне кажется, для нас обоих будет лучшим попытаться выяснить, что же все-таки происходит. я хотела сказать, что произошло у Полы… В общем, мне самой интересно, где и как Пола Вакер оказалась замешенной в этом.

— Вся квартира Полы была перевернута. Я вчера заскочил к ней, перед тем как выехать из Хельсинки. А по дороге сюда мне пришлось разобраться с ребятами на трех, а может, и на четырех снегоочистителях. Парни выявили желание немного подправить корпус моего «Сааба» со мною внутри. Кто-то очень не хотел, чтобы я добрался сюда живым. Вот так, Анни Тудеер, или Ривка Ингбер, как бы тебя там не звали по-настоящему.

Ривка нахмурилась.

— Моего отца звали, зовут Аарнэ Тудеер. Это правда. Ты знаешь его биографию?

— Я знаю, что он служил в штабе Маннергейма, а потом перебрался к нацистам, когда ему предложили стать офицером СС. Храбрый, безжалостный военный преступник, в розыске.

Девушка кивнула.

— Я не знала этого, пока мне не исполнилось около двенадцати лет. — Ривка говорила очень тихо, убедительным тоном и, как показалось Бонду, искренне. — Когда мой отец уезжал из Финляндии, он захватил с собой несколько боевых товарищей и группу добровольцев. В те дни, как известно, был богатый выбор парней, готовых вступить в подобные гарнизоны. В день отъезда из Лапландии мой отец сделал предложение одной молодой вдове. У нее была хорошая родословная и обширные земельные владения в Лапландии. Моя мать была наполовину лопаркой. Она дала согласие и добровольно поехала с ним, вступив тем самым в его гарнизон. Она прошла через такие ужасы, которые даже трудно представить! — Ривка покачала головой, словно до сих пор не веря в то, чего натерпелась ее мать.

Тудеер расписался с ней на следующий день после отъезда Финляндии. Жена была рядом с ним до последних минут крушения Третьего рейха, после чего они вместе бежали.

— Первым домом для меня стал Парагвай, — продолжала Ривка. — И, конечно же, я ни о чем тогда не догадывалась. Так продолжалось, пока я не осознала для себя, что почти с раннего детства

говорю на четырех языках: на финском, испанском, немецком и английском. Мы жили в лагере, расположенном в джунглях. И жили, надо сказать, с большим комфортом. Однако о моем отце у меня сохранились неприятные воспоминания.

— И все же расскажи мне, — попросил Бонд. И по капле он выдавил из девушки ее прошлое. Оказалась вся та же старая история: Тудеер был жестоким тираном с садистскими наклонностями, вдобавок любил выпить.

— Мне было всего десять, когда мы сбежали — мама и я. Для меня это было что-то вроде игры: для побега мне пришлось даже переодеться в индианку! Мы улизнули на каное, а потом местные гварани (Южноамериканские индейцы) помогли нам добраться до Асунсьона. Моя мама была очень несчастной женщиной. Уж не знаю как, но она все же умудрилась достать нам паспорта. шведские паспорта и разрешение на въезд в страну. Мы вылетели в Стокгольм и пробыли там шесть месяцев. Мама каждый день ходила в финское посольство и в итоге получила-таки финские паспорта. Почти весь первый год в Хельсинки мама добивалась развода и выплаты компенсаций за земляные владения, которых ее лишили. Там же в Хельсинки я наконец узнала,

что такое школа. Там-то я и познакомилась с Полой. Мы стали очень верными подругами. Вот собственно и вся история.

— Вся? — переспросил Бонд, подняв брови.

— Остальное предсказать нетрудно.

Учась в школе, Ривка начала узнавать факты о своем отце.

— К четырнадцати годам я знала о нем все. Я была в ужасе! Мне было противно от одной мысли, что мой отец бросил родную страну и стал частью СС! Думаю, что у меня это превратилось в наваждение, в какой-то комплекс. И к пятнадцати годам я уже твердо решила для себя, что надо сделать, пока я живу на этом свете.

На допросах Бонд слышал множество признаний. После многих лет подобного опыта начинаешь уже чувствовать, говорит ли человек правду или нет. Он мог поклясться, что история Ривки подлинная, хотя бы потому, что она рассказывала ее быстро, с минимумом деталей. Законспирированные шпионы зачастую выдают тебе чересчур много информации.

— Месть? — предположил Бонд.

— Что-то вроде мести. Нет, это слово не подходит. Мой отец не имел ничего общего с гиммлеровским «Окончательным решением еврейского

вопроса». Однако он все равно считался военным преступником. Постепенно я начала все больше и больше ощущать какую-то связь с народом, который потерял шесть миллионов душ в газовых камерах и лагерях. Многие говорили мне, что я перегибаю палку. Но мне хотелось сделать что-нибудь конкретное!

— Ты стала еврейкой?

— Я переехала в Израиль, когда мне исполнилось двадцать лет. Моя мать умерла двумя годами позже. Последний раз мы виделись в день моего отъезда Хельсинки. В течение последующих шести месяцев я предприняла свои первые шаги по обращению в Иудаизм. И теперь я такая же еврейка, какой может стать любой человек, не рожденный евреем. Что они только не делали, чтобы заставить меня отказаться от своей затеи! Но я стойко выдержала все испытания и даже прошла службу в армии. Там-то все и решилось! — На лице девушки засветилась гордая улыбка. — Замир лично пригласил меня на собеседование. Я не могла поверить, когда мне сказали, кто он такой — полковник Звика Замир, глава Моссада! Он-то все и устроил. К тому времени я уже была гражданкой Израиля, поэтому меня сразу же отправили на курсы специальной

подготовки для работы в Моссаде. Вскоре я получила новое имя…

— И все же вернемся к мести, Ривка. Ты искупила вину за отца, но как же месть?

— Месть? — Ее глаза широко раскрылись. Потом девушка нахмурилась, по ее лицу пробежало беспокойство. — Джеймс, ты же веришь мне, правда?

За несколько секунд Бонд перебрал в уме все факты. Либо Ривка — предательница и виртуозная актриса, каких он еще не встречал, либо, как он уже решил ранее, она чиста как стеклышко. Хотя не стоило забывать о его долгих интимных отношениях с Полой Вакер. Бонд никогда не подозревал за Полой ничего дурного и всегда считал ее очаровательной, умной и трудолюбивой девушкой. Теперь же, если верить Ривке, Пола превращалась в лжицу и в возможного пособника в покушении на его жизнь! Эти циркачи с ножами напали на него в квартире Полы. И в то же время Пола сама позаботилась о нем и отвезла его в аэропорт. Однако кто-то приметил его по дороге в Саллу. А это могло быть организовано только из Хельсинки. Уж не Полой ли?

Бонд снова перекинул разговор на отношения Ривки с Полой.

— По некоторым причинам я не могу поверить тебе, Ривка, — начал он. — Я давно знаю Полу. И в нашей последней беседе, когда она говорила о тебе, Анни Тудеер, она рассказывала конкретные вещи. Например, то, что Анни Тудеер работает вместе с ней в Хельсинки.

Ривка медленно покачала головой:

— Значит, кто-то использует мое имя…

— Ты никогда не работала в ее сфере? В рекламном бизнесе?

— Шутить что ли? Я же сказала, что никогда не работала с ней. Я только что говорила тебе о своем прошлом. Мы учились в одной школе.

— А она знала кто ты? Кем был твой отец?

— Да, — тихо ответила Ривка. — Джеймс, ты можешь запросто все выяснить сам. Позвони ей в офис и спроси, работает ли у них Анни Тудеер. Если так — тогда на свете есть две Анни Тудеер, в противном случае Пола лжет. — Ривка наклонилась к нему поближе и отчетливо произнесла: — Говорю тебе, Джеймс, нету на свете двух Анни Тудеер. Пола лжет, и я очень бы хотела знать почему.

— Да, — Бонд кивнул. — Да, и я тоже.

— Значит, ты мне веришь?

— Какой смысл тебе лгать мне? Ведь все факты

можно очень быстро перепроверить. Мне казалось, что я знаю Полу очень хорошо, но теперь… Что ж, теперь мой внутренний голос подсказывает мне, чтобы я верил тебе. Все нити можно проследить даже отсюда, а уж из Лондона — тем более. Лондон уже сообщил мне, что ты Анни Тудеер. — Бонд улыбнулся ей, его мозг послал сигналы его телу. Вблизи Ривка была очень красивой молодой женщиной. — Я верю тебе, Ривка Ингбер. Ты преданный агент Моссада. Остается непонятным только одно: вопрос о твоем возмездии. Не могу поверить, что тебе хочется просто искупить вину за поступки своего отца. Либо ты хочешь его поймать, либо убить. Ну? так что именно?

Девушка игриво пожала плечами.

— Это ведь не имеет значения, правда? Как бы там ни было, Аарнэ Тудеер умрет, — ее мелодичный голос лязгнул как сталь, затем последовал короткий мягкий смешок. — Извини, Джеймс. Мне не следовало перед тобой разыгрывать весь этот спектакль. Брэд Тирпиц был сегодня назойлив, но я, конечно же, могла утихомирить его и сама. Наверное, я действительно не такая профессионалка, как думала сама. Ведь я была настолько наивной, что решила провести тебя,

Джеймс. Заманить.

— Заманить? И в какие же сети? — Бонд на девяносто девять процентов был уверен, к чему и куда клонит Ривка, однако оставался один малюсенький процент, заставлявший его оставаться настороже.

— Ну, не совсем в сети. — Девушка опустила руку на его ладонь. — Если честно, то ни с Тирпицом, ни с Колей я не чувствую себя в безопасности. Я хотела удостовериться, что ты будешь на моей стороне.

Бонд высвободил ладонь из руки девушки и дотронулся до ее плеч.

— В нашей работе все построено на доверии, Ривка. И мы оба нуждаемся в нем, поскольку лично мне эта подставка так же не по душе, как и тебе. И все же есть один вопрос, который я вынужден задать. Просто потому, что у меня на этот счет есть кое-какие подозрения. Ты уверена, что твой отец каким-то образом связан с НСДА?

Ривка даже не задумалась над ответом:

— Абсолютно уверена.

— А как ты узнала?

— У начальства! Я ведь не случайно здесь оказалась! Меня специально послали на это задание. Уже после первого теракта НСДА наши аналити-

ки в Израиле и оперативники начали наводить справки и проверять компьютерные базы. Разумеется, они проверили всю старую нацистскую верхушку: бывших членов партии, СС и тех, кто сбежал из Германии. Всплыло несколько имен. Мой отец был одним из первых в их числе. А вот по поводу остального уж придется тебе поверить мне на слово: у Моссада есть доказательство того, что он по уши замешан в этом деле. И не случайно все оружие поступает из России через Финляндию. Он здесь, Джеймс. У него другая фамилия, почти другое лицо. Даже новая любовница. Сам он жив здоров, даже несмотря на свой возраст. Я сама уверена, что он здесь.

— Решил поиграть в солдатиков, — Бонд криво улыбнулся.

— И игра в самом разгаре, Джеймс. Мой папочка всегда успевает вовремя. Мама часто говорила, что он мнил себя в роли нового фюрера, нацистского Моисея, призванного привести своих детей обратно в их землю обетованную. Что ж, дети растут и крепнут, а в мире царит такой беспорядок, что молодые, или просто доверчивые, купятся на любую наспех испеченную идеологию. Посмотри хотя бы на свою собственную страну…

Бонд возмутился:

— В которой пока что никаких психопатов никуда не выбирали и ко власти не допускали. А наша система построена так, что если такое и случится, то она же — хотя, надо признать, иногда с небольшим опозданием — сама и выправит положение вещей.

Девушка дружески хмыкнула.

— Ладно, извини. В каждой стране свои недостатки. — Ривка прикусила губу, на секунду задумавшись о чем-то своем. — Поверь мне, пожалуйста, Джеймс. У меня вправду есть один козырь. Если хочешь, назови это «особо секретные данные». Мне нужно, чтобы ты был на моей стороне.

«Подыгрывай, — решил для себя Бонд, — И хотя ты почти уверен в ее искренности, заглотни наживку только на девяносто девять процентов и будь настороже».

Вслух Бонд ответил:

— Ну, хорошо. А как же насчет остальных? Как насчет Брэда и Коли?

— Брэд и Коля играют по крупному. И я не уверена, играют ли они вместе или друг против друга. Они вполне серьезные люди, и все же недостаточно серьезные. Звучит глупо? Парадоксально? Но это правда. Да ты сам понаблюдай за ними. —

Ривка посмотрела ему прямо в глаза, словно пытаясь загипнотизировать, и вкрадчивым голосом заговорила: — Послушай, у меня создалось ощущение — чисто интуитивное, — что либо у ЦРУ, либо у КГБ есть что-то, что они хотели бы замять. Что-то, связанное с НСДА.

— Голову дам на отсечение, что у Коли, — тихо произнес Бонд. — Ведь это КГБ пригласил нас. Это к нам КГБ обратился с просьбой — к США, Израилю и к Великобритании. И я подозреваю, что они обнаружили нечто большее, нежели простую утечку оружия в НСДА. Это «нечто» может оказаться лишь частью проблемы утечки, но что если все гораздо серьезней? И ужасней?

Ривка пододвинула свое кресло поближе к сидящему на кровати Бонду.

— Ты хочешь сказать, что они натолкнулись на утечку оружия и на что-то, что им никак не утаить?

— Это теория. И довольно крепкая.

Ривка находилась так близко от Бонда, что он почувствовал, как она пахнет: ее духи, плюс натуральный аромат привлекательной женщины.

— Только теория, — повторил он. — Но возможная. Ведь все это как-то не в духе КГБ. Они ведь обычно такие скрытные. А теперь вдруг сами

объявляются и просят о помощи. Уж не втягивают ли они нас в какую-нибудь историю? Не водят ли они нас за нос? Не получится ли так, что когда эта правда, или что бы там ни было на самом деле, всплывет, то окажется, что мы замешаны в этом? И все шишки посыплются на нас — на Израиль, Америку и Британию. Такая схема вполне похожа на КГБ.

— И мы останемся крайними, — вновь понизив голос, произнесла Ривка.

— Вот-вот. Крайними.

Интересно, подумал Бонд, что бы сказал по поводу этого словечка его старый и ультраконсервативный шеф М, который вообще не выносил сленг.

Ривка предложила Бонду отныне держаться вместе, даже если этот план КГБ по дискредитации был только их домыслом.

— Нам просто необходимо прикрывать друг друга с тыла, даже если наша теория ошибочна, — подытожила она.

Бонд подарил девушке свою самую очаровательную улыбку и нагнулся к ней ближе. Теперь его губы находились совсем рядом с ее ртом.

— Ты совершенно права, Ривка. Хотя я бы предпочел прикрывать тебя с фронта.

Ее губы тем временем, казалось, буквально изучали его рот.

— Я не из пугливых, Джеймс, но что-то мне стало не по себе…

Ее руки обвились вокруг его шеи, и их губы сомкнулись, сперва с легкой нежностью. Сознание Бонда продолжало пилить его, напоминая о вероятной опасности. Однако все предостережения были выжжены дотла огнем, который вспыхнул от жара их губ, был раздут порывами их горячего дыхания и наконец разросся в бушующий пожар, когда их языки соприкоснулись. Казалось прошла целая вечность прежде, чем их губы разомкнулись. Ривка, страстно дыша, прижалась к Бонду и истомно зашептала ему на ухо слова нежности. Бонд медленно перенес ее на кровать, и они легли, слившись в объятиях, а затем вновь в поцелуе. И словно по какому-то неслышному сигналу принялись снимать друг с друга одежду. В считанные мгновения, пылая от страсти, они уже впивали друг друга жадными глотками, словно в каждом из них содержался какой-то доселе неиспитый божественный эликсир, которым им было необходимо срочно утолить свою жажду. То, что начиналось как простое вожделение, потребность в ответной ласке — два одиночества,

ищущих друг в друге естественный комфорт и доверие, — медленно переросло в нежную, мягкую и даже искреннюю любовную страсть. Бонд, который где-то в глубине сознания еще смутно помнил о слабом сомнении, растворился в этом восхитительном создании, чье тело двигалось вместе с его телом так гармонично, словно, между ними существовала почти телепатическая связь. Они, словно идеальная танцевальная пара, предугадывали движения друг друга.

И лишь потом, когда Ривка, юркнув под одеяло, свернулась клубочком в объятиях Бонда, они вновь заговорили о своей работе. Для Ривки и Бонда те скоротечные часы, проведенные вместе, были всего лишь убежищем от суровой реальности их профессии. На часах было девять утра. Новый день, новая схватка с опасностями секретного мира.

— Чтобы операция не провалилась, мы теперь будем работать сообща. — У Бонда во рту было непривычно сухо. — Для нас обоих так будет спокойней…

— Да и..

— И я помогу тебе отправить оберфюрера СС Тудеера в ад.

— О, Джеймс! Это будет так здорово! — Ривка

взглянула на него, и на лице девушки расплылась улыбка, в которой виднелось одно удовольствие — и никаких намеков на злобу и ужас, а ведь буквально только что она умоляла о смерти своего отца. Затем ее настроение снова переменилось: пришла безмятежность, а в глазах и уголках рта заиграла улыбка. — Ты знаешь, я никак не думала, что это случится…

— Ну, ладно тебе, Ривка. Так не бывает, чтобы девушка пришла в номер к мужчине в четыре утра, практически голая, и без малейшей на то мысли.

— Ну, — громко рассмеялась она, — мысль-то такая была! Да только мне и вправду не верилось, что это случится. Я представляла тебя таким крутым профессионалом, а себя возомнила достаточно волевой профессионалкой, которая ни за что не поддастся соблазну. — Ее голос притих. — Ты понравился мне с первого взгляда, но не бери это себе в голову.

— Вот еще! — Бонд засмеялся и подошел к телефону. — Интересно, что нам скажет наша, так называемая, подружка Пола. — Он начал набирать ее домашний номер, при этом восхищенно любуясь Ривкой, которая надевала свою тонкую шелковую накидку.

На другом конце линии послышались длинные гудки. Никто не подходил.

— Ну, и что ты на это скажешь, Ривка? — Бонд повесил трубку. — Ее нет дома!

Ривка покачала головой:

— Так ты позвони ей в офис. И все равно я ничего не понимаю! Я ведь довольно хорошо ее знала. Зачем ей было врать про меня? Бессмыслица какая — то! И потом, ты же говоришь, что она была твоей хорошей подругой…

— И очень долгое время. И я ничего такого коварного за ней не замечал! Ты верно подметила: бессмыслица. — Бонд вскочил на ноги и направился к стенному шкафчику, в котором висела его куртка. Он достал из ее кармана две медали и кинул их на кровать, те со звоном плюхнулись. Это будет для нее последним тестом, решил Бонд и спросил: — А что ты скажешь на это, дорогая?

Ривка протянула руку к медалям, взяла их и тут же, тихо вскрикнув, выронила их на кровать, словно те были раскаленными.

— Откуда? — Одного этого слова было достаточно: оно прозвучало резко и четко, словно выстрел.

— В квартире Полы. Лежали на ночном столике.

Вся оживленность мигом слетела с лица Ривки Ингбер.

— Последний раз я их видела, когда была маленькой. — Она протянула руку к Рыцарскому кресту, и снова взяла его, перевернув. — Ты видишь? Его имя выгравировано на тыльной стороне. Это Рыцарский крест моего отца! Но в квартире Полы? — Последние слова прозвучали с полным изумлением и недоверием.

— Прямо на ночном столике, на самом видном месте.

Ривка кинула медали на кровать и подошла к нему, обвив его шею руками.

— Мне казалось, что я все знаю, Джеймс. А теперь что же получается? Почему Пола? Зачем вся эта ложь? Причем тут отцовский Рыцарский крест и Северный орден? которым, кстати, он особенно гордился… Столько загадок!

Бонд прижал девушку к себе:

— Не волнуйся, разберемся. Я заинтересован в этом не меньше, чем ты. Пола всегда казалась мне такой… спокойной, что ли, открытой.

Прошло около минуты, и Ривка отстранилась из его объятий.

— Мне надо проветриться, Джеймс. Пошли, прокатимся вместе с горы на лыжах.

Бонд покачал головой:

— Мне нужно встретиться с Брэдом и Колей. И потом, мы же договорились присматривать друг за другом?..

— Да я не надолго!. — Ривка о чем-то подумала и добавила: — Джеймс, дорогой, не волнуйся, со мной все будет в порядке. Вернусь к завтраку. Извинись за меня, если я немножко задержусь.

— Только ради Бога, будь осторожна!

Ривка слегка кивнула и застенчиво добавила:

— А это было очень даже что-то, мистер Бонд! И это «что-то» может перерасти в привычку.

— Я надеюсь. — Стоя у двери, Бонд прижал ее близко-близко к себе, и они поцеловались.

Когда девушка ушла, он вернулся в комнату, подобрал с кровати медали Аарнэ Тудеера и положил их обратно в куртку. Запах ее духов был повсюду, и казалось, что Ривка до сих пор здесь, рядом с ним.

8. ТИРПИЦ

Джеймс Бонд был крайне обеспокоен. Он был почти полностью готов поверить Ривке Ингбер, и все же его что-то смущало в истории дочки Аарнэ Тудеера, принявшей иудейскую веру и ставшей — даже согласно Лондону! — агентом Моссада.

А шокирующая тайна Полы Вакер! Они годами были близки, и Пола никогда не давала ему ни малейшего повода подумать о ней иначе, как об умной, веселой, трудолюбивой девушке, полностью отдающей себя своей работе. Однако после разговора с Ривкой и других недавних событий Пола внезапно превратилась из очень хорошей девочки в очень плохую.

Медленнее, чем обычно, Бонд принял душ и побрился. Затем он надел теплые твиловые брюки, черный шерстяной свитер с высоким воротником и короткую кожаную куртку, чтобы скрыть под ней кобуру с «Хеклером». Перед тем как положить пистолет в кобуру, Бонд проверил его механизм и захватил с собой пару запасных обойм, спрятав их в потайной задний карман брюк.

Выйдя из номера, Бонд зарекся, что с этого мо-

мента ни шагу не ступит без оружия. В коридоре он приостановился и взглянул на циферблат своего «Ролекса». Как быстро летит время! Было уже около девяти тридцати. Офис Полы наверное открылся. Бонд вернулся в номер, чтобы позвонить в Хельсинки, на это раз ей на работу. Ему ответила по-фински та же телефонистка, что говорила с ним и в тот роковой и уже, казалось бы, такой далекий день, когда он поддался импульсу и позвонил Поле. Бонд перешел на английский, девушка — тоже, как и тогда. Он попросил позвать Полу Вакер. Последовал ответ, резкий, окончательный и далеко не неожиданный:

— Сожалею, но мисс Вакер сейчас в отпуске.

— Да? — Бонд разыграл разочарование. — Как жалко, а я обещал связаться с ней! А вы, наверное, не в курсе, куда она уехала?

Девушка попросила минутку подождать.

— У нас нет точного адреса, — наконец ответила телефонистка, — но она говорила, что вроде бы собиралась покататься на лыжах где-то на севере. Лично по мне, там уж слишком холодно. для меня и здесь-то морозно.

— Ясно. Ну спасибо. А давно она уехала?

— В четверг, сэр. Хотите, чтобы я оставила ей сообщение?

— Нет. Нет, я звякну ей, когда в следующий раз буду в Финляндии. — Бонд уже хотел повесить трубку, но, передумав, спросил:

— А кстати, Анни Тудеер еще работает у вас?

— Анни как, сэр?

— Анни Тудеер. Подруга мисс Вакер, если не ошибаюсь.

— Прошу прощения, сэр. Думаю, что вы ошиблись. У нас с такой фамилией никого нет.

— Спасибо, — ответил Бонд и повесил трубку.

Так-так, значит, следом за ними на север переместилась и Пола. Бонд выглянул в окно: несмотря на хрустальное небо и яркое солнце, воздух был буквально пронизан холодом, однако этот восхитительный лазурный небосвод тепла не сулил, а солнечный диск походил скорее на ослепительный отблеск от айсберга. В этих краях вид из теплого, уютного номера отеля мог быть весьма обманчивым, и Бонд хорошо это знал. Пройдет около часа, и солнце зайдет, а вместо него на морозе колко замерцает снег и заблестит притаившийся где-то в сумерках лед.

Из номера Бонда, находившегося в заднем крыле здания, открывался прекрасный вид на канатную дорогу, горнолыжный спуск и изгиб трамплина. Там сейчас копошилась куча ма-

люсеньких фигурок, выбравшихся погулять, пока на улице было светло и безоблачно. Они бесконечным потоком садились в кресла вечно движущейся канатной дороги, а другие тем временем, похожие на белом фоне на кучу насекомых, скользили на лыжах вниз, петляя по склонам или просто гоня прямо под гору, наклонившись вперед и согнув колени.

Одним из этих маленьких пятнышек, несущихся по сверкающему белоснежному склону, вполне могла быть Ривка. Бонд почти испытал то приятное азартное возбуждение, возникающее на крутом скоростном спуске, и на секунду пожалел, что не пошел вместе с девушкой. Он бросил последний взгляд на холодный зимний пейзаж, скрашенный лыжниками, движением канатной дороги и трассой, похожей на извилистую реку, по берегам которой раскинулись пышные леса, где росли сплошь бурые и зеленые рождественские елки, разнаряженные заледенелыми шапками снега, затем встал, вышел из номера и направился в главный обеденный зал.

Брэд Тирпиц сидел в одиночестве за угловым столиком у окон, созерцая ту же картину, которую наблюдал только что Бонд из окна своей комнаты. Заметив его, Тирпиц небрежно поднял

руку — получилось что-то между «здравствуй» и «я здесь».

— Привет, Бонд! — Каменное лицо слегка треснуло от улыбки. — Коля просил его извинить. Он задержится. Достает нам снегоходы. — Брэд нагнулся поближе к Бонду. — По всей видимости, выходим сегодня ночью или, если хочешь точнее, в первые часы следующих суток.

— Что сегодня ночью? — невозмутимо переспросил Бонд, точно копируя карикатурного осмотрительного англичанина.

— Что сегодня ночью? — Тирпиц закатил к небу глаза. — Сегодня ночью, дружище Бонд, по словам Коли, из «Русака» вывезут новую партию оружия. Ты хоть не забыл о «Русаке»? Об их оружейном складе под Алакуртти?

— Ах это. — Бонд сделал вид, что «Русак» и хищения боевой техники — последнее на этом свете, что могло его хотя бы как-то заинтересовать. Взяв меню, он целиком погрузился в длинный список предлагавшихся блюд. Когда же появился официант, Бонд просто продиктовал свой обыкновенный заказ, подчеркнув, что ему нужна очень большая чашка кофе.

— Не возражаешь, если я закурю? — спросил Тирпиц с лаконичностью индейского истукана.

— Только если ты не возражаешь, что при этом я буду есть. — Бонд не улыбнулся. Возможно, здесь свою роль играло его прошлое в Королевском флоте, или же тот факт, что все последующие годы он работал непосредственно под руководством М, однако Бонд считал, что курить, пока кто-то ест, не многим приличней, чем закурить перед тем, как поднять бокал в честь Королевы.

— Послушай, Бонд, — Тирпиц придвинул к нему свой стул поближе. — Я рад, что Коля сейчас не с нами. Я хотел переговорить с тобой наедине.

— Да?

— Тебе огромный привет от Феликса Лейтера. И горячий поцелуй от Сидер.

В душе Бонд слегка удивился, но вида не показал. Его верный друг из США, Феликс Лейтер, одно время был лучшим агентом ЦРУ, а дочь Феликса, Сидер, тоже работала на Управление, и совсем недавно Бонд вместе ней успешно провел одну сложную операцию (ссылка на предыдущий роман Джона Гарднера).

— Я понимаю, ты не доверяешь мне, — продолжал Тирпиц. — Но лучше хорошенько подумай, братишка. Хорошенько подумай. Потому что я, возможно, у тебя сейчас единственный друг.

Бонд кивнул:

— Возможно.

— Твой шеф хорошо тебя проинструктировал. Вероятно, у нас была одинаковая информация. А вот Коля не раскрыл все, что знает! Это я к тому, что нам с тобой нужно работать на пару. И как можно сплоченней. Этот русский ублюдок себе на уме и что-то не договаривает. И, как я предполагаю, у него заготовлена для нас пара сюрпризов.

— Мне казалось, что мы все работаем вместе, — сказал Бонд как можно мягче и вежливей.

— Не доверяй никому, кроме меня. — Тирпиц хоть и достал пачку сигарет, но так и не закуривал. На минуту их разговор прервал официант, принесший заказ Бонда: яичницу, бекон, тосты, мармелад и кофе. Когда он ушел, Тирпиц продолжил: — Послушай, если бы я тогда не встрял в разговор на Мадейре, то главную шишку никто бы и не упомянул. Я про этого липового графа. У тебя на него было то же самое, что и у меня. Некий Конрад фон Глёда. Коля не собирался рассказывать о нем. А знаешь, почему?

— Давай говори.

— Да потому, что Коля работает на две стороны. Некоторые кэгэбэшники замешаны в этой заварушке с оружием. Наши люди в Москве сообщили нам об этом буквально пару недель назад.

А совсем недавно эта информация была окончательна подтверждена Лондоном. Твои шефы, наверное, скоро просигналят тебе.

— Тогда, может, ты расскажешь подробней? — теперь Бонд вел себя лаконично, поскольку Брэд Тирпиц подтверждал историю, которую он уже обсудил с Ривкой.

— Нарочно такого не придумаешь. — Тирпиц хрипло рассмеялся. — Из Москвы пришел слух, что группа недовольных высокопоставленных кагэбэшников — их очень мало — связались с такой же недовльной группой отщепенцев советской армии.

В свою очередь, по словам Тирпица, эти два тела вступили в контакт, и появился зародыш, который в последствии развился в Национал — Социалистическую Действующую Армию.

— Они, конечно же, идеалисты. — Тирпиц усмехнулся. — Фанатики. Люди, работающие в СССР для того, чтобы свергнуть коммунистические идеалы с помощью фашистских террористов. Они-то как раз и стояли за первой кражей в «Русаке». И попались. Но тут есть один нюанс…

— Какой?

— Они-то попались, но полный перечень фактов так и не всплыл. Эти парни как мафия, ну или

как мы, если на то уж пошло. Ведь ваши люди присматривают за своими, правда?

— Только тогда, когда это может сойти им с рук. — Съев кусочек яичницы, Бонд потянулся за тостом.

— Короче, потом мальчики с площади Дзержинского хорошенько обработали военного, который их засек, а самое неприятное то, что водила в этой совместной тайной операции, Коля Мосолов, — их человек.

— Ты хочешь сказать, что Коля завалит операцию? — Бонд посмотрел Тирпицу прямо в лицо.

— Он не только завалит операцию, но и проследит, чтобы неонацисты успешно забрали следующую партию оружия. А потом окажется, что товарищ Мосолов пал смертью храбрых где-нибудь среди этих заснеженных льдов. И догадайся, на кого все повесят?

— На нас?

— В принципе, да. Ну а вообще, этот план придуман для тебя лично, дружище Бонд. Колино тело так и не найдут. А вот твое, как я подозреваю, найдут. Конечно, потом Коля восстанет из мертвых. С другим именем, другим лицом, но это уже будет совсем другая история.

Бонд энергично закивал.

— Примерно это я и подозревал. Я так и думал, что Коля берет меня с собой в Советский Союз не просто для того, чтобы посмотреть на незаконную торговлю оружием.

Тирпиц ему безрадостно улыбнулся.

— Как и ты, приятель, я тоже не раз проходил через это: в Берлине, в Лаосе, в Каподжии. И каждый раз — двойная подстава. Я нужен тебе, братишка…

— Ну а я, получается, нужен тебе… братишка.

— Точно. Главное — пока ты там будешь косить под снеговика и шнырять по Советским лесочкам, делай все, как я тебе скажу. как Управление тебе скажет. И если ты будешь делать все именно так, то я присмотрю за твоей спиной, и прослежу, чтобы она осталась цела.

— Но перед тем как спросить, что от меня потребуется, я задам тебе один важный вопрос. — Бонд уже перестал поражаться этой беседой. Сперва его переманивала на свою сторону Ривка, теперь — Тирпиц. Это придавало операции «Ледокол» новый окрас. Друг другу никто не доверял, и каждый хотел иметь у себя по крайней мере одного союзника, который, как подозревал Бонд, при первом же намеке на опасность будет тут же закопан или получит нож в спину.

— Ну? — переспросил Тирпиц, и Бонд заметил, что его внимание отвлечено только что прибывшими посетителями, которых официанты обслуживали, словно те были королевскими особами.

— Что насчет Ривки? Мы что, бросим ее на морозе вместе с Колей?

Брэд Тирпиц был явно поражен.

— Бонд, — произнес он тихо. — Ривка Ингбер, быть может, и агент Моссада, но я надеюсь, что тебе все-таки известно, кем она является на самом деле. В смысле, твоя организация сообщила тебе…

— Что она блудная дочь офицера финской армии, который перешел на сторону нацистов и который до сих пор находится в списке военных преступников? Да.

— И да и нет, — Брэд Тирпиц повысил голос. — Все мы, конечно же, слышали об этой хитрой сучке и ее папаше. Но никто не имеет ни малейшего понятия, на чьей девчонка стороне, даже сам Моссад. Остальным моим коллегам вообще ничего не сказали. Но я видел на нее личное досье Моссада. И я скажу тебе, что даже они ничего толком не знают.

Бонд спокойно заявил:

— Лично я верю, что она честный и по-настоящему преданный агент Моссада.

Тирпиц раздраженно и тихо фыркнул:

— Да и верь себе на здоровье, но тогда как насчет Человека?

— Человека?

— Этого так называемого графа Конрада фон Глёды. Парня, который стоит за контрабандой оружия и, возможно, управляет НСДА. Поправка: почти наверняка управляет НСДА. Рейхсфюрер СС фон Глёда!

— Ну и?

— Ты хочешь сказать, что никто из твоих так и не прояснил тебе ситуацию?

Бонд пожал плечами. М провел точный и полный инструктаж, но подчеркнул, что по поводу таинственного графа фон Глёды существовали кое — какие соображения, которые так и не нашли себе подтверждений. Ну а М, с его упрямством, отказывался принимать обыкновенные вероятности за факты.

— Э, братишка, ты влип. — Глаза Тирпица наполнились сотней острых стекляшек. — Сумасшедший и блудный папаша Ривки Ингбер — оберфюрер СС Аарнэ Тудеер — выступает в нашей сказочке в роли Снежного короля. Аарнэ

Тудеер и есть граф Конрад фон Глёда! Это просто вымышленное имя.

Бонд чуть пригубил кофе, его мозг напряженно работал. Если информация Тирпица верная, то Лондон такого даже и не предполагал! М сообщил ему только имя и рассказал, что этот человек подозревался как минимум в организации контрабанды оружия, поскольку был почти доказан тот факт, что граф наладил маршруты переправки боевой техники из Советского Союза на свой секретный склад. Никто не говорил, что фон Глёда и есть Тудеер.

— Ты уверен в этом? — Бонд решил не показывать никаких эмоций, кроме беспечного спокойствия.

— Так же, как и то, что ночь сменяет день. А здесь это происходит весьма быстро… — Тирпиц внезапно замолк, посмотрев через обеденный зал. Его взгляд остановился на той самой парочке, вокруг которой с таким огромным энтузиазмом бегала прислуга.

— Ну, и что ты скажешь? — Уголки его рта еще больше изогнулись вниз. — Взгляни-ка туда, Бонд. А вот и сам Человек. Граф Конрад фон Глёда и его дама, известная как просто «Графиня». — Он глотнул кофе. — Как я уже сказал, это вымышлен-

ное имя. По-шведски «Глёда» означает «блеск». В Лэнгли мы дали ему кодовое имя «Светлячок». Разжился на добре, награбленном нацистами, аж весь светится! И продолжает наживаться на тех, кого каждый день загребает в свою армию! Главнокомандующий НСДА! Говорю тебе, он жук еще тот. И лично я собираюсь выловить этот экземплярчик и посадить в банку.

Пара действительно выделялась. Как только они пришли, Бонд обратил внимание на их дорогие, пышные меховые шубы, которые прислуга сразу же унесла в гардероб. Сейчас парочка сидела с таким важным видом, будто владела всей Лапландией, и они чем-то напомнили Бонду принца и принцессу эпохи Ренессанса.

Конрад фон Глёда был высокого роста, в отменной физической форме, держался стройно, как струна. Он относился к тем людям, которых возраст не старит. Ему могло быть далеко за пятьдесят, а могло быть и семьдесят с небольшим — по такому отточенному профилю и тонким чертам бронзового лица возраст было невозможно подсчитать. Откинувшись в кресле, он говорил с графиней, жестикулируя одной рукой, пока другая вяло покоилась на подлокотнике. Он обладал шикарной копной седых, отливающих сталью во-

лос, а в его загорелом оживленном лице осталось что-то от молодого, рвущегося вперед, юнца. В общем, буквально все в этом человеке — и острый взгляд серых глаз, и строгий аристократический подбородок, и высокомерный наклон головы — говорило о том, что с ним нельзя не считаться. И слово «блеск» попадало в самую точку.

— Прямо кинозвезда какая-то, да? — пошутил Тирпиц.

Бонд слегка кивнул. Достаточно было лишь взглянуть на Графа, чтобы понять, что тот обладал редкостным даром — природным обаянием.

У графини тоже был вид человека, имевшего и средства, и возможности купить или просто взять все что душа пожелает. И даже несмотря на всю невозможность предсказать возраст самого Графа, становилось очевидным, что она была гораздо моложе своего кавалера и тоже ценила свою фигуру и физическое здоровье. Даже сейчас, сидя за обеденным столиком, графиня производила впечатление женщины, у которой спорт и утренняя зарядка были второй натурой. Бонд мысленно предположил, что и в другом, древнейшем, виде спорта она тоже была мастером: и в красоте ее гладкой кожи, и в изяществе темных волос, забранных назад, и в классических чертах

буквально читались воздушные строки из откровенной эротической поэмы.

Бонд все еще продолжал тайком наблюдать за парой, как вдруг к нему подбежал официант.

— Мистер Бонд? — спросил он.

Бонд кивнул.

— Вам звонят, сэр. Телефон в кабинке, у стойки регистрации. Вас спрашивает мисс Пола Вакер.

Бонд мигом вскочил, заметив любопытный огонек в глазах Брэда Тирпица.

— Какие-то проблемы, Бонд? — голос Тирпица вроде бы смягчился, но Бонд никак не отреагировал. Он решил обращаться с «Гаденышем» Брэдом так же осторожно, как и с гремучей змеей.

— Да так, простой звонок из Хельсинки, — ответил он и зашагал в сторону телефона, недоумевая, каким образом Пола смогла найти его.

Проходя мимо столика фон Глёды, Бонд позволил себе бросить на пару прямой, якобы безразличный, взгляд. Граф поднял голову, и их глаза встретились: ответный взгляд фон Глёды был полон почти нескрываемой злобы. Бонд уже прошел мимо них, однако ненависть эту он продолжал ощущать на себе, как будто острые серые глаза графа так и впивались ему в затылок.

Служащий за стойкой указал на телефон в ма-

ленькой полуоткрытой кабинке. Бонд кинулся к телефону, схватил трубку и спросил:

— Пола?

— Одну минутку, — ответила телефонистка. Послышался щелчок переключаемой линии.

— Пола? — повторил он.

Спроси его тогда, он вряд ли бы мог поклясться, что слышал голос именно Полы, хотя был уверен в этом на девяносто процентов. Было плохо слышно (весьма необычное явление для финских телефонных линий) и голос звучал приглушенно, словно из эховой камеры.

— Джеймс, — произнес голос, — можешь попрощаться с Анни, где-то с минуты на минуту ее не станет. — И послышался долгий, леденящий душу смех, который постепенно куда-то стал уплывать, будто Пола нарочито медленно отодвигала от себя трубку, пока и вовсе не повесила.

Бонд наморщился, в душе быстро нарастала тревога.

— Пола? Это ты...? — он осекся, понимая, что говорить в «пустую» трубку было без толку. «Можешь попрощаться с Анни...». Что за черт? И тут его осенило! Ривка на трассе горнолыжного спуска!.. А может, она еще не добралась дотуда? Бонд кинулся к парадному входу. Он уже протянулся к

дверной ручке, как тут его сзади одернул голос:

— И не вздумай этого, Бонд! Только не в такой одежде. — Позади стоял Брэд Тирпиц. — Ты продержишься не больше пяти минут. Там порядочная холодрыга.

— Тогда дай мне какую-нибудь одежду, Брэд, и быстро.

— Возьми свою. И какого черта? Что случилось? — Тирпиц направился в гардероб, находившийся рядом с регистрационной стойкой.

— Потом объясню. Ривка там, на горе, и у меня предчувствие, что она в беде.

Внезапно у Бонда мелькнула мысль, что Ривка Ингбер могла вовсе и не быть на спуске. Ведь Пола сказала: «где-то с минуты на минуту». Что бы там не было спланировано, это уже могло произойти.

Тирпиц вернулся, держа в руках свою уличную одежду: ботинки, шарф, защитные очки, перчатки и теплую куртку.

— Ты мне, главное, объясни, — сказал он командным тоном, — а я уж помогу, чем могу. Иди, одевай свои шмотки. Вот лично я никогда не рискую, и у меня уличная одежда всегда под рукой!

Тирпиц, не теряя времени, уже скинул с ног

туфли и надевал сапоги. Было ясно, что спорить с Тирпицом бесполезно.

Бонд кинулся к лифтам.

— Если Ривка на горе, быстро спускай ее вниз, — крикнул он и, ударив по кнопке вызова, нырнул в кабину лифта.

Вбежав к себе в номер, Бонд сразу же принялся одеваться. Он потратил на это менее трех минут, то и дело посматривая в окно, на канатную дорогу и горнолыжную трассу. Пока все было спокойно. Ничего не стряслось и за последовавшие шесть минут, пока он оббегал здание отеля вокруг, чтобы достигнуть станции канатной дороги, расположенной у подножья горы. Большинство туристов уже разошлось по домам: на сегодня лыжная пора завершилась. Брэд Тирпиц стоял рядом с избушкой станции.

— Ну, что? — спросил Бонд.

— Я сказал им, чтобы позвонили на вышку. Ее имя в списке. Сейчас она уже где-то там, на трассе. На ней малиновый костюм. Объясни все толком, Бонд. Это как-то связано с операцией?

— Потом. — Сощурившись, Бонд вытянул голову и стал всматриваться сквозь стекла защитных очков в блестящий снежный покров.

Главный участок трассы, располагавшийся

на не очень крутом склоне, представлял собой серию трамплинчиков и был протяженностью километра полтора. Его верхушку загораживал участок с флажками, который был широким и сложным, местами петлял между елями. Кое-где он казался почти пологим, однако кое-где за такими простыми участками сразу же следовали крутые пригорки.

Последние полкилометра тянулся пологий-пологий склон — длинная финишная прямая. По ней сейчас скользили двое молодых парней в черных лыжных костюмах. Выйдя на финиш они с гиканьем мастерски заложили эффектный вираж.

— Вон она! — Изучив в бинокль верхушку последнего трамплинчика, Брэд дал его Бонду. — В малиновом костюме.

Бонд посмотрел в бинокль и невольно восхитился мастерством Ривки: девушка ловко прошла зигзагами по крутому участку, выскочила на ровную поверхность, притормозила на твердом снегу, затем, чуть разогнавшись, взлетела на последнем трамплинчике и заскользила по длинному склону.

Однако едва Ривка успела добраться до начала финишной полукилометровой прямой, как вдруг

снег под ней буквально вскипел, за ее спиной поднялся плотный белый туман, а в центре яркого цветка снежной пыли ярко вспыхнул огонь, сперва красного цвета, затем белого.

Заглушенный звук от взрыва долетел до них секундой позже. Сначала же Бонд увидел, как Ривку высоко подбросило и перевернуло в снежном вихре.

9. В СПЕШКЕ

Бонд почувствовал в животе комок страха и боли от своей беспомощности: сквозь возникшую снежную дымку он видел, как темно красная фигурка, словно тряпочная кукла, полетела кубарем и сгинула в белом фонтане мелких брызг. Люди, стоявшие вокруг Тирпица и Бонда, тут же кинулись на землю, будто бы попав под минометный огонь. Тирпиц и Бонд не шелохнулись. Американец лишь забрал у Бонда свой бинокль и поднес к глазам его резиновые окуляры.

— Вон она. Кажется, без сознания. — Тирпиц говорил с такой интонацией, будто командовал воздушной атакой или корректировал артиллеристский огонь.

— Да, лежит на спине. По пояс в снегу. В ярдах ста от места взрыва.

Бонд забрал бинокль и взглянул сам: снег уже оседал, и фигурка, распластавшаяся в сугробе, виднелась вполне отчетливо.

За их спинами раздался еще один голос:

— Администрация отеля вызвала полицию и «скорую». Сюда им ехать недалеко, а вот на

гору ни одна спасательная команда быстро не заберется — слишком рыхлый снег. Им придется вызывать вертолет.

Бонд обернулся. Рядом стоял Коля Мосолов, который тоже смотрел в бинокль.

За те секунды, что прошли после взрыва, мозг Бонда окунулся в лихорадочный водоворот мыслей. В его внутренний компьютер поступили четкие исходные данные и сложились в логическую цепочку, которая, в свою очередь, привела к очевидным и безошибочным заключениям. Телефонный звонок Полы (если, конечно, это была Пола) подтвердил многое, что рассказала Бонду Ривка, тем самым еще сильнее подкрепив ранее возникшие у него подозрения. Пола Вакер была явно не той, за кого себя выдавала. Она подставила его в своей квартире, во время его прошлого визита в Хельсинки, каким-то образом прознала о его ночке с Ривкой (или Анни — кому как угодно), и теперь подставила ее саму. Более того, поражала легкость, с которой Пола (пока что он знал ее только под этим именем) устроила этот несчастный случай на горнолыжном спуске! Она знала, где находился Бонд, она знала, где была Ривка; она знала все. Это могло означать только одно: Пола имела какой-то доступ к четырем

участникам операции «Ледокол». Это могла быть либо прямая связь с одним из его коллег, либо какой-то тайный способ, например, подслушивание при помощи хитроумной электроники. А что? Вполне возможно. В любом случае сейчас Пола несомненно находилась здесь, в отеле, или же в его окрестностях, неподалеку от Саллы, и может даже, в данный момент наблюдала за ними.

Бонд отвлекся от своих размышлений.

— Ну? что скажешь? — спросил он, обернувшись к Коле, и тут же вновь устремил взор на склон.

— Я же говорю: вертолет. На самой трассе снег укатан, но Ривка застряла в рыхлом. Если действовать быстро, то без вертолета здесь не обойтись.

— Я не об этом, — отрезал Бонд. — Что ты скажешь о взрыве?

Коля пожал плечами.

— Я думаю, это противопехотная мина. Они до сих пор здесь попадаются. Некоторые остались еще со времен русско-финской зимней войны, некоторые — со времен Второй мировой. Даже спустя столько лет. Их смещает. ранней зимой, при первых буранах. Да, лично мне кажется, что это противопехотная мина.

— А если я скажу тебе, что меня предупредили?

— Вот именно, — поддакнул Брэд, приникший глазами к биноклю. Он продолжал рассматривать красное пятнышко, которым отсюда казалась Ривка. — Бонду кто-то звякнул.

Колю, казалось, этот факт нисколечко не заинтересовал.

— Что ж, надо будет обсудить это. Но где же эта чертова полиция с вертолетом?

В этот момент, словно по заказу, на главную автостоянку отеля, скользя, ворвалась полицейская машина марки «Сааб-Финляндия», остановившись в двух шагах от Коли, Тирпица и Бонда. Из нее вышли двое полицейских, и к ним тут же подскочил Коля, затараторив по-фински, словно на родном, сопровождая, к удивлению Бонда, свои слова жестами. Затем Мосолов обернулся к нему, тихо выругавшись по-русски, и сказал: — Вертолет будет только через пол часа! — Коля выглядел взбешенным от ярости. — Спасательная команда тоже!

— Значит, тогда нам придется…

Внезапно Бонда перебил Брэд Тирпиц:

— Она зашевелилась. Пришла в сознание. Пытается встать. Нет, снова упала. Кажется, у нее

сломаны ноги.

Бонд не медля спросил Колю, есть ли в полицейской машине громкоговоритель. И вновь последовал короткий диалог с полицейскими. Мосолов крикнул:

— Да, есть.

Бонд тут же рванул к своему автомобилю, расстегивая набегу куртку, чтобы достать ключи.

— Приготовь его, — крикнул он. — Я сам спущу ее вниз. Приготовь громкоговоритель!

Замки в «Саабе» были хорошо смазаны маслом и обработаны антифризом, поэтому Бонд без труда отпер машину. Выключив сигнализацию, он подбежал к багажнику, открыл и достал из него пару спасательных канатов и массивное приспособление в форме барабана — «Шермули Пэинс-Вессекс Спидлайн» — устройство для переброски каната. Запря дверь машины, он включил противоугон и поспешил к подножью горы, где один из полицейских, с несколько смущенным видом, уже стоял с громкоговорителем в руках.

— Она пытается сесть. Махнула рукой и показала, что ей не двинуться с места, — сказал Тирпиц подбежавшему Бонду.

— Понял. — Бонд взял у полицейского громкоговоритель, включил и направил в сторону Ривки

Ингбер, казавшейся отсюда красной полоской. Стараясь не прикасаться губами к металлу, он заговорил:

— Если ты меня слышишь, Ривка, тогда подними руку. Это говорит Джеймс. — Его голос, в десять раз усиленный громкоговорителем, прогремел в горах эхом.

Бонд заметил движение. Тирпиц, глядя в бинокль, прокомментировал:

— Она подняла руку.

Бонд удостоверился, что громкоговоритель направлен точно в сторону.

Ривки.

— Я собираюсь выстрелом запустить к тебе канат, Ривка. Так что не пугайся. Его конец будет прикреплен к ракете, которая пролетит очень близко от тебя. Подтверди, если поняла.

Она вновь подняла руку.

— Как ты думаешь, когда канат долетит до тебя, ты сможешь закрепить его вокруг себя под мышками?

Девушка ответила утвердительно.

— Ты понимаешь, что тогда мы сможем потихоньку стащить тебя вниз?

И вновь утвердительно.

— Если что-то будет не так или тебе вдруг станет

больно, просигналь, подняв обе руки. Поняла?

И снова утверждение.

— Так, ладно. — Бонд повернулся к остальным, начав раздавать указания.

Полностью автономное устройство «Шермули Пэинс-Вессекс.

Спидлайн», предназначавшееся для переброски каната на большие расстояния, представляло собой внушительный барабан с рукояткой и пусковым механизмом. Бонд снял с цилиндра защитный пластиковый кожух, и под ним оказалась ракета, чей корпус почти полностью был скрыт плотно смотанным вокруг нее канатом длинной 275 метров. Бонд вытащил свободный конец каната и дал указания привязать его к заднему бамперу полицейской машины, а сам встал у подножья горы, почти точно напротив темно-красной фигурки. Когда канат привязали, Бонд вытащил предохранительный штырек из задней части рукоятки и взялся за другую, фигурную, рукоятку, спрятанную за щитком пускового крючка. Затем он сделал четыре твердых шага вверх по склону, держась справа от трассы, идя по глубокому, рыхлому снегу, поскольку на самом горнолыжном спуске снег был тверд как камень, и там мог помочь только ледоруб.

Сделав четыре шага, Бонд оказался почти по пояс в снегу, однако отсюда ему было удобнее произвести выстрел. Бонд напрягся и, держа цилиндр в вытянутых руках, постарался правильно распределить центр тяжести. Убедившись, что ракета не попадет в саму Ривку, он нажал на курок — боек ударил по заряду, и послышался тупой грохот. Ракета с невероятной скоростью взмыла высоко в чистое небо, распушила дымовой хвост, и вслед за ней устремился канат, который стал разматываться все быстрее и быстрее, протянувшись над заснеженной горой одноцветной радугой.

Пролетев высоко, но точно над Ривкой, ракета пронесла за собой канат и с тупым хлопком приземлилась где-то за девушкой. На секунду длинная дуга так и замерла, содрогаясь в неподвижном воздухе, но потом, как по команде, канат начал падать — словно длинная коричневая змея, грациозно заскользившая вниз по склону.

Бонд пробрался сквозь глубокие сугробы обратно вниз и забрал у полицейского громкоговоритель.

— Подними руку, если ты можешь подтянуть к себе веревку. — И снова голос Бонда отозвался

грохочущим эхом.

Несмотря на мороз, на улицу уже выбралось несколько зевак. Другие выглядывали из окон отеля. Где-то вдалеке с нарастающей громкостью приближалась сирена скорой помощи.

— Бинокль, пожалуйста, — сказал Бонд командным тоном, и Тирпиц передал ему свой бинокль. Покрутив настроечное колесико, Бонд поймал Ривку в фокус: она лежала согнувшись под странным углом, по пояс в снегу, вокруг валялись осколки заледенелого снега. Лицо девушки было почти не видно, но Бонд знал, что на нем застыло выражение боли. Она с огромным трудом дотянулась до каната, схватилась и принялась подтягивать его к себе.

Время тянулось нестерпимо медленно. В изнеможении от дикого холода и ран, отчаявшаяся, Ривка постоянно останавливалась, чтобы передохнуть. Простое действие — подтянуть к себе канат — превратилось для нее в титанический труд. Глядя на девушку в бинокль, Бонду казалось, что та тянет к себе целую тонну. Время от времени он замечал, что Ривка машет руками. Тогда он подгонял ее словом, и по склонам вновь начинало рикошетом носиться грохочущее эхо его усиленного громкоговорителем голоса.

Наконец она подтянула к себе канат и взялась за следующее испытание — ей предстояло обвязать канат вокруг себя.

— Под мышками, Ривка, — посоветовал Бонд. — Завяжи в узел и передвинь его за спину. Когда будешь готова, подними руки.

Прошла целая вечность прежде, чем она подняла руки.

— Так, хорошо. А теперь мы спустим тебя вниз, нежно, как только сможем. Мы будем стаскивать тебя по рыхлому снегу, но не забудь: если станет очень больно, поднимешь обе руки. Приготовься, Ривка.

Бонд повернулся к своим помощникам, которые уже успели отвязать канат от бампера «Финляндии» и медленно начинали тянуть Ривку вниз. Он знал, что «скорая» уже приехала, но на медиков обратил внимание только сейчас: целая команда во главе с молодым бородатым доктором. Бонд поинтересовался у него, куда заберут Ривку. Доктор, по фамилии Симонссон, заявил, что девушку положат в маленький госпиталь в Салле. «Ну а там. — доктор неуверенно развел руками, — все зависит от тяжести увечий».

Прошло добрых три четверти часа, прежде чем они спустили Ривку в легко досягаемое место. Ко-

гда Бонд пробрался к ней сквозь сугробы, та уже почти теряла сознание. Он стал нежно придерживать девушку, и полицейские вновь продолжили осторожно тянуть канат, пока не спустили ее к подножью склона.

Когда к Ривке подошел доктор, она застонала, открыла глаза и тут же увидела Бонда.

— Джеймс, что случилось? — ее голос был тихим и слабым.

— Не знаю, крошка. Ты упала. — Бонд почувствовал, как его лицо, скрытое защитными очками и шарфом, начинает искажать и сковывать тревога, подобно тем белым пятнам обморожения, что проступили на открытых частях ее лица.

Через несколько секунд доктор прикоснулся к плечу Бонда и отвел его в сторону, тем временем Тирпиц и Коля присели рядом с девушкой. Доктор тихо сказал: — С виду перелом обеих ног. — Он говорил, как Бонд уже успел заметить, на превосходном английском. — Обморожение и сильная гипотермия. Ее необходимо срочно госпитализировать.

— Сделайте это как можно скорее! — Бонд схватил доктора за рукав. — Я смогу потом ее навестить?

— Конечно, сможете.

Ривка вновь потеряла сознание, а Бонду ничего не оставалось, как просто стоять в замешательстве и смотреть, как они аккуратно пристегивают ее к носилкам и кладут в карету «скорой помощи». Перед глазами Бонда все замелькало: холод, лед и снег, «скорая», ползущая к главным воротам отеля. Среди этих картинок промелькнули и другие образы, без спросу ворвавшиеся из его памяти: другая «скорая», другая дорога, жара, кровь, кровь по всей машине, и австрийский полицейский, задающий бесконечную вереницу вопросов о смерти Трейси. Убийство его несчастной единственной супруги. Этот кошмар всегда таился где-то в далеких-далеких уголках его памяти.

Эти две картины были готовы вот-вот слиться в одну, как вдруг Бонд услышал Колин голос:

— Нам надо поговорить, Джеймс Бонд. Хочу задать кое-какие вопросы. И еще нужно подготовиться к сегодняшнему вечеру. Уже все готово, но теперь нас на одного меньше, поэтому следует сделать кое-какие поправки.

Бонд кивнул и медленно поплелся обратно в отель. В вестибюле они договорились встретиться в три часа у Коли.

Вернувшись к себе, Бонд открыл дипломат,

разработанный милашкой Кьют, отпер внутри него секретные замки, вытащил фальшивое дно и достал из бокового отделения продолговатый предмет красного цвета, размером с пачку сигарет. Это был VL-34 — так называемый «Личный охранник» — возможно один из самых миниатюрных и наиболее усовершенствованных детекторов электронных «жучков». Приехав прошлой ночью в отель, Бонд сразу же «прочесал» свой номер на наличие электроники и ничего не нашел, но сейчас он не собирался рисковать.

Вытянув поисковую антенну, Бонд включил маленькое устройство и начал проверять комнаты. В считанные секунды на передней панели замигала группа огоньков. Как только он направил антенну к телефонному аппарату, тут же загорелась желтая лампочка, окончательно подтвердив, что где-то в районе телефона был спрятан передатчик и микрофон. Установив местоположение одного подслушивающего «жучка», Бонд внимательно прошелся по всему номеру. Пару раз предупредительные огоньки загорались около радиоприемника и телевизора, но сигнальный, желтый, больше не зажегся.

Так за короткое время Бонд установил, что в номере находился всего один единственный «жу-

чок» — в телефонном аппарате. Бонд осмотрел его: внутри была установлена усовершенствованная версия старого и хорошо знакомого ему «универсального жучка» — приспособления, превращавшего телефон в круглосуточно работающий микрофон, чей сигнал получал определенный телефонный оператор, который мог находиться где угодно. Даже на другом полушарии этот человек имел возможность прослушивать не только телефонные, но и простые разговоры, ведущиеся в комнате с таким «жучком».

Бонд вытащил из аппарата «универсальный жучок», отнес его в уборную и, предварительно раздавив каблуком сапога, смыл в унитазе.

— Да сгинут же так все враги государства, — пробормотал он с кривой ухмылкой на устах.

Остальные наверняка были напичканы аналогичными или схожими «жучками». Оставалось только два вопроса: каким образом и когда «жучок» был установлен, и как Поле удалось так четко и слаженно устроить покушение на жизнь Ривки? Она среагировала на удивление быстро, хотя, с другой стороны, отель «Ревонтули» мог быть так нашпигован вражескими шпионами, что все опасные ловушки и ямы для команды «Ледокола» были подготовлены заранее. Но в

таком случае Пола (или тот, кто организовал эти диверсии) должен был присутствовать на их встрече, на Мадейре. Ну а раз Ривка стала жертвой, следовательно, она чиста. А Брэд Тирпиц и Коля? Бонд был уверен, что вскоре установит правду и о них. Если сегодня ночью их операции по наблюдению за «Русаком» и вправду дадут зеленый свет, то, быть может, весь расклад вот-вот станет известен.

Бонд принял душ, оделся в удобную одежду, растянулся на кровати и закурил сигарету «Симмонс». Затянувшись пару-тройку раз, Бонд затушил бычок в пепельнице и закрыл глаза, постепенно погрузившись в сон.

Резко проснувшись, Бонд взглянул на часы: почти три. Он подошел к окну: зимний пейзаж менялся на глазах — резкий белый цвет постепенно исчезал вместе с заходящим солнцем. И вдруг произошло чудо, которое в Заполярье случается за одну-две минуты до наступления сумерек — когда на земле, скалах, зданиях и деревьях сияющая белизна снега и льда плавно перетекает в зеленоватую синеву.

Бонд уже и так немножко опаздывал на встречу с Колей и Тирпицом, но его этот факт не особо волновал его. Он быстро подошел к своему,

теперь уже «чистому», телефону и запросил у телефонистки номер госпиталя в Салле. Та нашла его почти сразу же. Бонд нажал на сброс и набрал номер госпиталя. Проснувшись, он сразу же подумал о Ривке.

Девушка из регистратуры госпиталя говорила по-английски сносно. Бонд спросил о Ривке, его попросили подождать.

Наконец женщина ответила:

— Боюсь, что у нас нет пациентки с такой фамилией.

— Она к вам поступила совсем недавно, — уточнил Бонд. — Несчастный случай в отеле «Ревонтули». На горнолыжном спуске. Гипотермия, обморожение и перелом обеих ног. Вы посылали скорую помощь с доктором..., — он запнулся, вспоминая фамилию, — ...с доктором Симонссоном.

— Сожалею, сэр. У нас маленький госпиталь, и я знаю здесь всех докторов. Их всего пять, и среди них нет ни одного по фамилии Симонссон...

— Бородатый такой. Молодой. Он сказал мне, что я могу позвонить.

— Сожалею, сэр, но здесь вероятно какая-то ошибка. Сегодня не было ни одного вызова из «Ревонтули». Я только что это проверила. К нам

сегодня и женщин-то не поступало. И у нас нет доктора Симонссона. У нас вообще нету молодых, бородатых докторов. Хотелось бы, конечно, чтобы они были! А то трое из наших средних лет и женаты, а остальные два на следующий год уходят на пенсию!

Бонд поинтересовался, не было ли по близости других госпиталей. Оказалось, не было. Ближайший госпиталь находился в Кемиярви, но чрезвычайные ситуации в этом районе его не касались, равно как и госпиталя в Пелкосенниеми. Бонд спросил телефонные номера обоих госпиталей и местного полицейского участка, поблагодарил девушку и принялся звонить дальше.

Через пять минут он уже знал, что дело плохо: ни в одном из этих госпиталей про взрыв у отеля ничего не слышали. Более того, никакой автомобиль «Сааб-Финляндия» ни из какого местного полицейского участка дороги в этот день не патрулировал. И вообще, никакой полиции в отель не вызывали. Ошибка исключалась: в полиции очень хорошо знали этот отель, офицеры полиции даже регулярно проходили здесь лыжную подготовку.

Все они очень сожалели и извинялись.

Бонд тоже в ответ извинялся. И не находил

себе места.

10. Коля

Джеймс Бонд кипел от ярости.

— То есть ты хочешь сказать, что мы так и бросим Ривку в беде? — Он не кричал, его голос был холоден и хрупок, как лед на тех деревьях, что виднелись за окном Колиного номера.

— Мы известим ее организацию, — ответил Коля таким тоном, будто пропажа Ривки его нисколько не волновала. — Но позже, после того, как мы свернем операцию. Тем более что к тому времени она и сама, может, объявится. У нас нет времени мотаться за ней на лыжах по всей округе. А если она не всплывет, пусть сам Моссад ее и ищет. Как там в библии? Пусть мертвые хоронят мертвых?

Бонд чуть не взорвался. И он уже не первый раз был на грани с тех пор, как вошел в Колин номер, в котором собрались оставшиеся члены «Ледокола». Когда Коля открыл на его стук, Бонд отпихнул русского в сторону и прижал палец к губам, держа в другой руке, словно талисман, детектор VL-34. Брэд Тирпиц тогда саркастически ухмыльнулся. Однако ухмылка мгновенно

потухла и вместо нее вспыхнул испепеляющий, недовольный взгляд, как только Бонд выудил «жучок» и из Колиного телефона, да еще несколько электронных устройств из-под ковра и из кармашка для туалетной бумаги.

— Ты же говорил, что следишь за электроникой, — резко бросил Бонд, подозрительно глядя на Тирпица.

— Я прочесал все наши номера, как только мы сюда приехали. Твой — так же тщательно, приятель.

— Ты и на Мадейре ручался за чистоту.

— Так там и было все чисто!

— Но тогда, как они, кто бы они ни были, умудрились найти нас здесь?

Тирпиц невозмутимо повторил, что прочесал все комнаты на наличие электроники.

— Все было гигиенично чисто. На Мадейре и здесь.

— Значит у нас утечка. Предатель — один из нас. И я точно знаю, что это не я, — едко и злобно отчеканил Бонд каждое слово.

— Один из нас? Из нас? — с омерзением переспросил Коля.

До того момента у Бонда не было возможности сообщить Коле все детали, касавшиеся телефон-

ного звонка, сделанного, как он предполагал, Полой, и ее «заботливого» предупреждения об опасности. Он сделал это сейчас и выдвинул свою теорию произошедшего, подчеркнув, что их противник знал очень многое о личной жизни каждого члена команды. Говоря, Бонд наблюдал за Колиной реакцией. «Черты его лица изменчивы, словно морская гладь», — подумал Бонд, наблюдая, как гнев постепенно сменился беспокойством.

— Не было там никакой старой противопехотной мины, — мрачно заявил Бонд. — Ривка — хорошая лыжница. Я и сам не плох. А уж ты-то, Коля, я думаю, точно не новичок. Не знаю, как там Тирпиц…

— Ты за меня не волнуйся! — Тирпиц склеил мину надувшегося школьника.

Бонд продолжил свою мысль, объяснив, что взрыв на лыжном спуске произвели при помощи дистанционного управления.

— Хотя, возможно, — предположил он, — они воспользовались обыкновенным снайпером, посадив его где-нибудь в отеле. Такое делали и раньше: пуля, взрывающая запал. Лично я за версию о дистанционном управлении, поскольку она подходит ко всему остальному: к тому факту,

что Ривка была на склоне, и к тому, что мне позвонили как раз в тот момент, когда она начинала свой спуск. — Он развел руками. — Мы у них под колпаком. Одного из нас уже вывели из игры. И теперь им еще проще разделаться с нами…

— И доблестный граф фон Глёда завтракал здесь сегодня со своей дамочкой, — оживился Тирпиц и ткнул пальцем в сторону Коли Мосолова. — Ты что-нибудь знаешь об этом?

Мосолов слегка кивнул головой.

— Я видел их. Еще до взрыва. Видел их и потом, когда вернулся в отель.

Бонд подхватил мысль Тирпица:

— Не думаешь ли ты, Коля, что уже пора? Пора тебе прояснить нам ситуацию с фон Глёдой?

Мосолов картинно взмахнул рукой: дескать, во всей этой суматохе он совсем забыл про графа.

— Так называемый граф фон Глёда — основной подозреваемый…

— Он единственный подозреваемый, — перебил Колю Тирпиц.

— Предполагаемый главарь террористов, которых мы хотим прижать, — добавил Бонд.

Коля вздохнул:

— Я не упомянул его имя на наших предыдущих встречах только потому, что ожидал веских улик

— информации о точном местоположении его командного штаба.

— И теперь у тебя есть эти улики? — Бонд приблизился к Коле, почти не скрывая своей злобы.

— Да, — ответил Коля спокойно и непоколебимо. — Теперь у нас есть все необходимое. Посему давайте обсудим детали сегодняшней ночной операции. — Коля сделал паузу, словно размышляя, а мудро ли продолжать и тем самым выдать им еще больше информации? — Полагаю, вы оба знаете, кем на самом деле является этот фон Глёда? — спросил он с таким видом, будто собирался поведать самую страшную тайну на свете.

Бонд кивнул:

— Да.

— И его связь с нашей пропавшей коллегой, — добавил Тирпиц.

— Отлично, — ответил Коля слега раздраженным тоном. — Тогда к делу.

— И оставим Ривку на съедение волкам. — Мысль о девушке не переставала буравить сознание Бонда.

Коля очень медленно обернулся и впился в него своим взором.

— Я предполагаю, что с Ривкой все будет в порядке. Будем считать, что мы оставляем ее,

образно выражаясь, на скамейке запасных. Помяни мое слово: Ривка Ингбер еще объявится. Я же хочу сказать следующее: если мы действительно хотим собрать улики, которых хватило бы на то, чтобы в пух и прах разнести Национал-Социалистическую Действующую Армию — а это единственная причина, по которой мы здесь собрались, — то к сегодняшней операции мы должны отнестись с должной предосторожностью.

— Ладно, — бросил Бонд, скрывая свой гнев.

Как Коля уже объяснял ранее, сегодня вечером им предстояло провести наблюдение за складом «Русак», расположенном близ Алакуртти, и по возможности запечатлеть на фотопленку акт хищения боевой техники.

Мосолов расстелил на полу военную карту, усеянную красными крестиками и разноцветными линиями, обозначавшими различные маршруты. Колин указательный палец остановился на крестике, которым было помечено место, находившееся к югу от Алакуртти, в шестидесяти километрах от российской границы и в семидесяти пяти от отеля «Ревонтули».

— Я надеюсь, — продолжал Коля, — что все мы умеем обращаться со снегоходами? — Он

взглянул на Тирпица, затем на Бонда. Оба утвердительно кивнули. — Я рад это слышать, потому что нам придется туго. Прогноз погоды на сегодняшнюю ночь не радует. Температура ниже тридцати по Цельсию. Правда, после полуночи слегка потеплеет — ожидается небольшой снег. Но потом снова суровый мороз.

Коля обратил внимание на то, что большую часть пути им придется ехать по пересеченной местности.

— Как только я узнал, что Ривку отправят в госпиталь… — продолжил русский.

— Где ее не оказалось, — перебил его Бонд.

— Я внес кое-какие поправки. — Коля проигнорировал замечание Бонда. — Для предстоящей работы нам требуется не меньше четырех человек. Мы должны пересечь границу России без помощи моих людей, следуя маршрутом, которым, как я подозреваю, воспользуется и транспорт НСДА. Изначально я планировал, что двое из нас останутся на маршруте в качестве часовых, а Бонд и я поедем прямо до Алакуртти. По моим сведениям транспортная колонна НСДА прибудет туда около 3-х ночи, так они договорились с начальником «Русака».

Коля отметил, что погрузка товара займет

лишь час с небольшим. По его предположениям, люди фон Глёды воспользуются гусеничными броневиками — амфибиями, скорее всего одной из разновидностей русских «бэтээров».

— У них все наготове, так сказали мои люди. Бонд и я возьмем видеокамеры и все заснимем, используя, если придется, инфракрасную пленку. Хотя я думаю, что там будет много света. «Русак» расположен у черта на рогах, и во время погрузки никто ни о какой конспирации особо волноваться не станет. Предосторожности примут по пути туда и, в особенности, при транспортировке товара обратно, с базы. А в самом «Русаке», я думаю, все прожекторы будут включены.

— А где будет фон Глёда? — Бонд внимательно изучал карту и нацарапанные на ней карандашом иероглифоподобные значки. Не нравилось ему все это. На карте их маршрут выглядел более чем трудным: он пролегал через районы густых лесов, по замерзшим озерам и широким просторам заснеженных равнин, которые летом превращаются в голую тундру. Однако в первую очередь Бонда волновали именно густые леса: он прекрасно понимал, что такое найти и напасть на нужный тебе след, когда пробираешься на снегоходе сквозь глухую стену из елей и сосен.

Коля заговорщически улыбнулся.

— Фон Глёда, — произнес он очень медленно, — будет здесь. — Его палец проплыл над картой и уткнулся в район, помеченный квадратами и прямоугольниками: судя по карте, это место находилось на финской территории, немного севернее той точки, в которой им предстояло пересечь границу по пути туда и обратно.

Бонд и Тирпиц вытянули шеи. Агент 007 быстро запомнил координаты этого места, Коля тем временем продолжал:

— Я на девяносто девять процентов уверен в том, что человек, которого ваши люди, Брэд, называют Светлячком, этой ночью будет спокойно сидеть там. И точно так же я уверен в том, что транспортная колонна из «Русака» прибудет туда же.

— Уверен на девяносто девять процентов? — Бонд иронично изогнул бровь и поднял руку, чтобы смахнуть упавшую на лоб челку. — Отчего? Почему?

— Моя страна… — в голосе Коли Мосолова зазвучали нотки патриотизма и особой гордости. — Моя страна имеет небольшое географическое преимущество.

— Его палец покружил вокруг красных пря-

моугольных меток на карте. — За последние несколько недель мы внимательно следили за этим местом, к тому же нам здорово помогли оперативники, которые провели тщательное расследование.

Коля принялся рассказывать и так понятные им вещи: и по сей день на этом участке границы находилась масса полуразрушенных военных укреплений.

— Подобные руины встречаются до сих пор и во многих европейских странах: во Франции например, и в Англии. Большинство таких бункеров нетронуты, но непригодны к использованию: стены очень крепкие, а внутри все крошится. Поэтому нетрудно представить, какое огромное количество блокгаузов и подземных крепостей построили здесь за русско-финскую войну, а также после вторжения фашистской Германии в Россию.

— Это уж точно, — Бонд улыбнулся, как бы намекая Коле на то, что он все — таки был немного знаком с этой частью планеты.

— Моим людям тоже известно об этом. — Тирпиц не желал оставаться в тени.

— О! — Колино лицо озарилось улыбкой, которую могла сойти за дружелюбную.

На добрых полминуты воцарилась тишина. Затем Коля кивнул. И вновь его удивительный трюк с пластичной мимикой! Теперь он стал похож на мудрого старца.

— Как только нас оповестили о происходящем в «Русаке», отдел по планировке спецопераций получил приказ действовать. Мы сразу же пустили в ход самолеты-разведчики и спутники. В итоге мы получили вот это.

Коля вытащил из-под карты маленькую пластиковую папку без надписей и принялся раздавать из нее фотографии. Часть снимков была сделана самолетами-разведчиками, по всей видимости, российскими, либо «Мандрагорой», либо «Мангром», либо «Пивоваром-Д». Все трое идеально подходили для этой цели. Даже несмотря на черно-белый формат, на запечатленной территории четко виднелись следы человеческой жизнедеятельности. Фотографировали во второй половине лета или ранней осенью, когда еще не выпал снег, и на многих снимках безошибочно вырисовывался огромный цементный вход в бункер.

Формат других фотографий был также знаком и Бонду, и Брэду Тирпицу: их сделал военный спутник, оснащенный специальными камерами и линзами. Наиболее интересными снимками

были те, которые в графике и цвете отображали особенности геологической структуры заснятой местности.

— Для этой работы пришлось запрячь одну нашу птичку из Космической военной разведки. Здорово, правда?

Глаза Бонда переключились с фотоснимков на пометки на карте. Из фотографий (в основном, увеличенных копий) становилось ясно, что под землей в этих местах была проведена грандиозная работа: контуры и цвета говорили о том, что стены крепости были выполнены из железобетона, и в плане прослеживалась строгая симметрия. Короче, все признаки завершенного подземного комплекса, находящегося в рабочем состоянии.

— Но у меня есть не только фотографии. — Коля достал другую папку, в которой оказались чертежи горизонтальных и вертикальных разрезов бункера, и, судя по ним, размеров он был огромнейших. — Сведения со спутника послужили для нас сигналом тревоги. После чего в дело вступили наши оперативники. Была у нас еще парочка занятных карт, отпечатанных еще во время русско — финской войны. В конце 30-х финские военные инженеры прямо на этом же самом месте построили большое подземное хранилище для оружия.

В нем запросто умещалось, по крайней мере, десять танков вместе с боеприпасами и ремонтной техникой. Главный вход был огромен. Вот он. — Коля указал на фотографии и чертеж. — Согласно архивным записям и сведениям, собранным нашими оперативниками, бункером во время войн так и не воспользовались. Но года два назад, летом, в этом районе стали вестись строительные работы. Появились рабочие, бульдозеры, экскаваторы и т. д. и т. п. Мы твердо уверены в том, что этот бункер и есть логово фон Глёды. — Коля провел пальцем по рисункам. — Взгляните. Вот здесь изначально располагался вход. Потом его расширили, и теперь в него спокойно пройдет бронетранспортер, а под землей расположено вместительное хранилище.

Да, Коля предоставил подбор убедительных и четких улик. Бункер был огромных размеров и имел два крыла: в одном находились гаражи и склады, в другом — огромный улей жилых помещений. Здесь, под землей, годами могли прожить по меньшей мере триста человек. Рядом с огромным входом находился вход поменьше, а параллельные туннели, тянувшиеся от них, уходили в глубину метров на триста.

— Много же людей можно там спрятать! — про-

комментировал Тирпиц.

— Мы полагаем, что там спрятались все, — с серьезным видом ответил Коля. — Лично я думаю, что здесь находится штаб и командный пост Национал — Социалистической Действующей Армии. Бункер так же служит главным перевалочным пунктом для переброски оружия, украденного с советских военных баз. Как мне кажется, этот отреставрированный бункер — самое сердце НСДА!

— Значит, все, что от нас требуется, — Тирпиц глянул на Колю почти с откровенным цинизмом, — это снять парочку классных кадров, на которых было бы видно, как ваши вояки разбазаривают государственное имущество, а потом проследить колонну бронетранспортеров досюда, — он ткнул пальцем в карту, — в бункер? В их маленький, уютненький «Ледяной дворец», так?

— Точно.

— Ага. Да. Втроем. Причем я, как полагаю, буду в роли заслонки на границе, где любой козел сможет подстрелить меня как зайца.

— Не подстрелят. Если ты, конечно, так хорош, как мне о тебе рассказывали, — отфутболил Тирпица Коля. — Я по своему усмотрению включил в операцию моего человека. И сделал это потому,

что на границе есть две точки, в которых можно ее пересечь. — Коля указал на другую линию, находившуюся чуть севернее того маршрута, которым предстояло воспользоваться ему и Бонду, и пояснил, что в обоих местах нужно оставить по часовому. — Изначально, я хотел, чтобы здесь находилась Ривка. Так, на всякий случай. Но пришлось искать замену.

Бонд размышлял минуту, потом сказал:

— Коля, у меня вопрос.

— Давай, — Коля поднял лицо: оно было открыто и невозмутимо.

— Если все пройдет по плану. если мы получим улики и проследим маршрут транспортной колонны до бункера, который, как ты говоришь, находится здесь. — Бонд показал на карте. — Когда мы все это проделаем, что мы предпримем далее?

Коля ответил, даже не задумываясь:

— Мы убеждаемся, что доказательства веские, после чего делаем одно из двух: либо рапортуем нашим уважаемым шефам, либо (если нам покажется это под силу) сами заканчиваем работу.

Да, нечего сказать: Коля объявил интересный финал игры! Если он и в правду завязан в каком-то заговоре КГБ и советской армии, то действия

типа «закончить работу самим» — самый подходящий метод для того, чтобы навечно замять скандал с «Русаком». Более того, если Коля Мосолов постарается, то ни он, ни Тирпиц живыми оттуда уже не вернутся. В то же время, если допустить, что теория о заговоре имеет какой-либо вес, то командный пост НСДА, возможно, уже подготовлен к передислокации. в другое потайное место. в другой бункер.

Далее Мосолов, Бонд и Тирпиц обсудили всякие мелочи: местоположение спрятанных снегоходов, типы фото и видеокамер, точное место, где Тирпиц займет свой пост; и позиция Колиного агента, которого тот окрестил русским словом «мужик». Так, по словам Коли, в царской России именовались крестьяне, составлявшие самый низший слой общества.

Их детальное совещание длилось около часа. В заключение Коля вручил Тирпицу и Бонду необходимые для операции карты, выполненные на редкость качественно, почти в точном соответствии с Западными картографическими стандартами. Маршруты через границу были слабо обозначены карандашом. Одна группа прямоугольников обозначала «Русак», другая — подземный бункер, который они условились

называть «Ледяным дворцом». И, как уверял Коля, оба объекта были начерчены в точном масштабе.

Они сверили часы и договорились встретиться в полночь в условленном месте. Это означало, что каждый должен был покинуть отель между 23:30 и 23:40.

Бонд пошел к себе. Тихо зайдя в номер, он достал VL-34 и устроил повторную проверку, попутно вспоминая те далекие времена, когда нескольких расщепленных спичек, вставленных в дверной проем и ящики стола, хватало для того, чтобы выяснить, обыскивался ли номер в твое отсутствие или нет. А ведь когда-то кусочек обыкновенного хлопка мог творить такие чудеса! Теперь же, в век микрочипов, жизнь тайного агента заметно усложнилась и наполнилась новыми хитростями.

В номере кто-то побывал. Однако на этот раз одним «универсальным жучком» в телефонном аппарате дело не обошлось: Бонд обнаружил целый арсенал подслушивающих устройств, установленных в качестве запасных вариантов. Один находился за зеркалом в ванной, второй был аккуратно вшит в занавеску, третий лежал в наборе канцелярских принадлежностей отеля,

последний же был искусно вмонтирован внутри цоколя лампочки от абажура.

Бонд прочесал номер трижды. Тот, кто был организатором слежки, знал свое дело. Удаляя электронику, Бонд не переставал себя спрашивать: а не был ли новый «жучок» в телефоне обыкновенной липой, установленной в надежде, что, найдя его, он не продолжит проверку?

Очистив комнату от электроники, Бонд расстелил перед собой карту, достал свой военный компас, который намеревался взять с собой этой ночью, вооружился блокнотиком, кредитной карточкой (вместо линейки) и принялся за дело. Сперва Бонд снял азимуты основных направлений маршрута, по которому они планировали проследовать через границу до «Русака», затем проделал то же самое с обратным маршрутом и его запасным вариантом.

Далее Бонд аккуратно снял азимуты основных направлений маршрутов, ведущих от границы к «Ледяному дворцу». Работая над картой, Бонд постоянно ощущал тревогу — чувство, которое уже не раз посещало его со времени встречи на Мадейре. Бонд понимал основную причину своей тревоги: он и раньше время от времени работал в связке с коллегами из Сикрет Сервис и из со-

южных спецслужб. Однако операция «Ледокол» отличалась. Сейчас Джеймс Бонд был вынужден работать в команде, а он не любил работать в команде, в особенности, когда в ней присутствовали такие типы, которым имелись веские основания не доверять.

Его глаза шарили по карте в поисках какую-нибудь зацепки. И вдруг ответ вырисовался сам собой.

Вырвав из блокнотика тонкий, прозрачный листок, Бонд аккуратно положил его поверх обозначений «Ледяного дворца» и аккуратненько обвел контуры подземного бункера и детали местного рельефа. Закончив, Бонд передвинул листок по карте в северо-восточном направлении примерно на пятнадцать километров. Бункер «перенесся» через границу на российскую территорию. Но что самое интересное: топография местности, в которой был расположен «Ледяной дворец», сошлась с местной, вплоть до рельефа, лесного покрова и летних рубежей рек. Это было весьма необычно. Либо карта была подделкой, либо по обе стороны границы действительно существовало два района, идентичных во всех деталях рельефа.

С такой же аккуратностью Бонд скопировал на

карту и второе, предполагаемое, местоположение «Ледяного дворца». Затем он снова определил несколько азимутов по компасу. Существовала возможность того, что штаб фон Глёды и его склад находились не в Финляндии, а все-таки на русской территории. Даже если учесть тот факт, что ландшафт по обе стороны границы все же схож, два идентичных участка земли, в пятнадцати километрах друг от друга, — это слишком странное совпадение.

Бонд также обратил внимание на расположение главных входов в бункер: оба смотрели в сторону России. Если предположить, что бункер находился на русской территории, следовало помнить о том, что эта часть Советского Союза одно время принадлежала Финляндии — перед знаменитыми сражениями русско — финской войны 1939–1940 гг. Однако в любом случае было странным то, что вход в бункер был обращен к России, в особенности, если допустить, что это укрепление возвели до войны 39-го.

Бонд пришел к выводу, что бункер «Ледяной дворец» вполне мог быть построен русскими. И если в нем действительно располагался штаб неофашистов, то это говорило о двух вещах: первое — как главарь террористов лидер НСДА был

гораздо хитрее и наглее, чем представлял себе Бонд ранее; второе — коррупция и предательство внутри советской армии и ГРУ могли оказаться более угрожающих масштабов, чем предполагалось в начале.

Теперь ему было нужно послать сообщение М. В принципе, Бонд мог бы просто-напросто позвонить в Лондон из своего номера. Теперь-то его телефон уж точно был без «жучков», но кто знал: не прослушивалась ли коммутаторская отеля?

Прибегнув к помощи своей особой мнемонической системы, Бонд быстро отложил в голове направления всех маршрутов, вырвал из блокнота исписанные листки и несколько листов, которые были под ними, и смыл все в унитазе, подождав и убедившись в том, что бумаги действительно сгинули. Затем он оделся потеплее, вышел из номера, спустился в вестибюль и направился к автостоянке.

Среди многих секретных приспособлений, которыми был напичкан его «Сааб», одно было установлено отделом «Кью» совсем недавно: над коробкой передач находился с виду совершенно обычный радиотелефон — инструмент бесполезный, если в радиусе двадцати пяти миль нет его базовой станции.

Однако в сложившейся ситуации расстояние в двадцать пять миль не подходило для Бонда, равно как и обыкновенный телефон.

Телефон в «Саабе» обладал двумя огромными преимуществами. Первое из них — маленькая черная коробочка, из которой торчали два провода с клеммами. Своими размерами коробочка была не больше двух сложенных стопкой аудиокассет. Ее-то Бонд и достал из тайника в бардачке, после чего поставил машину на сигнализацию и пробрался по заледенелому снегу назад в отель.

Для полной уверенности Бонд вновь по быстрому прочесал комнаты детектором VL-34 и остался доволен: после его короткого отсутствия номер остался чистым. Бонд быстро отвинтил заднюю крышку телефона, подсоединил провода, шедшие от коробочки, к внутренностям телефона, снял трубку и положил ее рядом с собой. Эта коробочка, напичканная новейшей электроникой, являлась портативной «базовой станцией» для радиотелефона Бонда. Теперь нелегальный доступ в мировую телефонную сеть через финскую был открыт.

Телефон в машине имел и второе преимущество. Вернувшись в «Сааб», Бонд вновь принялся колдовать над черными безликими квадрат-

ными кнопками на приборном щитке. Панель, находившаяся за телефоном, скользнула вниз: за ней оказалась компьютерная клавиатура с миниатюрным дисплеем — телефонный скремблер с высокой степенью кодировки. Это устройство кодировало голос, а также шифровало текст, набранный с клавиатуры, и отсылало сообщение в центр, в штаб-квартиру Сикрет Сервис на Риджнес-Парк, где, после нескольких ловких манипуляций компьютерного оператора, послание появлялось на экране дисплея в таком же шифрованном виде.

Бонд нажал на определенные клавиши и соединил радиотелефон с «базовой станцией». Затем он набрал код междугородней связи, код Лондона и телефонный номер штаба Секретной Службы. Сделав это, Бонд ввел цифровой пароль для текущего дня и начал набирать свое послание открытым текстом. Текст появлялся на экране (как и в штаб-квартире) в виде групп беспорядочных букв.

Склонившись над тускло мерцавшим маленьким дисплеем, единственным источником освещения в автомобиле, Бонд краем глаза видел, как мороз неустанно вырисовывал узоры на окнах его автомобиля. Снаружи тем временем

дул легкий ветерок и продолжала падать температура.

Через пятнадцать минут работа была закончена. Отослав шифровку, Бонд запер машину, поставил ее на сигнализацию и вернулся в отель. Затем он еще раз для верности быстро прочесал номер и отсоединил «базовую станцию» от телефона. И не успел Бонд уложить «базовую станцию» в дипломат, намереваясь отнести его в машину до начала операции, как раздался стук в дверь.

Делая теперь все по правилам, Бонд достал «Хеклер», подошел к двери и, предварительно накинув цепочку, спросил кто там.

— Брэд, — прозвучало в ответ. — Брэд Тирпиц.

У вошедшего «Гаденыша» Тирпица был слегка взволнованный вид. Лицо американца было очень бледным, а под глазами виднелись мешки.

— Ну и сволочь же этот Коля! — выпалил Тирпиц.

Бонд жестом предложил кресло.

— Садись и выкладывай. Сейчас комната чистая. После нашей встречи у Коли мне снова пришлось наводить порядок.

— Мне тоже. — На лице Тирпица медленно расплылась улыбка, которая резко застыла, как

всегда, не коснувшись глаз. Как будто скульптор, не спеша творивший его каменное лицо, на полпути бросил свою работу. — Зато я застукал Колю. Ты сам-то еще не выяснил, кто на кого работает?

— Не совсем. А что?

— А то, что после нашего совещания я оставил в Колином номере маленький сувенирчик. Просто сунул его за подкладку кресла. И, вернувшись к себе, сразу же принялся прослушивать.

— И бьюсь об заклад, услыхал плохие для себя новости. — Бонд открыл холодильник, предложив Тирпицу чего-нибудь выпить.

— Мне все равно — что есть, то и буду. Да, ты прав. Верно говорят: о себе никогда ничего хорошего не услышишь.

Бонд быстро приготовил два коктейля водка-мартини и вручил один Тирпицу.

— Ну так вот, старина, — Типиц отпил из бокала и кивнул в знак одобрения.

— Коля сделал несколько телефонных звонков. Часто менял языки, посему многое из его слов я не уловил. В основном, он говорил условными фразами. А вот, о чем был последний разговор, я все же понял. Он не ходил вокруг да около, а говорил открытым текстом. По-русски. Сегодня ночью, мой друг, нас с тобой ожидает трагическая

развязка.

— Вот как?

— Ага. Со мной они собираются обойтись так же, как и с Ривкой. Прямо на границе. Чтобы все выглядело как подрыв на противопехотной мине. Я даже знаю точное место.

— Точное место? — удивился Бонд.

— И не где-нибудь там в лесу, а прямо в долине. Я покажу. — Тирпиц протянул руку, жестом спрашивая Бонда взглянуть на его карту.

— Просто назови мне координаты. — Никто, независимо от того, доверял ему Бонд или нет, не взглянет на его карту, в особенности теперь, когда на ней нанесено предполагаемое настоящее местоположение «Ледяного дворца».

— А ты недоверчивый сукин сын. — Лицо Тирпица снова превратилось в твердый гранит, угловатый, острый и опасный.

— Просто назови мне координаты.

Тирпиц продиктовал числа, и Бонд грубо прикинул, имело ли это место какое-нибудь отношение ко всей операции. Оказалось, имело: радиоуправляемая мина находилась как раз там, где их маршрут проходил в нескольких метрах от настоящего минного поля.

— Ты еще не слышал про себя, — прохрипел

Тирпиц. — Для нашего мистера Бонда приготовлен эффектный финал.

— Интересно, а что уготовано самому Коле Мосолову? — спросил Бонд с почти невинным видом.

— Угу, я тоже об этом думал. Мы с тобой одинаково мыслим, друг. Это работенка из серии «мертвые не болтают».

Бонд кивнул, после паузы глотнул мартини и закурил.

— Ну, тогда давай рассказывай, что там заготовлено для меня. Чувствую, намечается долгая, холодная ночь.

11. САФАРИ НА СНЕГОХОДАХ

Почти каждую минуту Джеймсу Бонду приходилось снижать скорость, чтобы соскрести с защитных очков ледяную коросту. Ночь — хуже не придумаешь! Тем более для такой операции. Уж лучше бы был просто буран, подумал Бонд и вспомнил, как Коля с усмешкой назвал их поездку «сафари на снегоходах».

Тьма, казалось, окутала их, поглотила. Порой ее плотную накидку сдувало ветром и на какое-то мгновение можно было хоть что-то разглядеть, но тут же тьма вновь накрывала их, завязывая глаза. Бонду пришлось сконцентрировать все свое внимание, чтобы не отставать и следовать точно за Колей, который был головным. Утешало лишь то, что Коля включил на малую мощность маленькую переднюю фару. Бонд и Тирпиц ехали с потушенными огнями, а три огромных снегохода фирмы «Ямаха» ревели в ночи так громко, что казалось, они поднимут патрули в радиусе десяти миль.

После долгого разговора с Брэдом Тирпицом Бонд принялся за подготовку к предстоявшей

операции, и подошел к этому процессу тщательней, чем обычно. Сперва следовало упаковать все ненужное и вернуть в «Сааб», а из машины забрать все необходимые вещи. Бонд вышел на улицу, запер дипломат с дорожной сумкой в багажнике и плюхнулся в водительское кресло. Здесь у Бонда появилась веская причина отблагодарить святого, покровительствовавшего всем оперативным агентам (если, конечно, таковой был): едва Бонд спрятал «базовую станцию» в тайник, как рядом с телефоном начал часто мигать красный огонек. Бонд сразу же нажал на огромную кнопку, открыв потайное отделение, в котором находился компьютер-скремблер с дисплеем. Мигавший огонек означал, что в электронной памяти хранилось послание из Лондона.

Бонд быстро выполнил все необходимые процедуры для включения компьютера и набрал код для расшифровки поступившей информации. В считанные секунды маленький экран, размером не больше карманной книжки, заполнился группами букв. Еще пара отточенных движений пальцев по клавишам — и группы букв превратились в хаотичный набор символов, которые затем и вовсе исчезли. Аппарат загудел

и защелкал: электронный мозг принялся решать поставленную перед ним задачу. Наконец по экрану побежала строка понятного текста. Послание гласило:

ОТ ШЕФА СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ ДЛЯ 007 ШИФРОВКА ПОЛУЧЕНА

ПРЕДУПРЕЖДАЮ ПРИБЛИЖАТЬСЯ К ОБЪЕКТУ ФОН ГЛЁДЕ СЛЕДУЕТ С ПОВЫШЕННОЙ ОСТОРОЖНОСТЬЮ ПОВТОРЯЮ С ПОВЫШЕННОЙ ОСТОРОЖНОСТЬЮ ПОЛУЧЕНО ПОЗИТИВНОЕ ПОВТОРЯЮ ПОЗИТИВНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЧТО ФОН ГЛЁДА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО

НАЦИСТСКИЙ ВОЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК ААРНЭ ТУДЕЕР ОЧЕНЬ

ВЕРОЯТНО ЧТО ТВОЯ ТЕОРИЯ ПРАВИЛЬНА ЕСЛИ УСТАНОВЛЕН КОНТАКТ ОПОВЕСТИ МЕНЯ НЕМЕДЛЕННО И ВЫХОДИ ИЗ ОПЕРАЦИИ ЭТО ПРИКАЗ УДАЧИ М.

Итак, решил Бонд, М хочет попридержать поводок. Зачем? Чтобы дело не дошло до той самой «трагической развязки»? До настоящих боевых действий? Что ж, все может быть, все может быть.

Поставив машину на сигнализацию, Бонд вернулся в отель, заказал еду и новую бутылку водки. До назначенного часа встречи у снегоходов все

трое договорились сидеть в своих номерах.

Вскоре пожилой официант вкатил в комнату маленькую сервировочную тележку с его заказом: обыкновенный густой гороховый суп с тонкими ломтиками мяса и превосходные сосиски из оленины.

За едой Бонд постепенно начал понимать, что причина его раздраженности по поводу «Ледокола» таилась не только в его профессиональной привычке работать в одиночку. Его беспокоил Аарнэ Тудеер, который, судя по всему, скрывался под личиной графа фон Глёды.

Бонд вспомнил других сильных личностей, с которыми вступал в опаснейшие схватки, подчас в одиночку. Будь то мужчина или женщина — почти ко всем им он питал личную ненависть. Сэр Хьюго Дракс, лжец и карточный шулер, которого Бонд разоблачил в шулерстве, а затем в ужасающем преступном замысле. Аурик Голдфингер — из той же породы — современный царь Мидас, которого Бонд сперва обыграл в гольф, а потом одолел в неравной, смертельной схватке. Блофельд. У Бонда до сих пор стыла кровь при мысли о нем и его родственнице, с которой он столкнулся лицом к лицу на своем предыдущем задании (Ссылка на предыдущий роман Джона Гарднера).

Теперь его противником был граф Конрад фон Глёда. Этот таинственный человек навевал мрачные мысли и недобрые предчувствия. В этой операции он был громадным вопросительным знаком. «Глёда означает блеск», — произнес Бонд, прожевав кусочек аппетитной сосиски. Быть может, граф обладал своеобразным чувством юмора? Быть может, его псевдоним нес какое-то послание? Ключ к его личности? Для Бонда фон Глёда был лишь кодовым словом, неким привидением, которое он мельком видел в обеденном зале отеля «Ревонтули»: подтянутый, пожилой, с натуральным бронзовым загаром, седоватые волосы, армейская выправка. Встреть его Бонд в каком-нибудь лондонском клубе, он бы не задумываясь сказал кто перед ним: отставной военный — это было написано у графа на лбу огромными буквами. И никакой зловещей ауры. С виду ничего плохого о нем и не скажешь.

На какую-то долю секунды у Бонда появилось странное ощущение, будто бы по его спине провели липкой рукой. Из-за того, что он так и не встретился с графом лицом к лицу и даже не читал на него полное досье, бывший эсэсовец, чья длинная тень выползла из прошлого, кишащего подобными монстрами, породил в душе Бонда

неприятное, редкое для него, тревожное чувство. Бонд даже задумался: а не встретил ли он, спустя столько лет, противника, который сильнее его?

Бонд резко вдохнул, чтобы взбодриться. Нет! Конраду фон Глёде его не одолеть! Более того, если встреча с липовым графом состоится, на инструкции М он просто закроет глаза. Ведь не мог же он, Джеймс Бонд, покинуть поле боя и позорно бежать от фон Глёды (или от Тудеера), если тот действительно окажется ответственным за теракты НСДА! И если Бонду представится хотя бы один единственный маломальский шанс стереть эту организацию с лица земли, он не упустит его сквозь пальцы.

Бонд почувствовал прилив сил: вновь одиночка, и никого поблизости в этом собачьем холоде, на кого можно бы полностью положиться. Ривка испарилась. И его бесил тот факт, что не было ни времени, ни возможности организовать ее поиски. Коля заслуживал не большего доверия чем раненый тигр. Брэд Тирпиц? Что ж, пускай на бумаге они и числились союзниками, Бонд никак не мог заставить себя доверять американцу на все сто. Да, случилась чрезвычайная ситуация, и они разработали контрплан против готовившегося покушения на Тирпица, про которое, между

прочим, Бонду стало известно со слов самого Брэда. И все, не дальше. Здесь их цепи доверия разрывались.

В тот момент, еще до наступления полуночи, Бонд дал себе клятву: он сыграет в одиночку, по своим правилам. И никому подчиняться не станет.

Сейчас они ехали со скоростью около шестидесяти-семидесяти км/ч, виляя и подпрыгивая по ухабистой лесной тропе, которая тянулась вдоль границы на расстоянии километра.

Снегоход, или «скутер», способен развить на твердом снегу поистине ужасающую скорость, поэтому им следует управлять с осторожностью. Уникальный по своему дизайну (уродливый тупой передок, торчащие вперед длинные лыжи), скутер передвигается на гусеницах, усеянных длинными острыми шипами, благодаря которым, он, скользя на лыжах, разгоняется весьма быстро.

Единственная защита, предусмотренная для водителя (и пассажира), — маленький ветровой дефлектор. Люди, севшие за руль скутера впервые, как правило, пытаются управлять им как мотоциклом — так нельзя. Мотоцикл можно повернуть круто, а снегоход — нет: у него дуга

поворота больше. Многие новички также любят выставлять на завороте ногу. Одного раза достаточно, чтобы осознать весь риск этого: нога сразу же застревает в сугробе и подобные головокружительные поездки нередко заканчиваются в госпитале с переломом.

День, когда эта замечательная машина появилась на свет, был проклят экологами всего мира: шипами своих гусениц скутеры уже успели пробороздить и изранить немало плодородной земли. И все же, что ни говори, а быт жителей заполярья изменился именно благодаря снегоходам, и в первую очередь, это касалось кочевых народов Лапландии.

Бонд ехал, пригнув голову, и мгновенно реагировал на любую неровность тропы. Каждый поворот требовал огромных затрат энергии, в особенности там, где снег был глубоким и твердым. Руль поддавался с трудом: бодался и постоянно норовил принять свое исходное положение. Существовала и другая проблема: Бонд мог запросто угодить прямо в колею от Колиного снегохода, что ухудшило бы его маневренность. Как трамвай по рельсам: ошибись лидер — и ты почти непременно врежешься в него.

Старательно петляя за Колей, Бонд постоянно

всматривался в дорогу, освещенную слабым огоньком от фары русского. Порой Бонд поворачивал слишком круто, тогда снегоход вставал на дыбы, словно конь, и его начинало кидать из стороны в сторону. В такие моменты скутер почти терял управление, но каждый раз, сражаясь с рукоятками руля, Бонду удавалось восстановить контроль над машиной.

Несмотря на то что голова была плотно закутана, ледяной ветер со снегом исполосовали Бонда, словно множество бритвенных лезвий, и он постоянно разминал пальцы в страхе, что те закоченеют.

Бонд приложил максимум усилий для того, чтобы подготовиться к этой поездке как следует. Автоматический пистолет «Хеклер и Кох» находился в кобуре, висевшей под курткой, поперек груди. Конечно, быстро его не вытащишь, но, по крайней мере, пистолет был с собой, а к нему — уйма запасных патронов. На шнурке вокруг шеи висел компас, который Бонд запихал, чтобы тот не мешался, в карман куртки, откуда его можно было вытянуть одним движением. Всю миниатюрную электронику Бонд распределил по потайным карманам. Карты лежали под рукой в боковом кармане стеганых брюк. Один

из длинных кинжалов «Сайкс-Фэирбэирн» был пристегнут внутри его левого сапога, а кинжал покороче (для разделки оленьих шкур) висел на поясе. В рюкзачке за спиной лежали остальные вещи: белый камуфляжный костюм с капюшоном — на случай маскировки в снегу, три светозвуковые гранаты и две осколочные типа Л2А2. Остальное зависело только от самого Бонда: от его профессионализма, опыта и двух жизненно важных атрибутов его ремесла — интуиции и умения быстро принимать правильные решения.

Деревья, казалось, все сгущались и сгущались, а Коля продолжал петлять между ними с прежней легкостью, зная, по всей видимости, точный маршрут. «Небось, на этом собаку съел», — подумал Бонд, стараясь не отставать и держаться в метрах двух от русского, помня, что где-то позади мчится Брэд Тирпиц.

Они заворачивали. Бонд это чувствовал, хотя поворот почти не был заметен. Коля вел их между деревьями, виляя то вправо, то влево, но Бонд точно знал, что их забирает все правее и правее, к востоку. Вот-вот — и они вырвутся из леса, из прикрытия. И тогда последует километр открытой местности, потом опять лес, а затем долгий спуск в долину, где бесконечным широченным

бинтом через лес пробегала граница, нарушение которой каралось законом.

Неожиданно они выскочили из леса. И даже в темноте эта перемена показалась страшной: в лесу была хоть какая-то безопасность, теперь же накидка тьмы приподнялась и по земле разлились серые тона бескрайней снежной пелены. Прямой участок — никаких зигзагов и резких поворотов. Русский, вроде бы, сориентировался, газанул и лег на курс. Бонд, следуя за ним, но держась немного правее, чуть приотстал, поскольку сейчас они мчались по полю.

Стало еще холодней — либо из-за отсутствия какого-либо укрытия от ветров, либо просто оттого, что увеличили скорость, а может потому, что ехали уже почти целый час, и беспощадный холод начал пробирать до костей даже сквозь плотные складки теплой одежды.

Впереди Бонд заметил следующую полоску деревьев. Если Коля проскочит через тот узкий участок леса на большой скорости, то они окажутся в низине уже через десять минут. «Долина смерти», — подумал Бонд, ведь именно где-то там, в долине, являвшейся пограничной зоной, должна сработать ловушка для Брэда Тирпица. План действий они разработали в номере Бонда.

И пока их снегоходы разметали на своем пути снег, решающий момент неумолимо приближался. И когда он настанет, у Бонда не будет времени, чтобы остановиться и посмотреть, сработали ли их контрмеры. Ему останется лишь поверить в расчетливость Тирпица и его способность к выживанию.

Снова лес. Высоченные ели смыкались в вышине, словно своды собора, погружая все в кромешную тьму. Еловые ветки хлестали тело и жалили лицо, но Бонд продолжал крепко держать руль: влево, вправо, снова влево. Однажды он не рассчитал и еле вписался в поворот: передняя лыжа скутера наскочила на основание дерева, припорошенное снегом. Однажды Бонда чуть не выкинуло из седла, когда снегоход проскрежетал по толстым корням, скрытым коркой льда, и пошел юзом. К счастью, каждый раз Бонду с успехом удавалось выправить непослушную машину.

На этот раз, когда они выскочили из укрытия, ландшафт был отчетливо виден даже сквозь обледенелые стекла защитных очков. Мосолов, Бонд и Тирпиц оказались на пологом склоне, у подножья которого простиралась белоснежная долина. На вершине противоположного склона на боевых позициях выстроились непреступной

стеной деревья.

Снова через открытую местность — увеличили скорость. Бонд почувствовал, как нос снегохода наклонился вперед: его понесло под гору. Теперь главная задача: постараться избежать заноса.

Чем дальше они спускались, тем сильнее обострялось чувство уязвимости. Коля сказал, что этим маршрутом постоянно пользовались нарушители, поскольку здесь редко появлялись ночные патрули, и на расстоянии пятнадцати километров по обе стороны не было пограничных застав. Бонд надеялся, что Коля не ошибся. Скоро они спустятся в долину, проедут полкилометра по голому льду, затем снова подъем, ну а там — прямо в леса Матушки России. И до того момента Брэд Тирпиц должен умереть, по крайне мере, так планировалось.

Память Бонда метнулась в прошлое, он вспомнил одну поездку, совершенную им зимой, уже достаточно давно. Бонд ехал через Восточную зону в Западный Берлин. Погода была не такой суровой, метель не такой жестокой и опасной, но больше всего ему запомнилась дорога через Восточный контрольный пункт в Хелмштете. Ему посоветовали ехать через Восточную зону по широкой скоростной трассе, никуда не сворачи-

вая. Первые километры трасса пробегала через лес, и Бонд отчетливо видел высокие деревянные башни с прожекторами и солдат советской армии в белых камуфляжных костюмах, притаившихся за деревьями. Не это ли ожидало их в лесу на вершине склона?

Они спустились в долину и теперь ехали по прямой. Если Брэд правильно понял, то все должно произойти с минуты на минуту — максимум через две, три.

Коля увеличил скорость, словно гонщик, захотевший первым забраться на склон. Бонд решил немного отстать. Он молил Бога, чтобы Тирпиц был наготове. С трудом повернувшись корпусом, Бонд глянул назад: к его облегчению снегоход Брэда уже прилично отстал — как они и планировали. Сидел ли на нем еще Тирпиц или нет, неизвестно, Бонд видел только размытый черный силуэт, уменьшавшийся в размере.

В этот момент все и случилось. Как будто он специально отсчитывал секунды, вымеряя точное место. А может, интуиция? Сам взрыв прогремел чуть позже. Бонд увидел лишь резкую мощную вспышку из-под плоского черного силуэта: пламя с темно-красной сердцевиной и огромным ослепительно белым контуром, которое озарило

взмывший в ночное небо столб снега. Потом — звук: тяжелый двойной хлопок, с силой ударивший по барабанным перепонкам. Взрывная волна ударила Бонда в спину, и его снегоход бросило в сторону.

12. «РУСАК»

Рефлексы Бонда сработали моментально: он машинально налег на руль и вдарил по тормозам. Снегоход, снижая скорость пошел юзом и наконец встал прямо рядом с Колиным скутером.

— Тирпиц! — заорал Бонд, почти не слыша даже свой собственный голос. Его оглушила взрывная волна, вдобавок уши жалил дикий холод. Однако к своему удивлению он понял, что прокричал ему в ответ Коля, хотя и не был уверен, расслышал ли он сами слова.

— Ради Бога, не езжай рядом! — вскрикнул Коля, его голос прогудел, словно порыв ветра во время бурана. — Тирпиц готов! Наверное, он случайно дернулся в сторону и подорвался на мине. Нам нельзя останавливаться. Остановимся — и смерть! Держись прямо за мной, Бонд. Только так. — Коля повторил: — Прямо за мной! — На этот раз Бонд знал, что четко расслышал слова.

Вот и все. Оглянувшись напоследок, Бонд увидел слабое красноватое свечение — это догорал скутер Тирпица. Колина машина взвыла, полоснув шипами гусениц по ледяной корке;

Бонд выжал газ и двинулся следом, стараясь держаться близко и точно за русским. Если все получилось, то Тирпиц, возможно, уже шел на лыжах, которые он тайком притащил и спрятал около снегоходов еще за добрый час до отъезда. По плану, Брэд должен был скинуть лыжи, палки и рюкзак где-то за три минуты до того места, в котором, как он понял из Колиного разговора, для него был уготовлен взрыв, минутой позже заблокировать руль, увеличить скорость, тут же медленно соскользнуть с седла и залечь в снег. Если расчет был верен, то, при удачном стечении обстоятельств, Тирпиц оказался бы на вполне безопасном расстоянии от взрыва, после чего подобрал бы лыжи и, почти не спеша, двинулся в путь. Времени на то, чтобы добраться до точки, оговоренной с Бондом, у него оставалось вполне достаточно.

«Выкинь его из головы, — внушил себе Бонд, — чтобы ни случится. Считай, что Тирпиц мертв. Все, теперь ты сам по себе».

Подниматься по склону было трудно, а Коля продолжал гнать, видимо желая поскорее добраться до относительно безопасного укрытия в лесу. В воздухе тем временем закружились снежинки.

Наконец Бонд и Мосолов добрались до деревьев и тени. Коля остановился, кивнул Бонду, чтобы тот подъехал поближе, и нагнулся, чтобы что — то сказать. Среди высоких елей и сосен было слышно лишь, как мягко урчали двигатели на холостом ходу. Коля не стал кричать, на этот раз его слова прозвучали очень отчетливо.

— Жаль Тирпица, — сказал он. — На его месте мог оказаться любой из нас. Наверное, поле заминировали по-новому. Теперь нас еще на одного меньше.

Бонд молча кивнул.

— Следуй прямо за мной. Как привязанный, — продолжал Коля. — Первые два километра нам придется туго, зато после мы вырулим на более-менее широкую тропу. Даже скажем, на дорогу. Малейший признак транспортной колонны — я тут же гашу фару и торможу. Поэтому, если свет погаснет, сразу же тормози. Когда доберемся до «Русака», спрячем скутеры, возьмем камеры и пойдем пешком. — Коля похлопал рюкзаки, подвешенные к задку его снегохода. — Короткая прогулка по лесу, около пятисот метров.

«Примерно пол мили, — подумал Бонд. — Что ж, весело».

— Если поедем не спеша, то где-то через полто-

ра часа будем на месте, — продолжал Коля. — Ты готов?

Бонд снова кивнул.

Коля медленно поехал вперед, а Бонд, якобы проверяя оборудование, дернул за шнурок компаса, вытянул его из кармана, с трудом открыл (мешали рукавицы), положил на открытую ладонь и нагнулся, чтобы рассмотреть фосфорицирующий циферблат. Дождавшись, пока стрелка не успокоится, Бонд грубо прикинул их местоположение: они находились примерно там, где по словам Коли и должны были. Однако главная проверка была впереди; разумеется, при условии, если им все же удастся проследить транспортную колонну из «Русака» в «Ледяной дворец».

Бонд сунул компас в куртку, распрямил плечи и поднял руку, показав свою готовность ехать дальше. Они медленно двинулись в путь и одолели первые, нелегкие, километры с почти пешеходной скоростью. Было очевидно, что где-то рядом в этом глухом лесу проходилась тропа пошире — если, конечно, предположить, что транспортная колонна, действительно, шла из Финляндии.

Как и предсказывал Коля, проехав несколько километров, они оказались на широкой тропе: в

твердом обледенелом снегу виднелись глубокие колеи. Быть может, Коля все-таки играл честно? Судя по бороздам, здесь прошла гусеничная техника, но сказать, как давно она прошла, было невозможно: стоял такой холод, что колеи от любой тяжелой машины промерзли бы уже через пару минут.

Коля увеличил скорость, и пока Бонд мчался следом за ним, с легкостью скользя по укатанному снегу, его мозг, закоченевший от невыносимого ветра и стужи, начал задавать себе вопросы. По пути через границу Коля продемонстрировал почти невероятное мастерство езды на скутере, особенно в лесу. Бонду просто не верилось, что русский ехал этим маршрутом впервые. Еще как ехал! И не один раз! Для самого Бонда этот участок был самым изматывающим, хотя в то же время Тирпиц всю дорогу стойко держался позади. Или же он иногда отставал? А вдруг Коля с Тирпицом уже и раньше пересекали границу этим маршрутом?.. Очень даже возможно. Поразмышляв, Бонд еще больше озадачился: ведь Коля ехал уверенно и быстро даже в самых трудных районах, и при этом не сверялся ни с компасом, ни с картой! Такое впечатление, будто он держал курс при помощи вспомогательных средств.

Радио? Возможно. Ведь, когда они встретились у снегоходов, русский был уже в куртке. Вел ли их Коля, ориентируясь на какой-нибудь радиомаяк? Наушники можно легко спрятать под утепленным капюшоном. Бонд сделал в уме пометку посмотреть, не подключены ли к Колиному скутеру какие-нибудь провода.

А если не радио — тогда условные метки? Возможно. Ведь сам Бонд был так поглощен управлением скутера, стараясь удержаться в Колином хвосте, что вряд ли бы заметил установленные на тропе узконаправленные фонарики или отражатели.

Еще одна мысль ошарашила Бонда: Клифф Дадли, его предшественник в операции «Ледокол», не уточнил, чем именно занималась их команда в Заполярье до его стычки с Тирпицом. Ведь М говорил, что эти ребята с самого начала запрашивали именно его, Бонда! Но тогда чем эта четверка разведчиков из разных стран занималась до его появления в игре? Быть может, они уже побывали в Советском Союзе? Не проводили ли они слежку в «Русаке» до него? Хотя, с другой стороны, зачем? Ведь почти вся серьезная информация поступила от Коли — от русских: данные аэрофотосъемки, фотографии со спутников, не говоря уже о работе

их оперативников.

Были разговоры о поисках фон Глёды, об идентификации его как главнокомандующего НСДА, даже как Аарнэ Тудеера. Однако, не смотря на это, фон Глёда появляется в отеле за завтраком, живехонек здоров, его все узнают, но никого это ни сколечко не волнует!

С самого начала Бонд решил никому не доверять, и теперь он подозревал любого, кто был связан с «Ледоколом». В этот список попал даже М, который тоже был нем как рыба относительно деталей операции.

«А вдруг, — спросил себя Джеймс Бонд, мчась на скутере сквозь метель, — М намеренно послал меня в такую спорную ситуацию?» И тут его осенило! Ну конечно! Это был старый, излюбленный метод Секретной службы: послать опытнейшего оперативника в ситуацию почти неразрешимую и предоставить ему возможность самому разобраться, где правда. А правда заключалась в том, что он и впрямь действовал в одиночку! Решение, к которому он пришел ранее, на самом деле являлось основным замыслом М. Никакой «команды», в полном смысле этого слова, не было и в помине! Были лишь представители четырех разведок, работающие вместе, и в тоже время

— раздельно. Четыре «сингельтона».

Пока Бонд мчался за Колей по заснеженной, скользкой дороге, которой, казалось, не было конца, эта мысль продолжала настойчиво буравить его сознание. Он совсем потерял ощущение времени: остался только холод, рев мотора и извивающийся белой лентой след от Колиной машины.

Вскоре Бонд постепенно стал различать какой-то свет, пробивавшийся сквозь деревья, впереди слева, на северо-западе. Спустя какие-то мгновения Коля погасил лучик своей фары и стал сбрасывать скорость, сворачивая к левой обочине. Бонд остановил свой снегоход рядом с Колиным.

— Затащим их за деревья, — прошептал Коля. — Видишь, там прожекторы светят, будто у них Первомай? Это и есть «Русак».

Бонд и Мосолов спрятали скутеры, максимально замаскировав их, после чего Коля предложил надеть белые маскировочные костюмы.

— Чтобы нас не засекли, заляжем в глубокий снег. Прибор ночного видения у меня есть, поэтому не беспокойся: свою технику можешь с собой не брать.

Однако Бонд побеспокоился. Пока он надевал

камуфляжку, его задеревенелые пальцы незаметно расстегнули кнопки на куртке. По крайней мере, теперь он мог быстро выхватить свой автоматический пистолет «Хеклер и Кох». Он также достал из рюкзака пару гранат (светозвуковую и осколочную типа Л2А2) и спрятал их в карманы своего нового мешковидного наряда. Русский вроде бы ничего не заметил. Свой пистолет Мосолов, нисколько не скрывая, положил в набедренную кобуру, на шее у него висел огромный прибор ночного видения, к поясу была прикреплена сумка для видеокамеры, а фотоаппарат висела на ремешке под биноклем.

Коля вручил Бонду инфракрасную автоматическую фотокамеру, и ему в сумерках показалось, что на подвижном лице русского промелькнула улыбка. Мосолов показал на вершину холма: сквозь деревья в небо прорывался поток яркого света. Он пошел вперед, Бонд следом, словно пара молчаливых белых призраков, крадущихся от дерева к дереву в царство мертвых.

Через несколько шагов они оказались у подножья склона, чью верхушку освещали лучи прожекторов, находившихся с другой стороны. Ни охраны, ни часовых не было видно.

Поначалу подъем был затруднителен: после

долгой поездки на скутерах конечности от такого холода совсем онемели. Добравшись до вершины, Коля отдал сигнал пригнуться. Держась близко друг к другу, пара закопалась в глубокий снег, запорошивший корни деревьев. Внизу купался в огнях оружейный склад «Русак». После трехчасовой поездки в темноту и метель Бонд непроизвольно зажмурился: склад освещали яркие дуговые фонари и огромные прожекторы. Неудивительно, мелькнула у него мысль, что солдаты в «Русаке» с такой легкостью пошли на предательство и занялись торговлей боевой техникой. жить круглый год в таком месте, где уныло и мрачно зимой и куча комаров коротким летом, — да тут любой решится на такое, пускай даже задарма!

Пока глаза привыкали, Бонд задумался об их серой и унылой жизни. Чем в таком лагере можно заниматься? По ночам играть в карты? Пить? Да, идеальное место службы для алкоголиков: отсчитываешь дни до коротенького отпуска, часть которого уйдет на дорогу домой, а время от времени ездишь в Алакуртти, который, по его прикидке, находился в шести-семи километрах от сюда. А что в Алакуртти? Замызганная кафэшка, такая же еда, только приготовленная

другими руками, и бар, где можно надраться. Женщины? Возможно. Наверное, какие-нибудь русские лопарки — легкие жертвы болезней и грубых, распутных солдафонов.

Когда глаза окончательно приспособились, Бонд принялся не спеша изучать дислокацию: огромная прямоугольная территория, расчищенная от растительности, кое-где уже успели прорости молодые ели, навалившиеся на высокий забор из колючей проволоки с фонарями на столбах. Прямо под Бондом и Колей стояли настежь распахнутые ворота, к которым между деревьями вилась тщательно вычищенная (либо огнеметами, либо лопатами) от снега и льда дорога.

На территории базы царил армейский порядок. У ворот — охранка и по бокам деревянные башни с прожекторами. Через середину базы пробегала металлизированная дорога длиной примерно в километр, по обе стороны которой расположились складские помещения — огромные, высокие бараки типа «Ниссен» с рифлеными крышами и стенами. У дверей каждого — погрузочная эстакада.

Да, тут все было организовано со смыслом: транспорт заезжал сразу на эстакады, где прохо-

дила загрузка или разгрузка, затем следовал в дальний конец дороги, где находилось кольцо для разворота, разворачивался там и возвращался по той же дороге к воротам. Быстро и слаженно.

За складскими ангарами стояли длинные бревенчатые избы — солдатские бараки, столовые и помещения для отдыха. Планировка базы была абсолютно симметричной. Убери проволочные заграждения и длинные ленты эстакад, добавь деревянную церквушку — и перед тобой заводская деревенька.

Пока Бонд добирался до гребня, циркуляция крови постепенно восстановилась, теперь же его теле снова начинал скапливаться холод. Бонду казалось, будто по его венам и артериям течет таявший снег, а вместо костей — острые, хрустально чистые сосульки, совсем как те, что блестели на ветках.

Он глянул влево: Коля настроил фокус, нажал кнопку «запись», и его видеокамера зажужжала. У Бонда в распоряжении был маленький инфракрасный фотоаппарат, уже заряженный. Опершись на локти, он надвинул на лоб защитные очки, приложил к правому глазу резиновый окуляр и настроил фокус. За несколько минут ему предстояло отснять тридцать пять кадров,

подтверждавших факт незаконной торговли оружия на базе «Русак».

Колина информация была абсолютно точна: все огни включены и никакой заботы о должной конспирации. У эстакад стояло четыре огромных гусеничных бронетранспортера — БТР-50, как Коля и предсказывал. «Прямо в воду глядел», — подумал Бонд. Уж слишком все гладко, чтобы быть правдой!..

Существует несколько разновидностей российских «бэтээров»: обычный гусеничный плавающий бронетранспортер для десанта из двадцати человек и экипажа из двух, тягач и упрощенный грузовой вариант. Эти четыре машины предназначались исключительно для перевозки грузов по труднопроходимой местности. Все лишнее оборудование, включая дополнительную броню, было снято — оставлено только самое необходимое. У каждого «бэтээра» были мощные гусеницы, а впереди — по внушительному бульдозерному ковшу для расчистки пути от снежных завалов, пластов льда и упавших деревьев. Все четыре бронетранспортера были выкрашены в серый цвет. Крышки длинных глубоких кузовов были открыты, и сейчас туда с поразительной скоростью загружались ящики и контейнеры.

Экипажи «бэтээров» стояли поодаль, словно их это трудоемкое занятие совсем не касалось, однако периодически один из каждого экипажа переговаривался с сержантом, ответственным за погрузку его «бэтээра», который, в свою очередь, проверял товар по записям в своем блокноте.

На светло серых фуфайках грузчиков отчетливо виднелись нашивки и погоны, а на меховых шапках с опущенными почти до подбородков ушами блестели красные звезды.

Экипажи «бэтээров» были одеты совсем по-иному. От их вида Бонд нахмурился, и внутри у него что-то дрогнуло: на них были короткие кожанки, темно-синие галифе и высокие армейские ботинки, под простыми военными беретами со сверкающими кокардами виднелись теплые наушники. Их форма слишком живо напомнила Бонду о совсем другой эре, об ином мире: эти парни выглядели, словно киношная массовка, изображавшая солдат из танковых частей СС.

Коля толкнул его за руку, протянув прибор ночного видения, и указал на ближнюю эстакаду.

— Это Начальник склада, — прошептал он.

Взяв прибор, Бонд настроил фокус и увидел пару беседовавших человек. Один из них был водителем «бэтээра», другой — с приземистой

фигурой и осунувшимся лицом — Начальником склада, о чем явственно говорили погоны с жирной красной полоской на его офицерской шинели.

— А вон сержантский состав, — снова прошептал Коля. — В основном разжалованные или те, от которых другие части решили избавиться. Отсюда и весь этот беспредел.

Бонд кивнул и вернул ему прибор.

Казалось, база «Русак» находилась от них близко-близко — иллюзия, которую создавал снег, холодно блестевший в ярких лучах прожекторов. Грузчики, словно загнанные лошади, тяжело выдыхали из ноздрей и ртов пары воздуха, и было чуть слышно, как на них грозно кричат по-русски. Бонд даже смог кое-что разобрать: «Живее, болваны! Подумайте только о награде, которая вас потом ждет! Да и девки завтра приедут из Алакуртти! Закончите работу — и отдыхайте себе!»

Один из парней обернулся и отчетливо прокричал в ответ:

— Если приедет эта толстая Ольга, то мне нужно отдохнуть как следует… — Порыв ветра заглушил остальные слова, но, судя по дикому гоготу, который последовал, было понятно, что предложение закончилось пошловатой шуточкой.

Слегка потянув за шнурок, Бонд вытянул компас, тайком взглянул на стрелку и произвел быстрые расчеты в уме. Где-то внизу раздался рев: ожил мотор первого «бэтээра». Вокруг него копошились солдаты, закрывая крышки кузова. Остальные «бэтээры» уже тоже были почти загружены. Стоя прямо в их кузовах, солдаты закрепляли ящики и контейнеры веревками.

Завелся мотор третьего бронетранспортера.

— Пора спускаться, — прошептал Коля.

Первый бронетранспортер медленно двинулся к круглой платформе. Бонд прикинул, что потребуется минут пятнадцать на то, чтобы все четыре «бэтээра» заехали поочередно на диск, развернулись и выстроились в звено.

Бонд и Мосолов медленно отползли чуть назад. Чтобы глаза привыкли к темноте, им пришлось подождать несколько минут. Затем они, скользя, спустились с горы и буквально на ощупь прошли между деревьями к месту, где спрятали снегоходы.

— Подождем, пока они проедут, — сказал Коля таким тоном, будто он командир. — У «бэтээров» моторы рычат словно разъяренные львы. Поэтому, когда мы заведем двигатели, их экипажи ничегошеньки не услышат. — Он протянул руку,

забрал у Бонда фотоаппарат и сунул его в свою сумку.

Со стороны склада в небо все еще прорезались лучи прожекторов, а в тишине был слышен лишь рык «бэтээров» — громкий, хриплый и агрессивный. Бонд произвел еще один подсчет, надеясь в свою правоту. Вскоре шум стал приближаться, зазвучав эхом среди деревьев.

— Едут, — сказал Коля, подтолкнув его. Бонд вытянул вперед голову, стараясь увидеть на дороге транспортную колонну.

Эхо от моторов становились все громче и громче, и даже при предательской акустике зимнего леса можно было легко засечь местоположение источника звука: бронетранспортеры приближались слева от них.

— Приготовься, — шепнул Коля. Внезапно он занервничал и, наклонив голову, привстал на седле.

Грохот двигателей перешел в низкое рычание. «Доехали до развилки», — подумал Бонд. Затем стало весьма отчетливо слышно, как моторы «бэтээров» взвыли, переключив скорость. Теперь они звучали иначе, и Коля привстал еще выше. Рычание моторов вновь стало ровным. Теперь, судя по звукам, все четыре «бэтээра» вырулили на

тропу и снова двигались колонной с одинаковой скоростью. И все же что-то было не так. Прошла пара секунд прежде, чем Бонд понял: эхо от рева моторов становилось все тише и тише!

Коля выругался по-русски.

— Они поехали на север! — произнес он, выплевывая каждое слово. Его голос смягчился: — Что ж, отлично. Значит, они возвращаются другим маршрутом. Мой агент присмотрит за ними. Готов?

Бонд кивнул. Они завели моторы. Коля вырулил на тропу, быстро набирая скорость.

Рев от «бэтээров» слышался даже поверх двигателей снегоходов, поэтому примерно десять-одиннадцать километров Бонд и Коля держались от колонны на порядочном расстоянии — последний бронетранспортер был только-только виден. Их маленький караван по-прежнему двигался по той же дороге. Однако вскоре Бонду показалось, что они подбираются слишком близко к Алакуртти. Вскоре Коля просигналил ему заворачивать. Свернули влево: снова в лес, хоть тропа на этот раз была более-менее широкой, а снежный покров глубоким и твердым, со свежими бороздами от массивных гусениц «бэтээров».

Казалось, что они все время едут в гору. И

приходилось постоянно вилять, чтобы не угодить в опасные в нынешней ситуации колеи от бронетранспортеров. Мотор скутера отчаянно протестовал этой пытке. Бонд тем временем старался выяснить их курс. Если колонна и в правду направлялась к границе, то эта гонка по дремучему лесу должна была привести его и Мосолова почти в то место, где они пересекли границу Советского Союза. И долгое время казалось, что дело обстоит именно так и что они действительно держат курс на юго-запад. Однако где-то через час тропа раздвоилась, и «бэтээры» свернули направо, на северо-запад.

Однажды Коля решил, что они подъехали к колонне слишком близко, и жестом приказал остановиться, Бонд быстро вытянул компас и глянул на фосфорицирующий циферблат. Если «бэтээры» и дальше будут держаться этого курса, то они несомненно приедут в район, в котором расположен «Ледяной дворец», а точнее — в район его настоящего, по предположению Бонда, местоположения, на русской территории!

Через пару километров Коля вновь остановился и подозвал жестом Бонда.

— Через несколько минут граница, — произнес он громко. Ветер, дувший теперь им в лица, про-

дирался сквозь теплую одежду и доносил отзвуки колонны бронетранспортеров. — Мой агент должен быть впереди, поэтому не удивляйся, если к нам присоединится еще один скутер.

— А разве сейчас не будет открытого участка? — Бонд спросил с такой наивной интонацией, на какую был только способен при таком жалящем, холодном ветродуе.

— Нет, не будет. Карту помнишь?

Бонд прекрасно помнил карту, а также свои собственные пометки и предполагаемое настоящее местоположение «Ледяного дворца» на территории России. У Бонда мелькнула мысль: сейчас же застрелить Колю, объехать стороной его агента, убедиться, что «бэтээры» с товаром прибудут в бункер, а потом на полных парах удрать из Советского Союза. Эта мысль продержалась лишь миг. «Узнай, что там впереди, — сказал ему внутренний голос. — Следуй дальше, и, быть может, найдешь золотую жилу».

Прошло добрых пятнадцать минут прежде, чем впереди показался еще один скутер. В его седле, ожидая команды «вперед», виднелась высокая, тонкая, укутанная от холода фигура.

Коля поднял руку, и новый снегоход тронулся, возглавив колонну. Впереди грохотали и скри-

пели «бэтээры» — лесная дорога теперь была шириной для них только-только.

Пол часа езды — и никакой смены курса. По небу стали растекаться блеклые краски рассвета. И вдруг, даже не осознав, что происходит, Бонд почувствовал, как у него на затылке шевелятся волосы. До этого момента «бэтээры» были слышны даже поверх грохота от трех снегоходов. Теперь же он слышал лишь рев скутеров. Бонд машинально сбросил скорость и дернулся в сторону, чтобы не угодить в колею. И тут он мельком разглядел силуэт Колиного агента, ехавшего впереди. Бонду показалось, что, даже несмотря на зимнее одеяние, он узнал очертания головы и плеч.

Мысль задержалась на миг, но именно в этот момент все и случилось.

Впереди, сквозь деревья прорвалась внезапная вспышка ослепительно яркого света. Бонд увидел последний в колонне «бэтээр», за которым возвышалось нечто, похожее на огромную, покрытую снегом скалу. Огни загорелись ярче. Они светили отовсюду, казалось, даже сверху. Из-за этих огромных дуговых фонарей и прожекторов Бонд почувствовал себя голым, пойманным, у всех на виду.

Он вильнул вбок, решив юркнуть в лес и скрыться, его рука нырнула под куртку за пистолетом, но скутер попался в борозды от «бэтээра».

В этот момент из-за деревьев — спереди, сзади, слева и справа — вышли фигуры в маскировочной серой форме: немецкие каски и длинные шинели из овчины. Они шли по трое, их винтовки и автоматы блестели в ярком свете палящих прожекторов.

Бонд вытащил пистолет, но оставил его болтаться на пальце. Сейчас не время для дуэли. Он понимал, когда шансы не на его стороне. Он посмотрел вперед. Коля сидел, выпрямив спину. Его агент слез с седла своего скутера и направился в сторону Бонда. Джеймсу была знакома эта походка — не зря ему сперва показалось, что он узнал голову и плечи.

Склонив голову от прямого света ярких прожекторов, Бонд видел только сапоги окружавших его со всех сторон солдат. Колкий хруст снега приблизился: подошли сапоги Колиного агента. К нему протянулась рука в кожаной перчатке и забрала «Хеклер». Щурясь, Бонд поднял голову.

Фигура размотала на своей шее шарф, сдвинула на лоб защитные очки, стянула вязаную шапку, и по ее плечам рассыпались белокурые волосы.

Залившись приятным смехом, Пола Вакер посмотрела ему прямо в глаза и, пародируя фильмы про войну, с немецким акцентом произнесла:

— Герр Джеймс Бонд, тля фас война сакончена.

13. «ЛЕДЯНОЙ ДВОРЕЦ»

Подошли люди в шинелях. Бонда обыскали, отобрали гранаты и рюкзак. Однако не нашли нож коммандос, спрятанный в эскимосском сапоге, а это — маленький плюс. Пола продолжала смеяться. Солдаты тем временем стянули Бонда с седла и повели его куда-то вперед.

Он замерз и устал. А почему бы и нет? Вдруг разыгранная потеря сознания даст преимущество? Джеймс Бонд обмяк, повиснув на двух конвоирах. Его голова болталась, но сквозь полузакрытые веки он продолжал наблюдать, куда его тащат.

Они вышли на полукруглую поляну, к подножью огромного ровного склона, похожего на лыжную горку. Тот самый подземный бункер — «Ледяной дворец». Громадные, закамуфлированные белым двери были открыты. Изнутри бил яркий свет и струилось тепло. Краем глаза Бонд заметил, что слева от главного входа находится другой, поменьше. Все сходилось с исходными чертежами, которые предоставил им Коля. Два крыла: в одном склад для боевого снаряжения и

запчастей, в другом — жилые помещения.

Бонд услышал, как завелся двигатель, и увидел, как один из «бэтээров» (последний) прополз в отверстие, постепенно исчезнув в длинном тунеле, который, насколько он знал, уходил глубоко под землю.

Рядом вновь засмеялась Пола, затем взревел мотор снегохода. Мимо на скутере Бонда проехал какой-то солдат. Коля произнес что-то по-русски, Пола ответила ему на том же языке.

— Скоро ты быть лучше, — с диким акцентом сказал Бонду один из тащивших его. — Мы дать тебе попить.

Его затащили внутрь и прислонили к стене, у ворот. Один из охранников достал фляжку и поднес ее к губам Бонда. Ему показалось, будто во рту вспыхнул огонь, который прожег пищевод до самого желудка! Чуть не задохнувшись, Бонд еле выдохнул:

— Что…? Что это…?

— Оленье молоко с водкой. Хорошо? Да?

— Хорошо. Да, — выпалил Бонд. Он никак не мог отдышаться. Теперь, глотнув такой огненной водички, симулировать потерю сознания было нереально. Он встряхнул головой и огляделся по сторонам: из широкого туннеля, уходившего в

глубину под небольшим углом, клубились выхлопные газы от дизелей.

Снаружи солдаты строились в колонны по трое. Все они, как теперь заметил Бонд, были одеты в серую эсэсовскую форму: короткие зимние сапоги, широкие галифе и овчинные шинели с косыми карманами. Под шинелями на воротниках кителей виднелись знаки отличия. На офицерах были хромовые сапоги, а под теплыми шинелями, скорее всего, бриджи.

Коля продолжал говорить с Полой, стоя у своего снегохода. Оба выглядели напряженными. Пола, чтобы не замерзнуть, обмоталась шарфом и надела шапку.

Внезапно Коля что-то крикнул одному офицеру, причем таким командным тоном, будто он был здесь самым главным и мог распоряжаться всеми и вся. Офицер, к которому обратился Коля, кивнул и отдал короткий приказ. Два солдата вышли из строя и принялись перетаскивать снегоходы. Оказалось, справа от главного входа находился маленький бетонный гараж, в котором вполне могло уместиться несколько скутеров.

Затем колонна промаршировала в бункер, мимо Бонда и его конвоиров, в руках которых были российские «калашниковы» — единственное,

отметил он про себя, что никак не вписывалось в эту тевтонскую картину. Цокая в унисон сапогами по железобетону, солдаты растворились в туннеле.

Коля и Пола прошли к огромному главному входу почти вразвалочку, словно спешить им было некуда. Позади них, за деревьями, Бонд заметил пару кот (лопарских вигвамов) и дым от костра. Над котелком, в котором что-то варилось, склонилась женщина в типично лопарском одеянии: черная юбка, покрытая немыслимыми узорами, шерстяные рейтузы, меховые сапоги, на голове — вязаная шапка и теплый платок, а на руках — варежки. До того, как Пола и Коля успели дойти до дверей, к лопарке подошел какой-то мужчина, чье одеяние было таким же броским, вдобавок — куртка с витиеватым рисунком, а на плечах — накидка с красочной вышивкой. Где-то за вигвамами фыркнул олень.

Откуда-то сверху, из-под высокого сводчатого потолка, раздался металлический щелчок, а за ним — пронзительный визг предупредительной сирены. Пола и Коля зашагали быстрее. Зашипела гидравлика, и большущие стальные двери начали медленно опускаться, чтобы надежно скрыть секреты бункера от внешнего мира.

— Удивлен, Джеймс? — спросила Пола, стягивая с себя шерстяную шапку. Под кожаной курткой у девушки была надета униформа. К Поле с походкой боксера приблизился Коля. «Да, он быстро поменял манеру игры, — подумал Бонд. — Актер на любую роль!»

— Вовсе нет. — Бонд склеил улыбку. Теперь ему оставалось только блефовать. — Мои люди все знают. У них даже есть координаты этого бункера. — Он перевел взгляд на Колю. — Тебе следовало быть более осторожным, Коля. Карты не так уж и хорошо были сделаны. Едва ли найдешь два участка земли с одинаковым ландшафтом в пятнадцати километрах друг от друга. Так что вам, ребята, каюк!

Ему показалось, что на какую-то долю секунды по Колиному лицу проскользнула тревога.

— Блеф, Джеймс, тебе ничем не поможет, — возразила Пола.

— Быть может, он хочет здесь все осмотреть? — предположил Коля.

Пола кивнула:

— Я тоже думаю, что мы в праве устроить Джеймсу небольшую экскурсию. Показать ему во всей красе наш фюрербункер…

— О, Господи, — засмеялся Бонд. — Ты что, и

впрямь за одно с ними?.. Но тогда, скажи, почему ты не позволила тем отморозкам прикончить меня в своей квартире?

Она одарила его едкой улыбочкой.

— Потому что ты был слишком ловок для них. И потом, по условию сделки, тебя следовало доставить сюда живым, а не мертвым.

— Сделки?

— Заткнись! — рявкнул Коля на Полу.

Она элегантно отмахнулась.

— Он все равно скоро об этом узнает. У нас и не так много времени, Коля. У Шефа теперь есть то, что тебе нужно, как и было обещано. Ну а полная перебазировка состоится уже через день, другой. Поэтому узнает он сейчас или позже — это ничего не изменит.

Коля раздраженно хмыкнул.

— Я надеюсь, все в сборе?

Она улыбнулась и, кивнув, подчеркнула:

— Все.

— Отлично.

Пола вновь обратилась к Бонду:

— Ты хочешь осмотреть бункер? Но он большой — ходить придется много. Готов к этому?

Бонд вздохнул:

— Думаю да, Пола. И все же, какая жалость!

Пропала такая прелестная девчушка.

— Сексист, — не со злобой произнесла она. — Ладно, пойдем прогуляемся. Но сначала, — девушка взглянула на конвоиров, — обыщите его. У этого парня потайных карманов больше, чем у любого греческого контрабандиста. Ищите везде, и если я говорю везде, то это значит везде. Мы спустимся по туннелю. Наш русский товарищ пойдет с нами.

Конвоиры искали везде и нашли все, при этом особо не церемонились.

Затем они двинулись вниз по туннелю. Пола и Коля шли по бокам, два солдата с «калашниковыми» наизготове — следом. Вскоре наклон ощутимо увеличился, и пришлось воспользоваться железной лестницей с перилами, протянувшейся вдоль левой стены.

Бункер был несомненно спроектирован настоящими профессионалами. Отапливался даже туннель, а под высоким потолком виднелись водопроводные и топливные трубы, вентиляционные шахты и прочие атрибуты подземных систем жизнеобеспечения. Периодически в бетонных стенах попадались металлические коробочки, свидетельствовавшие о наличии системы внутренней связи. Освещение было от-

менным: на стенах и сводчатом потолке горели длинные лампы дневного света. Постепенно тоннель становился все шире и шире. В конце него Бонд увидел вход в огромное помещение.

Даже Бонд был потрясен размерами этого места. Четыре «бэтээра», что доставили товар из «Русака», стояли в одном ряду с еще четырьмя (значит, всего восемь), но в таком просторном помещении с высокими потолками они выглядели игрушечными.

Только что прибывшие «бэтээры» разгружались солдатами. Ящики и контейнеры складывались аккуратными стопками на автопогрузчики, которые, в свою очередь, развозили их по отдельным камерам. Двери у камер были огнеупорные, с задрайками. Было видно, что Аарнэ Тудеер, или граф фон Глёда, подходил ко всему с явной предусмотрительностью: на ногах у грузчиков были надеты мягкие резиновые сапоги, во избежание случайной искры, которая могла попасть на боеприпасы. Бонд прикинул, что военной техники здесь было достаточно для развязывания довольно серьезной войны, и уж подавно хватило бы на проведение тщательно спланированных терактов или даже партизанской деятельности в течение года, а то и дольше.

— Оцени нашу мощь! Мир еще узнает, что мы совсем не шутим! — С этими словами, Пола улыбнулась, очевидно от огромной гордости.

— И нет ни атомного, ни нейтронного оружия? — спросил Бонд.

Пола опять рассмеялась — дескать: ерунда какая!

— Не беспокойся. Если понадобится, то они получат и атомное, и химическое, и нейтронное, — послышалось от Коли.

Тем временем Бонд смотрел в оба, запоминая, где хранилось оружие, где — боеприпасы, не забывал считать и количество дверей с табличкой «выход». Помнил он и о Брэде Тирпице. Если Тирпицу удалось избежать взрыва, значит, существовал шанс, что он отправился за ними на лыжах, значит, все еще была вероятность, что он мог сейчас быть где-то поблизости, значит, оставалась надежда, что он все же сможет как-нибудь поднять тревогу.

— Ну? насмотрелся вдоволь? — Вопрос от Коли прозвучал резко, с сарказмом.

— А что? уже пора пить мартини? — Бонд расслабился, ничего другого ему не оставалось. Теперь хотя бы существовал реальный шанс того, что он выяснит всю правду об Аарнэ Тудеере

(или фон Глёде, как он сам предпочитал себя называть) и обо всех операциях Национал-Социалистической Действующей Армии. С Полой вопрос более-менее прояснился: она была частью полувоенной машины фон Глёды. Непонятно, правда, какую роль здесь играл Коля. А еще это странное упоминание о какой-то сделке.

Бонду показалось, что за металлической дорожкой, протянувшейся вдоль стены высоко над складским помещением, он увидел кабинку центрального контроля. «Входные двери бункера наверняка контролируются оттуда, — подумал он. — Не исключено, что отопительная и вентиляционная системы тоже». Однако тут Бонд вспомнил, что этот зал был всего лишь маленькой частью бункера. Планировка комплекса жилых помещений, который, насколько он знал, находился рядом с этим сектором, должна была быть еще запутанней.

— Мартини-то? — переспросил Коля. — Возможно, возможно. Граф очень щедр и гостеприимен. Я даже думаю, что нам организуют что-нибудь поесть.

Пола заверила, что еда будет, добавив:

— Ведь он ко всему относится с большим пониманием. Особенно к обреченным, Джеймс.

Как римские императоры, которые кормили до отвала своих гладиаторов.

— Я чувствовал, что примерно так оно и будет.

Девушка мило улыбнулась, слегка кивнула ему и, громко цокая сапогами по бетонному полу, направилась к одной из металлических дверей в левой стене. Рядом с дверью висело миниатюрное переговорное устройство. Подождав, пока Коля, Бонд и два конвоира не догонят, Пола что-то произнесла в микрофон, и дверь со щелчком скользнула в сторону. Девушка обернулась, вновь улыбнувшись.

— Внутри бункера отличная система безопасности. Двери, разделяющие сектора, открываются только на определенные голоса. — И снова очаровательная улыбочка, после чего они прошли в дверь, и та автоматически закрылась за ними обратно.

Коридоры здесь выглядели такими же унылыми и мрачными, как их «собратья» из соседнего крыла. Голые стены, по которым бежали всевозможные трубы, были выполнены из того же бетона. «Арматура наверняка из стали», — прикинул Бонд.

По всей видимости, второе — жилое крыло — бункера было таких же размеров, как и пер-

вое, где располагались подсобные помещения и гаражи. Планировка такая же симметричная: туннели и коридоры шли перпендикулярно друг другу.

Проход, в котором они оказались, упирался в основной, широкий коридор. Взглянув налево, Бонд увидел металлические двери пожарного выхода, одна из которых стояла открытой. Через нее виднелось продолжение главного коридора, и судя по всему, на всем протяжении от него ответвлялись боковые проходы. Вероятно там располагались солдатские бараки. «Логово драконов, — подумал Бонд. — Слева вход (и выход) из жилого крыла бункера. Чтобы выбраться отсюда, придется пройти через секцию бараков, а у главных дверей почти наверняка имеется нечто наподобие контрольно-пропускного пункта».

Коля и Пола подтолкнули его направо. Они прошли по центральному коридору, миновав две пары пожарных дверей: везде боковые проходы, стены буквально утыканы дверьми. Отовсюду слышались голоса, а порой и стук пишущих машинок. Система безопасности показалась Бонду безупречной. Вооруженные часовые, одетые все в туже эсэсовскую форму, стояли везде: одни.

— у дверей, другие — на пересечениях главного

коридора с боковыми.

Когда же они прошли через третьи пожарные двери, интерьер все же изменился. Холодные неоштукатуренные стены укрылись матерчатыми обоями и гобеленами в пастельных тонах. Хитросплетения из труб и проводов спрятались за изогнутые декоративные карнизы. Двери здесь были двойные, с окошками. В них отчетливо виднелись мужчины и женщины, работавшие за столами, в окружении разной электро — и радиоаппаратуры. Все были одеты в ту или иную фашистскую форму.

Однако больше всего ужасали фотографии и плакаты, которые теперь попадались то тут, то там. Бонд, как и любой студент 30-х и 40-х, хорошо знал имена людей, запечатленных на них: Генрих Гиммлер — наместник СС; Рейнхард Гейдрих — ближайший друг и помощник Гиммлера, архитектор СС и Службы Безопасности Гитлера, нацистский «великомученик», убитый в Праге; Пауль Йозеф Геббельс; Герман Геринг; Кальтенбруннер; Менгеле; Мартин Борман и шеф гестапо Мюллер.

Плакаты тоже говорили сами за себя. На одном — молодой немецкий солдат, держащий нацистское знамя, под которым виднелась надпись:

SIEG UM JEDEN PREIS («Победа любой ценой»). На другом — три арийца (один другого моложе), над чьими головами — поверженный молнией танк, а чей-то чисто выбритый профиль на фоне флага с эсэсовскими рунами призывает семнадцатилетнюю молодежь вступить в войска СС.

Бонду почудилось, будто он угодил в какую-то «дыру во времени». Да уж, как люди ни старались забыть и навеки стереть остатки нацистской партии Адольфа Гитлера, а ее идеалы, тайны, церемонии и политические догмы продолжали жить в отдаленных краешках Земли, как и горстка ее предводителей, до сих пор разгуливавших на свободе. Однако это место походило на музей. Скорее, даже на храм. Нет, больше чем на храм, ведь здесь происходило какое-то действие! Неужели все эти разговоры о Нацинал — Социалистической Действующей Армии — правда? «Серьезная угроза», как сказал ему тогда М. Растущая армия. Сегодня они террористы, а завтра — политическая и военная сила, с которой придется считаться всему миру.

Быть может, здесь это «завтра» уже наступило?..

И вот перед ними очередные двери, снова металлические, однако за ними оказался пышный,

мягкий палас. Пола подняла руку, их маленькая процессия остановилась.

По всей видимости, это был приемный кабинет. Опять же, подумал Бонд, подобное место, можно увидеть только в кино: напротив — высокие, массивные двери из полированной осины, по бокам — дорические колонны и пара человек в гестаповской черной форме. Их сапоги блестели, на руках виднелись красные повязки со свастиками. Кожаные ремни и кобуры слегка лоснились, а на фуражках серебрились кокарды в форме человеческих черепов.

Пола что-то быстро сказала по-немецки, один из гестаповцев кивнул, постучал в высокие двери и исчез за ними. Другой продолжал смотреть на Бонда с кривой усмешкой, его рука постоянно двигалась вокруг кобуры на поясе. Прошло какое-то время, двери открылись, появился тот же человек и кивнул Поле, после чего оба гестаповца схватили дверные ручки и распахнули двери. Пола подтолкнула Бонда за руку. Они прошли в следующую комнату, оставив охранников в приемной.

Первое, что при входе сразу бросилось в глаза — это гигантский портрет Адольфа Гитлера работы Фрица Эрлера. Он возвышался над всем

остальным и занимал почти всю противоположную стену. Эффект был настолько потрясающий, что добрую минуту Бонд просто стоял и пялился на него, чувствуя, что в комнате есть кто-то еще и что Пола вытянулась по стойке смирно, подняв руку в фашистском салюте.

— Вам нравится портрет, мистер Бонд? — Голос раздался из-за огромного стола, на котором аккуратно расположились папка для деловых бумаг, ряд разноцветных телефонов и маленький бюст Гитлера.

Бонд оторвал глаза от картины и взглянул на человека, сидевшего за столом: все тот же обветренный загар, строгая военная выправка, которая чувствовалась даже тогда, когда граф сидел, и густая седоватая шевелюра, отливавшая сталью. Лицо далеко не старого человека и совсем без морщин. Как Бонд уже заметил ранее, граф фон Глёда был человеком, дарованным от природы плавными, классическими чертами лица, не утратившими свою моложавость. Однако в глазах его не теплилось ни искорки удовольствия, и в данный момент они вперились в Бонда, словно их владелец вымерял его рост для гроба.

— Раньше я видел его только на фотографиях, — спокойно ответил Бонд. — И мне не понравилось.

Ну а если это оригинал, то мне тем более наплевать.

— Понимаю.

— Ты должен обращаться к графу не иначе, как «фюрер». — Совет поступил от Брэда Тирпица, который с комфортом развалился в глубоком кресле около стола.

Бонд уже всему перестал удивляться. Тот факт, что Тирпиц тоже был частью заговора, просто вызвал на его лице улыбку. Бонд кивнул: дескать ему следовало сразу догадаться об этом.

— Значит, ты все-таки не подорвался на мине? — Бонд постарался, и успешно, чтобы его слова прозвучали как бы между прочим.

Тирпиц медленно покачал своей гранитной головой:

— Боюсь, что ты ошибся во мне, старина Джеймс.

Послышался безрадостный смех фон Глёды, когда Тирпиц продолжил:

— Очень сомневаюсь, что ты когда-нибудь видел фотографии Брэда Тирпица. Фотографироваться «Гаденыш» Брэд всегда избегал, как и наш Коля. Правда, мне сказали, что в темноте наши силуэты похожи. Но, к сожалению, Брэд не выжил. Не смог. Его без шума убрали еще до того,

как операция «Ледокол» началась.

— Вперед ногами, — прокомментировал Коля. — В ледяную прорубь.

За столом произошло какое-то движение, раздался удар рукой по столу — видимо фон Глёда решил, что его присутствие игнорируют.

— Прошу прощения, mein Fuhrer (мой фюрер). — Тирпиц обращался к нему с явным почтением. — Просто хотелось Бонду все объяснить.

— Я сам ему все объясню. Если будет нужно.

— Фюрер, — обратилась к нему Пола, Бонд еле узнал ее голос, — последняя партия оружия доставлена. Уже через сорок восемь часов все будет готово к полной передислокации.

Граф склонил голову. На секунду его глаза задержались на Бонде, затем переключились на Колю.

— Что ж, товарищ Мосолов, значит, и я сдержу свое обязательство договора. А вот и моя оплата: мистер Джеймс Бонд. Как и обещал.

— Безусловно. — Было не понятно, доволен ли Коля, или напротив — рассержен. А единственное слово, прозвучавшее из его уст, просто выразило тот факт, что какой-то договор был действительно выполнен.

— Фюрер, а может… — начала Пола.

— Фюрер? — внезапно взорвался Бонд. — Вы зовете этого человека фюрером? Вождем? Да вы сумасшедшие! Все вы! А в особенности вы! — Он ткнул пальцем в сторону человека за столом. — Аарнэ Тудеер, военный преступник Второй Мировой войны, в розыске. Офицеришка СС, награжденный этой, якобы, честью нацистами, теми, кто сражался с финскими отрядами против русских — против Колиного народа! А что теперь? Умудрились собрать вокруг себя мелкую группировку фанатиков, одели их, как голливудскую массовку, развешали тут эти декорации, и после этого вы хотите, чтобы вас называли фюрером!? Аарнэ, что вы затеяли? Чего вы добьетесь? Ну проведете парочку удачных терактов, ну укокошите энное количество коммунистов. Какой же это успех? Смех да и только! Аарнэ Тудеер — одноглазый король в царстве слепых! Одноглазый, да и косоглазый в придачу.

Его эмоциональный взрыв, тщательно рассчитанный на то, чтобы спровоцировать максимум ярости, был грубо и резко прерван: человек, которого Бонд знал как Брэда Тирпица, вскочил из своего кресла и с силой ударил его наотмашь по челюсти.

— Тихо! — скомандовал фон Глёда. — Тихо!

Сядь, Ганс. — Он посмотрел на Бонда, который почувствовал на губах солоноватый привкус крови. «Ну, Ганс, или Тирпиц, или как там тебя еще, — подумал Бонд, — держись! Теперь за мной должок, и при первом же случае ты получишь его».

— Джеймс Бонд. — Глаза фон Глёды стали совсем остекленелыми. — Вы находитесь здесь только для одной цели. И со временем я вам объясню, для какой. Тем не менее, — он замолчал, потом повторил, — тем не менее у меня есть кое-что, чем бы я хотел с вами поделиться. И есть кое-что, чем, я просто уверен, поделитесь со мной вы.

— А кто этот кретин, выдававший себя за Брэда Тирпица? — Однако, как ни старался Бонд разозлить графа, тот оставался невозмутим: настоящий бывалый вояка, привыкший к беспрекословному повиновению и получавший от своей безграничной власти явное удовольствие.

— Это Ганс Бухтман, мой рейхсфюрер СС.

— Ваш Гиммлер? — Бонд рассмеялся.

— Ну, мистер Бонд, не вижу здесь ничего смешного. — Граф слегка повернул голову. — Г анс, подожди снаружи, я тебя потом позову.

Тирпиц, или Бухтман, щелкнул каблуками,

отдал хорошо всем известный нацистский салют и вышел из комнаты. Фон Глёда обратился к Коле. — Дорогой мой Коля, я прошу меня извинить, но нашему делу придется подождать пару часов, возможно день. Можешь оказать мне такую любезность?

Коля кивнул:

— Думаю, да. Мы заключили сделку. Я свое обязательство выполнил. Товар доставил прямо вам в руки. Чего мне терять?

— Действительно, Коля. Чего тебе терять? Пола, присмотри за ним. Вместе с Гансом.

Со словом «фюрер» девушка отдала салют, взяла Колю за руку и вывела его из комнаты.

Бонд тем временем внимательно изучал человека, сидевшего перед ним. Если это был настоящий Аарнэ Тудеер, то за своим внешним видом и здоровьем он следил исключительно внимательно. А вдруг.? «Нет, — подумал Бонд, — хватит фантазировать». И так уже слишком много неожиданных поворотов: Ривка исчезла; Тирпиц, оказывается, вовсе не Тирпиц; Пола замешана в каком — то чудовищном нацистском кошмаре; операция «Ледокол» провалена; а его, Джеймса Бонда, держат в фюрербункере на территории России, у самой границы, в Заполярье!

— Отлично, теперь я могу говорить. — Фон Глёда встал и сложил руки за спину — высокая стройная фигура, солдат с головы до ног. Ну что ж, подумал Бонд, по крайней мере он не похож на мелкого военного авантюристишку, которым, несомненно, являлся Гитлер. Этот был высоким и крепким и, судя по всему, обладал хитростью и сноровкой настоящего полевого командира.

Бонд плюхнулся в кресло. Ждать приглашения он не собирался. Фон Глёда встал напротив, изучая его свысока.

— Буду с вами откровенен, чтобы вы не питали никаких иллюзий, — начал самозванный фюрер, — ваш резидент в Хельсинки, через которого вам надлежало работать…

— Да, да, я слушаю? — Бонд улыбнулся.

Телефонный номер был единственным каналом связи с их резидентом в Хельсинки. И хотя на инструктаже в Лондоне ему приказали воспользоваться их человеком в Финляндии, Бонд даже не подумал этого сделать: многолетний опыт научил его, что резидентов следует избегать как чумы.

— Ваш резидент, выражаясь по-модному, был «убран», как только вы выехали в Арктику.

— А-а, — загадочно произнес Бонд.

— Предосторожность. — Фон Глёда махнул рукой. — Грустно, но что поделаешь. Брэд Тирпиц был заменен. Правда, из-за моей блудной дочеры мне приходилось быть постоянно настороже. Коля действовал под моим руководством. И у вашей организации, и у ЦРУ, и у Моссада — у вас у всех убрали резидентов, а контактные телефоны, или в случае с Моссадом — радио, контролировались моими людьми. Поэтому, дружище, не ждите, что к вам на помощь прискачет целая кавалерия.

— А я и не жду никакой кавалерии. Я не доверяю лошадям. Слишком уж эти твари непредсказуемы. Ну а после той заварушки в Балаклаве — «Долине смерти» — вообще не хочется прибегать к кавалерии.

— А вы — большой юморист, Бонд. В особенности, для человека в вашем положении.

Бонд пожал плечами.

— Я лишь один из многих, Аарнэ Тудеер. За мной таких сотня, а за ними — еще тысяча. Такая же смена Тирпицу и Ривке. О Коле я не говорю, потому что не понимаю его мотивов. — На секунду он замолчал и продолжил. — А причину вашей мании может объяснить любой начинающий психиатр. Спросите, какая мания?

Навязчивая идея создания крупной неонацистской террористической группировки. Всемирной организации. Ведь, глядишь, а со временем терроризм станет чем-то вроде идеала, ради которого стоит бороться! Ваше движение разрастется! Вы превратитесь в силу, с которой придется считаться на мировой политической арене. А потом — бац! и вам удалось то, чего не удалось Гитлеру: всемирный Четвертый рейх! Все ведь так просто! — Бонд сухо рассмеялся. — Просто, но это не сработает. Уже никогда. Удивляюсь, и как это вам удалось увлечь за собой — пускай даже временно — такого человека, как Мосолов? Высокопоставленного офицера КГБ, преданного делу своей партии?

Фон Глёда спокойно взглянул на Бонда.

— Вы знаете Колин отдел в Первом управлении КГБ, мистер Бонд?

— Нет. Как-то не довелось.

На лице фон Глёды замерла тонкая улыбка, глаза были тверды как алмазы, не шелохнулся ни один мускул лица.

— Он из отдела «В». Это отдел, который когда-то давным-давно назывался СМЕРШ.

Бонд постепенно начал все понимать.

— У СМЕРШ есть одна вещица, которая, насколь-

ко я знаю, на криминальном жаргоне именуется «черным списком». В этом списке — имена людей, которых они желают заполучить — но не мертвыми, а живыми. Угадайте, Джеймс Бонд, чье имя в этом хит-параде стоит первым?

Бонду не нужно было и догадываться. СМЕРШ претерпел множество изменений, но свою отличную память этот отдел Российской Секретной службы не утратил.

— Мммм, — кивнул фон Глёда. — Вы разыскиваетесь за подрывную деятельность и преступления против государства. Смерть шпионам, мистер Бонд. Сообщу вам немного полезной информации перед смертью: Джеймс Бонд — номер один в списке СМЕРШ, и, как вы сами хорошо знаете, уже очень давно. Видите ли, все дело в том, что мне была нужна помощь определенного характера. Что-то, что помогло бы мне… Как бы это сказать?.. Отмазаться перед одним джентльменом из КГБ. Да, да. Даже у КГБ есть своя цена, как и у всех. Их цена были вы, Джеймс Бонд. Вы, доставленный сюда целым и невредимым. Вы купили мне время, оружие и путь в будущее. Когда я закончу с вами, Коля заберет вас в Москву, в то очаровательное заведеньице на площади Дзержинского. — Теперь на лице графа не было даже намека на

улыбку. — Они очень долго этого ждали. Но если на то уж пошло, то и мы тоже. Мы ждали с 1945 года. — Он плюхнул свое длинное тело в кресло напротив Бонда. — Позвольте, я расскажу вам всю историю целиком. И, быть может, вы убедитесь, что я все же построю Четвертый рейх и будущее мировой политики, обдурив Советский Союз и продав им английского шпиона, Джеймса Бонда, которого они так жаждали заполучить. Глупые, глупые людишки! Поставить будущее своих идей на одного англичанина.

«Да у него с крышей не в порядке!» — подумал Бонд и задумался, а вдруг не только у него сложилось такое мнение о графе?.. «Слушай, — решил он. — Слушай каждое слово, которое скажет тебе фон Глёда. Слушай музыку и слова. И тогда, возможно, ты найдешь настоящий ответ, а вместе с ним и выход отсюда».

14. МИР ДЛЯ ГЕРОЕВ

— Когда война закончилась и фюрер умер благородной смертью в Берлине, — начал фон Глёда.

— Он принял яд и застрелился, — возразил Бонд. — Далеко не благородная смерть.

Фон Глёда, казалось, его не расслышал:

— Я подумывал вернуться в Финляндию и, быть может, даже спрятаться там. Да, я числился в списках Союзников, но скорее всего я жил бы в там в безопасности. В безопасности, но в постоянном страхе.

Чем дальше продолжалась история фон Глёды — скрывался в Германии, связался с нацистскими эвакуационными организациями Spinne (Паук) и Kameradenwerk, — тем больше Бонд понимал, что имеет дело далеко не с обыкновенным престарелым фашистом, живущим грезами о былой славе, умершей еще в берлинском Фюрербункере.

— Писатели назвали ее ODESSA (Организация бывших служащих СС), — с долей меланхолии произнес фон Глёда, — хотя, пожалуй, это чересчур романтичное название для подпольной группы, которая вытаскивала наших из лап

Союзников. Преданные офицеры СС проделали тогда грандиозную работу! У них хватило мозгов предвидеть, чем все это закончится.

Как и многих других, Аарнэ Тудеера мотало с места на место.

— Вы, конечно, знаете, что Менгеле — «ангел смерти» из Аушвица — после войны целых пять лет преспокойно жил инкогнито в родном городке. Правда, со временем нам всем пришлось бежать.

Сперва фон Глёда вместе со своей боевой супругой переехал в Аргентину, а позже он оказался в авангарде тех, кто спрятался в хорошо защищенном лагере, в труднодоступных джунглях Парагвая.

— Там были все — те, кто в розыске: Мюллер, Менгеле, даже Борман. Да, да, Борман остался в живых. Сейчас его уже нет. Однако он все же сбежал тогда из берлинского бункера и прожил еще много лет. Когда Борман был на смертном одре, к нему даже приехал один американский писатель. Позже он издал книгу, которую, разумеется, никто не воспринял всерьез, а ведь в ней была написана правда!

С каждым днем Аарнэ Тудеер — имя тогда он еще не сменил — становился все больше и боль-

ше недоволен своей компанией.

— Они вели себя как дешевые актеришки, — огрызнулся он. — Когда Перон был у власти, все они, конечно, повылезали. Даже проводили съезды и митинги. Конкурс красоты «Мисс Наци 1959»! Наконец-то, мечта фюрера воплотилась! — Он злобно, с отвращением фыркнул. — Это были одни разговоры! Ленивая болтовня. Они жили всего лишь мечтами. Они подчинились своим мечтам. Растворились в них. Они потеряли смелость. Забыли о былом героизме. Перестали понимать сущность идеологии, которую преподнес им Гитлер!. Понимаете, мистер Бонд. Я убежден, что Адольф Гитлер был единственным, кто мог управлять этой машиной. Единственным, кто обладал силой воли и стремлением подарить людям настоящий мир при национал-социалистическом режиме. Другие? Отбросы, какими были с самого начала. Гитлер был на голову выше любого лидера своего времени. Взгляните хотя бы на его современников — фашистов. Да, Франко выжил, но его проклятье — мозги клерка из провинциального городка. Ни виденья, ни амбиций. После гражданской войны ему было проще некуда достичь своего.

— А Муссолини? — спросил Бонд.

В это раз фон Глёда хохотнул:

— Этот лавочник? Ленив и тщеславен, как сутенер. Не напоминайте мне о Бенито Муссолини. И о тех, кто появился за последние годы. Нет, Бонд, на свете существовал только один единственный настоящий Вождь. Гитлер. Гитлер был прав. Если национал-социализм и сгорел дотла, то ему суждено как фениксу восстать из своего пепла. В противном случае, коммунизм успеет заполонить Европу еще до конца этого века, а потом и весь мир.

Вскоре фон Глёда стал уверять горстку тех, кто еще жил мечтами, что главный удар надо нанести, когда в мире настанет хаос, когда мир потеряет цели и идеи, когда все начнут в панике искать вождя, который смог бы повести их за собой. «И тогда пробьет наш час, — заявил им он. — Коммунистический режим обязательно замнется перед своим решительным броском».

— Но все случилось совсем не так. — Бонд знал, что его единственная надежда — найти с этим человеком общую точку зрения, как у заложника, который должен расположить к себе террористов.

— Разве? — Тут граф даже рассмеялся. — Да получилось даже лучше, чем мы могли себе пред-

ставить! Вы посмотрите, что в мире творится! Советы проникли в профсоюзы и правительства всего Западного мира, начиная от Британии и заканчивая Америкой. Они копают под самих себя. Ведь согласитесь, что Восточный блок медленно рушится!

Тут, конечно, Бонд был полностью с ним согласен. И каким бы сумасшедшим фон Глёда не был, он попал в самую точку. Для своего возрождения старой нацистской идеологии следовало начинать в форме очередной, так называемой, террористической группировки. В этом случае ее возьмут в штыки, а потом забудут, как очередную горстку фанатиков, которая рано или поздно сама развалится. Вот только фон Глёда успешно убеждал, что она не развалится.

— В прошлом году мы заявили о себе миру и провели несколько хорошо спланированных операций. «Трипольский инцидент» была первой из них. В этом году все будет по-иному. В этом году мы лучше вооружены и экипированы. У нас больше единомышленников. Мы получим доступ в правительства. На следующий год начнет действовать наша Партия. Легально. Пройдет еще два года — и мы станем настоящей политической силой! Гитлер будет оправдан! Порядок будет

восстановлен! А коммунизм — наш общий враг — будет стерт из истории! Люди жаждут порядка! Нового порядка! Это будет мир для героев! Без холопов и жертв режима!

— Без жертв? — с интересом переспросил Бонд.

— Вы понимаете, о чем я, Бонд. Конечно, отбросам там будет не место. Уберем отбросы — и останется высшая раса. Но не немецкая высшая раса, а европейская высшая раса.

В возможности всего этого Аарнэ Тудеер умудрился убедить нескольких самых старых нацистов в Парагвае.

— Шесть лет назад, — гордо сказал он, — они выделили мне огромную сумму наличными. Почти все, что было на счетах швейцарских банков. Дело в том, что еще в конце шестидесятых я поменял паспорт и фамилию. Хотя лучше будет сказать: получил фамилию заново. Между моим родом и теперь уже несуществующими фон Глёдами действительно существуют кровные узы. Вот. Потом время от времени я приезжал в Парагвай. А четыре года назад с головой ушел в работу. Я исколесил мир, Бонд, организовывал, планировал, отсеивал зерна от шелухи. Я хотел начать проводить теракты в прошлом году.

— Фон Глёда явно увлекся своим рассказом. —

Проблема, как всегда, была в оружии. Людей я мог обучить — у меня множество отрядов, полно опытных инструкторов. Другое дело оружие. Мне было бы нелегко покупать его от имени ООП (Организация Освобождения Палестины), Красных бригад или, скажем, от ИРА (Ирландская Республиканская Армия).

Фон Глёда вернулся в Финляндию. Его организация начинала постепенно формироваться. Оружие и секретный штаб были его основными проблемами. И тогда у него возникла идея…

— Я приехал сюда. Я хорошо знал эти места. Помнил здесь каждый камушек.

В частности он помнил об одном бункере, который был построен русскими, а позже укреплен немцами. Фон Глёда переехал в Саллу и прожил там шесть месяцев. Все это время он тайно посещал Россию, пользуясь контрабандными путями через границу. Граф был поражен: основная часть бункера осталась нетронутой! И тогда он официально, от имени Финского Министерства торговли обратился к Советским властям.

— Пришлось поторговаться, но в итоге они все же позволили мне проводить здесь работу: поиск подземных минералов. Каких — они не вдавались в детали, а я не заострял особого внимания.

Ведь это было хорошее вложение капитала! И Советы ничего не теряли.

Прошло еще шесть месяцев, и с помощью команды, набранной из Южной Америки, Африки и даже Англии, бункер был заново перестроен. К этому моменту фон Глёда наладил связи с двумя местными оружейными складами.

— Один из них закрыли в прошлом году. Там я достал транспорт. Я достал «бэтээры», — он ударил себя в грудь, — и Я заключил сделку с этими предательскими тупорылыми мордами в «Русаке». Идиоты! Продали себя за гроши…

— Себя и уйму техники — ракет, которые, как я полагаю, вы еще не использовали. — Упомянув этот факт, Бонд получил взамен резкий взгляд.

— Потерпите немного, — кивнул фон Глёда. — Еще год — и мы прибегнем к тяжелой технике. И не только к ней.

Тишина.

Быть может, фон Глёда ждал поздравлений? Возможно.

— Я смотрю, удача буквально плыла прямо вам в руки, — сказал Бонд тоном диктора, читавшего по радио дешевый пародийный детектив, однако фон Глёда воспринял его всерьез.

— Да. Да, думаю так оно и сеть. Шутка ли —

скупать оружие у русских солдат, у которых нет ни капли патриотизма. Не говоря уже о том, что они так и не поняли, с кем имеют дело! Болваны! Кретины!

Вновь тишина.

— Получается, что и весь мир им подстать? — предположил Бонд.

— Мир? Да. Власти им подстать. Но они еще прибегут ко мне как миленькие. Не знаю, почему я вам все это рассказываю, Бонд. Наверное, потому что вы единственный, перед кем я могу похвастаться. Да, по-настоящему похвастаться нашими достижениями. Здесь, в этом бункере, сейчас находится тысяча мужчин и женщин. Пять тысяч человек по всему миру ждут моих указаний. Армия растет с каждым днем. Мы совершаем атаки на главные правительственные центры Европы и Соединенных Штатов. Каждая спланирована до последней детали! Военная техника готова к перебазировке. После следующего удара мы пустим в ход дипломатию. Если это не сработает — снова действия, а потом — опять дипломатия. В итоге у нас будет самая мощная армия и самое большое число единомышленников в Западном мире!

— В мире для героев? — Бонд кашлянул. — Нет,

сэр. У вас не хватит людей и оружия.

— Не хватит оружия? Сомневаюсь, мистер Бонд! За эту зиму мы уже вывезли массу оружия! На «бэтээрах» и вездеходах, загруженных до самых краев! Прямо через непроходимые леса Финляндии. Сейчас эта партия ждет дальнейшей переброски под видом станков и запчастей для фермерской техники. Теперь у меня весьма хитрые методы доставки снабжения моим войскам.

— Мы знали, что вы переправляете оружие через Финляндию.

Фон Глёда даже засмеялся:

— От части потому, что я хотел этого. Правда, есть вещи, которые вам не следует знать. Теперь, с этой последней партией товара, я готов передислоцировать свои силы на европейские базы. Бункеры уже приготовлены. И это, как вы понимаете, одна из проблем, касающихся вас.

Бонд в недоумении нахмурился, но самозванный вождь нового Рейха уже принялся рассказывать о том, как он договорился с людьми в «Русаке».

Выгодная торговля, налаженная с сержантским составом из «Русака», некоторое время шла довольно успешно. Но однажды в «Ледяной дворец» прижал начальник их склада. (По словам фон

Глёды: «человек не особо дальновидный».) Он был в панике. На базе внезапная ревизия! Приехавшие два полковника, извергая гром и молнии, обвиняли всех и вся, включая самого.

Начальника склада. Фон Глёда предложил ему с подобающим офицеру достоинством потребовать у ревизоров, чтобы КГБ провело полное расследование.

— Я знал, они клюнут на это. Что мне нравится в русских, так это их умение переводить стрелки. Начальник склада и его люди попались, а ревизоры были в ужасе от количества пропавшей техники. Выражаясь образно, они оказались «под перекрестным огнем». Каждому хотелось сбросить эту проблему на кого-нибудь другого. На кого же, как не на КГБ? — предложил я.

Да, граф фон Глёда продемонстрировал идеальное чувство самосохранения, тут Бонд был согласен. Третье управление (Вооруженные Силы) непременно захотело бы скрыть подобный инцидент. Исчезновение в снегах Арктики такого громадного количества боевой техники и боеприпасов Третьему управлению не пришлось бы по вкусу. Кем бы этот самозванный фюрер ни был, но он показал себя прекрасным стратегом и знатоком русского менталитета. Граф понимал:

за ГРУ расследование закончит Отдел «В». И ясно почему: если в дело вступит Отдел «В», он не оставит ни единого следа — никакой пропавшей боевой техники и никого, кого можно было бы потом допросить. Абсолютная чистка: не исключено, что на оружейном складе произошло бы ужасное ЧП — например, взрыв, который унес бы жизни всего персонала.

— Я приказал этому придурковатому русскому, чтобы тот посоветовал связаться со мной первому же визитеру из КГБ. Сперва в «Русаке» появились гэрэушники. Они задержались всего на пару дней. Потом приехал Коля. Мы с ним выпили. Вопросов он не задавал. И я прямо спросил его, чего бы ему хотелось больше всего на свете для повышения по службе? И мы заключили сделку. Прямо в этом кабинете. «Русак» исчезнет через неделю. Никакой шумихи. И никаких денежных операций. Коле нужно было только одно. Вы, мистер Джеймс Бонд. На тарелочке. Я лишь играл роль обыкновенного марионеточника: сказал ему, как выманить вас, чтобы доставить ко мне, и дать мне пару часов на разговор с вами. Затем Отдел «В», с которым вы так часто сталкивались как со СМЕРШ, получает вас. Живым. Или же мертвым.

— А вы продолжите строить Четвертый рейх? — спросил Джеймс Бонд. — После чего весь мир заживет на веки счастливо?

— Что-то в этом духе. Но я что-то заговорился. Мои люди ждут. Они хотят поговорить с вами…

Бонд поднял руку.

— Хоть я и не вправе задавать вам вопросы, и все же я посмею спросить: эту подставку с совместной операцией придумали тоже вы?

Он кивнул.

— Я объяснил Коле, как все обставить и заменить людей. Правда, я не просил, чтобы Моссад представляла моя блудная доченька.

— Ривка. — Бонд вспомнил их ночь в отеле.

— Да, так она теперь себя называет. Насколько я знаю. Ривка. Будете хорошо себя вести, мистер Бонд, и я, возможно, сжалюсь и разрешу вам повидать ее перед отъездом в Москву.

Так значит, она жива! Она здесь, в «Ледяном дворце»! Бонд сделал над собой усилие внешне не проявлять никаких эмоций. Он просто пожал плечами.

— Вы сказали, что со мной хотят поговорить ваши люди?

Фон Глёда вернулся за свой стол.

— Не сомневаюсь, что шишкам из Москвы не

терпится вас заполучить, но моя разведка тоже хочет поговорить с вами об одной проблеме.

— Правда?

— Правда, мистер Бонд. Нам известно, что ваша Секретная служба держит одного из наших — солдата, который не выполнил свой долг.

Бонд пожал плечами, на его лице застыло выражение наигранного недопонимания.

— Все мои солдаты преданы мне. Они знают, что главная Цель — прежде всего. Это причина нашего успеха. Никто не сдается в плен. Каждый член НСДА дает клятву, что скорее примет смерть, нежели замарает честь солдата. За последний год ни в одной операции никто из моих людей не был взят живым! Никто, кроме… — фраза повисла в воздухе неоконченной. — Ну? Может, вы расскажете, Джеймс Бонд?

— Мне нечего вам рассказывать. — Это прозвучало мягко и спокойно.

— А я думаю, есть. Операция, в которой мои люди уничтожили трех Британских подданных при выходе из Советского посольства. Вспоминайте, вспоминайте, Бонд.

Бонд уже вовсю напряженно обдумывал ситуацию. Он вспомнил инструктаж и мрачное лицо М, когда тот упомянул о допросе солдата

НСДА, которого держали под арестом в здании Штаба. Солдата, который пытался застрелиться. Что тогда сказал М? «Прицел у него сбился». И никаких деталей.

— Я предполагаю, — голос фон Глёды понизился почти до шепота, — я предполагаю, что любую информацию, выбитую из этого пленника, должны были предоставить вам на инструктаже перед тем, как отправить вас к Коле. Я хочу узнать. я должен узнать, как много этот предатель вам рассказал. И вы мне об этом расскажете, мистер Бонд.

Бонд умудрился выдавить из своего пересохшего горла смешок.

— Вы извините, фон Глёда…

— Фюрер! — взвизгнул фон Глёда. — Как и все, вы будете называть меня «фюрером!»

— Финского офицера, перебежавшего к нацистам? Финского немца с манией величия? Я не могу назвать вас «фюрером». — Бонд произнес это тихим голосом, еще не ожидая, в какую ответную тираду выльется его заявление.

— Я не признаю никаких национальностей! Я не финн и не немец! Вы спросите: а не Геббельс ли пропагандировал идеи Гитлера? А я скажу, что это немецкий народ не имеет права на существо-

вание! Потому что они не оправдали себя! Они не смогли проникнуться великой нацистской идеологией! Они сгинут с этого света, и родится новая Партия! Она-то и продолжит дело.

— Но пока что никто никуда не сгинул.

— Это не важно. Я предан Партии и Европе. Всему миру. Сейчас рдеет рассвет Четвертого рейха! И любой, даже маленький клочочек информации, важен для меня. И вы дадите мне его!

— Я ничего не знаю ни о пленнике, ни о допросе.

Фон Глёда внезапно вскочил, его лицо задергалось в бешеных конвульсиях. Глаза пылали.

— Вы будете говорить и расскажете мне все, о чем знаете! Все, что известно Британской Секретной службе об НСДА.

— Мне нечего вам рассказывать, — повторил Бонд. — Не можете же вы заставить меня говорить о том, о чем я не знаю! Да и что вы со мной можете сделать? Чтобы продолжить свое дело Партии, вы должны передать меня в Колины руки! Уговор дороже денег!

— О, мистер Бонд, не будьте таким наивным. Своих людей и боевую технику я могу вывести отсюда за двадцать четыре часа. Коля тоже продал душу своим амбициям. Ему кажется, что он

обретет власть, если ступит на площадь Дзержинского с вами — с человеком, которого уже так давно хочет заполучить СМЕРШ. Вы что думаете? его начальство знает, чем он тут занимается? Конечно же, нет! Коля хитер — как и всякий хороший разведчик или солдат. Отделу «В» Первого управления известно лишь то, что он ищет здесь пропавшую боевую технику. Никто и не сунется его искать. Понимаете теперь, Джеймс Бонд? Вы купили мне время, только и всего. Шанс завершить мою маленькую сделку и возможность убраться отсюда. Колю Мосолова можно пустить в расход. Равно как и вас.

Бонд лихорадочно размышлял. Неонацистские террористы фон Глёды и в правду за прошлый год натворили много бед. М самолично утверждал, что все Западные правительства воспринимают Национал-Социалистическую Действующую Армию абсолютно всерьез. Бонд вспомнил мрачные предупреждения М после разговора о пленном солдате НСДА. Вполне логично предположить, что этот парень выложил Секретной службе массу полезнейшей информации: и о мощи фон Глёды, и о его потайных базах. Вывод: Сикрет Сервис, а может и не только она, уже знает, где находится секретный Штаб фон Глёды, и не исключено,

что при помощи специалистов аналитиков уже установлены все возможные варианты расположения будущего командного поста.

— Значит, меня можно пустить в расход из-за одного единственного пленника, — начал Бонд. — Одного, которого либо держат, либо не держат мои люди. Очень трогательно, если вспомнить о миллионах, которых ваш предшественник согнал в лагеря, уничтожил в газовых камерах и сгноил рабским трудом. Теперь все зависит от одного единственного человека.

— Очень остроумно, Бонд, — сухо отметил фон Глёда. — Но если б все было так просто. На самом деле все гораздо сложнее. Посему прошу вас, отнеситесь к этому соответствующим образом. Рисковать я не могу.

На секунду граф замолчал, словно размышляя, как проще объяснить Бонду создавшуюся ситуацию. Наконец он заговорил:

— Понимаете, никому из присутствующих здесь, даже людям из моего Генштаба, неизвестно точное местоположение моего нового Командного поста. Ни Коле, которому я показал путь к власти, даже скажем, проложил путь к власти. Ни Поле, ни Бухтману-Тирпицу. Никому. Но, к несчастью, есть несколько человек, которые

— хотя и несознательно — все же держат у себя в головах эту информацию. Разумеется, в первую очередь это те мужчины и женщины, которые в данную минуту находятся там. Но есть и другие. Например, люди, ответственные за операцию в Кенсингтон Палас Гардэнс, у ворот Советского Посольства. Дело в том, что отсюда они были направлены на новый Командный пост, на инструктаж, и уже оттуда отправились в Лондон на задание. Отчитались все кроме одного. По моим сведениям он не покончил с собой и угодил в лапы вашей организации. Он опытный парень, но даже бывалый офицер может попасть в ловушку. Ну а теперь, мистер Бонд, просто сложите одно с другим. От вас я хочу услышать две вещи. Первое: выдал ли он вам место расположения моего нового штаба, где я намереваюсь вскоре обосноваться; и второе: где его держат?

— Я не знаю ни о каком пленнике.

Фон Глёда обдал Бонда совершенно спокойным взглядом.

— Возможно, вы говорите правду. Сомневаюсь, конечно, но кто знает. Мне нужна правда, Бонд. Я почти уверен, что вы знаете, где он и что он рассказал. Только полный дурак послал бы вас на задание, не снабдив всеми деталями.

«Быть может, фон Глёда, ты и умен, — подумал Бонд. — Ты, несомненно, осмотрителен и хитер. Однако, судя по твоей последней реплики, ты ни черта не смыслишь в вопросах системы безопасности. И зря ты назвал М дураком»!

— Вы думаете, что мне сообщили бы все детали? — Бонд склеил снисходительную улыбку.

— Я уверен в этом.

— Тогда получается, что полный дурак — вы, сэр, а не мои шефы.

Фон Глёда издал грубый, короткий смешок.

— Ладно, упирайтесь себе. Но я не могу рисковать. Я все равно доберусь до правды. Мы знаем, как довести человека до грани. Если вам нечего сказать, вы ничего и не скажете, и тогда я буду знать, что мне нечего бояться. Если же вам известно хотя бы место, где держат моего человека, то эту информацию я тотчас же передам в Лондон. Его, конечно, могут держать в самых недоступных местах, но моя лондонская команда все равно достанет его. Не успеете оглянуться.

Мог ли один из отрядов фон Глёды проникнуть в штаб Секретной службы? Очень сомнительно, но проверять это не хотелось.

— А что если меня сломят и я солгу? Что если я скажу: да, есть такой пленник — хотя, уверяю вас,

мне ничего о таковом не известно — и он выдал нам всю нужную информацию?

— Тогда получится, что вам известно местоположение нового Командного поста, мистер Бонд. Видите, как ни крути, а вам не выиграть.

«Железная логика! — подумал Бонд. — Ты же различаешь только черное и белое!»

— И вот еще что, — фон Глёда поднялся. — Мы, мистер Бонд, здесь придерживаемся старых и проверенных методов допроса. Они очень болезнетворны, но зато очень эффективны. Я не доверяю Колиной методике «химических допросов». Вас, мистер Бонд, ждет, мягко говоря, исключительный дискомфорт. Я собираюсь довести вас до болевого порога. Доктора говорят, что еще не родился тот человек, который бы не сломился под той пыткой, которую мы для вас приготовили.

— Но я ничего не знаю.

— Тогда вы не расколитесь, чем вы меня в этом и убедите. А пока, отчего не избежать худшего? Расскажите мне о пленнике, где его держат, что он рассказал.

Секунды неумолимо бежали, в голове Бонда почти слышалось тиканье часов. Ему даже показалось, что откуда-то издалека доносилось пение,

голоса из прошлого, певшие старую нацистскую песню:

И в последний раз винтовка заряжена…

И скоро знамена Гитлера будут развиваться над баррикадами.

Это была песня Хорста Весселя — гимн, который помог сплотить первую нацистскую партию. «Хорст Вессель», фашистский салют, коричневая форма, и приветствие «Хайль Гитлер», которое перетекало в бушующие, истерические вопли «Зиг Хайль… Зиг Хайль…»

Открылась входная дверь, и в кабинет Тирпиц-Бухтман, за ним — два охранника в черной форме из приемной. Они вскинули руки в салюте, и Бонд внезапно понял, что в глубинах бункера и впрямь кто-то пел.

— Ганс, ты знаешь, какую информацию мне нужно вытащить из этого человека, — скомандовал фон Глёда. — Используй все свои силы для убеждения. Действуй.

— Jawohl, mein Fuhrer (слушаюсь, мой фюрер). — Синхронно поднялись руки и щелкнули каблуки.

Охранники навалились на Бонда, схватив за локти. Запястья сковали наручники, и сильные руки потащили его из комнаты. Бонда отвели не

дальше приемной. Тирпиц-Бухтман подошел к стене, покрытой гобеленом, и одернул его в сторону. Под гобеленом оказалась потайная дверь, которая со щелчком открылась.

Бухтман исчез за дверью, следом за ним — охранник, который ухватил Бонда за куртку. Другой крепко держал агента 007 за наручники. Один шел спереди, другой — сзади. Бонд понял почему: миновав дверь, они втиснулись в узенький и низкий коридорчик, где еле-еле мог пройти один человек.

Пять-шесть шагов, и стало ясно, что коридор идет под уклон. Внезапно они оказались у лестницы с голыми каменными ступеньками, освещенной тусклыми синими лампочками, которые были установлены на стенах через определенный интервал. Перилами служила веревка, просунутая через кольца, которые были вделаны в стену.

Они спускались долго — лестница была очень длинной. Поначалу Бонд пытался вычислить глубину, но вскоре отказался от этой затеи. Ступеньки становились все круче и круче. Вскоре они оказались на маленькой площадке со входом в открытую камеру. Здесь Бухтман и пара охранников одели тяжелые шубы и варежки. Бонду

шубы не предложили, а он, даже в уличной одежде, начинал ощущать лютый холод, похоронно веявший из черной бездны.

Они продолжили спуск. Ступеньки становились скользкими. Стены были покрыты льдом. Они все шли и шли, все ниже и ниже, пока наконец не оказались в ярко освещенной круглой каменной пещере, полом которой служила толстая корка чистого льда. Потолок пересекала крест на крест пара деревянных балок. К ним была прикреплена лебедка с блоком, на котором висела длинная массивная цепь с крюком на конце.

Один из эсэсовцев, держась рядом с Бондом, достал свой пистолет. Второй эсэсовец открыл большой металлический ящик, инкрустированный льдом, и вытащил из него маленькую бензопилу. От их дыхания промерзшая темница наполнилась густыми облаками. Когда пилу включили, Бонд учуял запах бензина.

— Мы следим за ней очень бережно! — Бухтман не утерял американский акцент Тирпица. — О'кэй, — кивнул он эсэсовцу с пистолетом. — Раздевай эту сволочь.

Бонд почувствовал, что чьи-то руки начали его раздевать, и увидел, как бензопила впилась в пол

камеры, расшвыривая повсюду кусочки льда. Даже в одежде холод приносил зверскую боль. Теперь же, когда верхнюю одежду сорвали, его тело будто бы обернули в пальто на подкладке из острых иголок.

Бухтман кивнул в сторону человека с бензопилой.

— Он выпиливает для тебя отличную ванну, старина Джеймс, — он засмеялся. — Сейчас мы находимся глубоко-глубоко под главным уровнем бункера. На этом месте — маленькое подземное озеро, чьи воды летом поднимаются выше. Сейчас ты вдоволь накупаешься в нем, Джеймс Бонд.

Пока Бухтман говорил, бензопила прогрызла пласт изо льда, оказавшийся толщиной по крайней мере в треть метра. Затем эсэсовец начал выпиливать что — то вроде круга, центр которого находился точно под цепью с крюком, со звоном болтавшейся на лебедке.

15. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ХОЛОД

С Джеймса Бонда сняли наручники. Однако к тому времени он уже слишком замерз, чтобы сопротивляться. Затем его раздели по пояс — ощутимой разницы не почувствовалось. Он едва мог пошевелиться, и даже внутреннее желание задрожать от холода казалось неисполнимым.

Один из эсэсовцев вытянул руки Бонда вперед и вновь защелкнул на них наручники. Ощущение — будто метал был раскален до красна.

Бонд начал сосредотачиваться. Попробуй что-нибудь вспомнить, мысленно говорил он себе. Забудь о холоде… Закрой глаза… Найди одну единственную точку во всей вселенной и жди, пока она расплывется…

Раздался звон цепи, и Бонд скорее услышал, нежели почувствовал, как его вешают за скованные руки на крюк. Когда его подвесили, на какое-то мгновение он потерялся в пространстве. «Ррррррррх…Рррррррррхх…Ррррррррхххх…» — рычала цепь. Земля ушла из-под ног, Бонд завертелся и заболтался на поднимающейся цепи. Нахлынула резкая боль: это наручники впились

в запястья. Вздернутые руки чуть не выскочили из суставов. Вновь онемение. И уже не имел значение тот факт, что вес тела пришелся на руки, плечи и запястья: замораживающая температура действовала анестезирующе. Сейчас имело значение только вращение и болтание, и это показалось Бонду странным. Раньше он всегда успешно переносил сложные виражи в полетах, упражнения высокоскоростной аэробатики и прочие тесты, входившие в ежегодную проверку. Однако сейчас его потянуло блевать, когда болтания стали более регулярными, как у маятника, и замедлилось вращение: сначала в одну сторону, потом — в другую.

Даже открыть глаза было больно. Бонд еле разлепил веки, на которых уже успел намерзнуть лед. Но он должен был это сделать, чтобы найти точку, на которой смог бы сфокусировать свое внимание.

В глазах замелькали обледенелые стены, играя желтыми, красными и синими бликами от яркого света, струившегося с потолка. При вздернутых руках, на которые пришелся весь его вес, держать голову поднятой было просто невозможно.

Бонд уронил голову на грудь. Он увидел под собой огромный черный овал, похожий на глаз,

вокруг которого копошились люди. Глаз лениво вращался, прищуривался и косил по сторонам. И уже когда его тело и мозг почти окончательно закоченели, он понял, что этот глаз совсем не шевелится. Это была иллюзия — вращался только сам Бонд.

Холод, словно миллион острых игл, продолжал осаждать его тело. Казалось, они кололи одновременно везде, а затем собирались в кучу и атаковали то его скальп, то впивались в бедра, то царапали гениталии.

«Надо сосредоточиться!» — мысленно говорил себе Бонд, стараясь подготовить себя к предстоящему, но его тело совсем задубело, и стужа была барьером, холодной стеной, не допускавшей его мозг к работе. Давай же, повторял себе Бонд, сосредоточься, ну!

Когда вращение и болтание прекратилось, Бонд наконец смог разглядеть этот таинственный глаз: им оказалась круглая прорубь, в которой чернела студеная вода. Тем временем цепь постепенно ослабили, и теперь ноги Бонда зависли прямо над водой.

Раздался голос. Это был голос Тирпица-Бухтмана:

— Джеймс, приятель, это же будет очень боль-

но. Лучше говори сейчас, до того, как мы начнем. Ты же знаешь, что мы хотим выяснить? Просто ответь: да или нет?

«Что они хотят выяснить? — думал Бонд. — За что эта пытка?» Его мозг будто бы замерзал постепенно, по клеточке. «Чего им надо?»

— Нет, — Бонд услышал, как прохрипел его собственный голос.

— Твои люди держат одного из наших. Два вопроса: где его держат в Лондоне? И что он рассказал на допросах?

Человек? Держат в Лондоне? Кто? Когда? Что он сказал? На пару секунд в голове Бонда прояснилось. Солдат НСДА. Его держат в штабе на Ридженс — Парк. В чем он признался? Без понятия, но предположить не сложно: должно быть, парень рассказал много чего полезного. Молчи об этом.

Вслух Бонд сказал:

— Я не знаю ни о каком пленнике. И ни о каких допросах. — Эхо в пещере исказило его голос до неузнаваемости.

Откуда-то издалека донесся другой голос. Каждое слово Бонд силился разобрать и осмыслить.

— Ладно, Джеймс, упирайся. Через минуту я снова спрошу тебя.

Сверху раздался какой-то звон. Цепь. Его тело начали спускать к черному глазу. Почему-то у Бонда совсем пропало обоняние. Странно, при чем тут обоняние? «Сосредоточься на чем-нибудь другом», — мысленно приказал себе Бонд и сделал над собой усилие, настроившись на новую мысль. Летний денек. Деревня. Деревья утопают в зелени. Над лицом зависла пчела, и он чует (обоняние опять вернулось) запах травы и сена. Вдали — звук мирно урчащего трактора.

Ничего не говори. Ты ничего не знаешь. Осталось только сено и трава. Больше ничего. Ты ничего не знаешь.

Последний звон цепи Бонд услышал, когда его ноги уже коснулись середины черного глаза. Его мозг даже зарегистрировал тот факт, что вода уже успела затянуться коркой льда, после чего цепь ослабили, и он плюхнулся в прорубь.

Должно быть, Бонд непроизвольно вскрикнул, поскольку его рот наполнился водой. Летнее солнце. Дуб. Тяжелая цепь тянула его за руки ко дну. Он не мог дышать.

Нельзя сказать, что Бонд ощутил зверский мороз — скорее, просто дикую перемену: это мог быть как кипяток, так и ледяная вода. Когда прошел первый шок, он чувствовал только прон-

зительную, слепящую боль, которая объяла все его тело. Глаза как будто выжгли ярким-ярким светом.

Он все еще был жив, хотя понимал это только потому, что чувствовал боль. В груди бешено колотилось сердце, в висках била неистовая барабанная дробь.

Сколько времени его продержали под водой, он не знал. Бонд плевался и жадно глотал воздух, все тело дергалось в спазмах, словно марионетка в руках паралитика.

Открыв глаза, Бонд понял, что снова подвешен над глазом, высеченным во льду. В этот момент он и почувствовал настоящий холод: его судорожно затрясло, он закачался из стороны в сторону, а иголки превратились в шипы, саднившие кожу.

«Нет! — это сквозь боль от холода говорил его мозг. — Нет! Ничего этого на самом деле не происходит. Есть только трава, запахи лета, звуки лета: где-то поблизости едет трактор, ветер шелестит ветвями дуба».

— Ладно, Бонд. Это только начало. Ты слышишь меня?

Дышал он нормально, но голосовые связки, видимо, работали плохо. Наконец он выдавил:

— Да, слышу.

— Нам прекрасно известно, на сколько далеко можно зайти в этой пытке. Так что не обманывай себя. Мы пойдем дальше. И дойдем до самого предела. Где именно в Англии держат нашего человека?

Бонд услышал свой голос, вновь показавшийся ему чужим:

— Я не знаю ни о каком пленнике.

— Что он рассказал твоим людям? И как много?

— Я ничего не знаю.

— Хорошо, продолжай упираться.

Раздался мертвенный звон цепи.

На этот раз его держали под водой долго. Тяжелая цепь тянула ко дну, он отчаянно пытался задержать дыхание. Красный туман вперемешку с белым светом, казалось, заполнил каждый мускул, каждую вену и орган. Потом — блаженство от наступившей темноты, которое тут же разорвала на куски боль, как только его голое тело, медленно раскачивающееся на цепи, вытянули из этого ледяного бассейна.

На холодном воздухе стало еще хуже. Теперь не иголки, а маленькие зверьки вгрызались и впивались в его одеревенелую плоть. Особо чувствительные органы пылали в агонии, и Бонд

отчаянно и безрезультатно пытался выскользнуть из наручников на крюке, желая прикрыть руками свой пах.

— В Англии держат в плену солдата Национал-Социалистической Действующей Армии. Где именно?

Лето. Попытайся… Попытайся представить лето. Но это было не лето, а лишь ужасные, острые зубки, грызущие кожу, мускулы, плоть. Солдат НСДА находился в штабе на Ридженс-Парк. А будет ли вред, если я расскажу об этом? Лето. Сочная зеленая листва.

— Ты слышишь меня, Бонд? Скажи нам, и все станет проще.

Бонд принялся вспоминать одну песенку про лето, но непослушные слова ускользали от него.

— Не знаю. О заключенном. ничего. не знаю… Ни о ком… — На этот раз голос прозвучал в голове, и предложение оборвалось, как только зазвенела цепь, потащив его в студеную жижу.

Бонд пытался высвободиться, нисколько не задумываясь о том, что он сделает или сделал бы, если бы снял наручники с крюка. Это был чистый рефлекс: тело, попавшее в среду, в которой не могло долго просуществовать, автоматически боролось за жизнь. Он чувствовал, что мускулы

не подчинялись, а мозг работал все хуже и хуже. Жалящая боль. Темнота.

«Все еще живой, снова болтаюсь на цепи», — отметил про себя Бонд, гадая: как далеко он ушел от жизни к той неизвестности теперь, когда вся ярко белая боль сконцентрировалась в голове и череп разорвало ослепительным, испепеляющим взрывом.

Раздался громкий голос, будто до него пытались докричаться издали:

— Пленник, Бонд. Где его держат? Не будь дураком. Мы же знаем, что он где-то в Англии. Просто скажи, где именно. Адрес. Где он?

Штаб моей Секретной Службы. Ридженс-Парк. Компания «Трансуорлд Экспорт». Он сказал это? Нет, ничего он не сказал, хотя в голове эти слова четко сложились, уже собираясь сорваться с языка.

Бонд снова принялся вспоминать слова песенки, но без толку: одни лишь обрывки строчек и слов, все вперемешку.

Его мозг ужалило множество змей. Затем раздался его же собственный голос:

— Какой пленник? Я не знаю ни о каком пленни…

Хруст корки льда вокруг него, затем — горячая

едкая жидкость, затем — зверская боль во всем теле. Его вытянули из воды. Он болтался, промокший, задыхающийся. Каждый квадратный сантиметр его тела, казалось, был растерзан на мелкие кусочки. Наконец его мозг вычислил основной источник боли: холод. Смертельный холод. Смерть от постепенного окоченения.

Солнце слепило. Было так жарко, что ручьи пота стекали со лба в глаза. Он даже не мог их открыть. Видимо, он основательно выпил. Капитально напился. Почему капитально? Надрался как свинья.

В голове повело. Раздался смех. Его смех. Он обычно не напивался. Это было нечто иное. Легкость… легкость такая, как… Как… Как на 4-е июля? По крайне мере, от нее хорошо. А пускай так… в голове светло… в душе светло… темнота… Боже, он сейчас умрет… Сейчас стошнит. Нет, не стошнит. Ему очень хорошо. Счастье… он очень счастлив… наступает темнота, сгущается. Он уже почти уловил, что же это было на самом деле, но тут его поглотила ночь. Наступил смертельный холод.

— Джеймс… Джеймс!

Голос знакомый. Доносится откуда-то издалека, с другой планеты.

— Джеймс!

Это женщина. Женский голос.

Бонд узнал его.

Тепло. Он лежал в тепле. Кровать? Это кровать?

Бонд попробовал подвигаться — голос повторил его имя. Да, он лежал в кровати, закутанный в одеяло. И в комнате было тепло.

— Джеймс.

Бонд с осторожностью открыл глаза — веки защипало. Затем он пошевелился, медленно, потому что каждое движение приносило боль. Наконец он повернул голову в сторону голоса. Его глазам понадобилось несколько секунд, чтобы сфокусировать картинку.

— Ах, Джеймс! Слава Богу, с тобой все в прядке! Тебе сделали искусственное дыхание. Я только что позвонила им. Мне сказали позвать кого — нибудь, как только ты очнешься.

Комната выглядела как обыкновенная больничная палата, разве что в ней не было окон. На другой кровати с загипсованными, подвешенными на растяжках ногами лежала Ривка Ингбер. Ее лицо лучилось от счастья.

На Бонда нахлынули кошмары, и он вспомнил, через что прошел. Джеймс зажмурился, но в гла-

зах продолжала стоять прорубь, смотрящая на него черным, холодным глазом. Он пошевелил запястьями: в те места кожи, где впивались наручники, снова вернулась боль.

— Ривка. — Это все, что Бонд смог из себя выдавить, его мозг осаждали страхи. Сказал ли он им? Что он сказал им? Бонд помнил вопросы, но не мог вспомнить ответы. Внезапно в его сознании пронеслась та летняя сцена: трава, сено, дуб, жужжание вдали.

— Выпейте это, мистер Бонд. — Эту девушку он раньше не видел, но она была одета, как настоящая медсестра. Девушка поднесла к губам Бонда чашку с жидкостью, такой горячей, что шел пар.

— Говяжья похлебка. Горячая, но вам нужно пить горячее. Все будет в порядке. Теперь вам не о чем беспокоиться.

У Бонда, которого усадили полулежа на подушках, не было ни сил, ни желания сопротивляться. Первый глоток говяжьей похлебки откатил его на многие годы назад. Вкус напомнил ему далекое прошлое. Словно фрагмент мелодии, возвращающий далекие воспоминания. Бонд вспомнил свое давно забытое детство: зима, эпидемия гриппа, он лежит дома и болеет.

Он глотнул еще, почувствовав, как тепло впол-

зает в желудок. С внутренним жаром вернулись и ужасы: ледяная темница и кошмарный, кошмарный холод, обрушивающийся с каждым разом, как только его окунают в студеную воду.

Проговорился ли он? Как Бонд ни вентилировал свой мозг, ответа он так и не находил. Среди четких дьявольских картинок пытки он не нашел никаких других воспоминаний. Подавленный этим, он посмотрел на Ривку. Та глядела на него нежным и мягким взором. Совсем как тем ранним утром, еще до взрыва на склоне.

Ее губы беззвучно шевельнулись, но Бонд без труда понял: «Джеймс, я люблю тебя».

Он улыбнулся и тихонько кивнул ей. Медсестра наклонила перед ним чашку говяжьей похлебки, чтобы он еще раз глотнул.

Он был жив. Ривка лежала рядом. И пока он был жив, все еще существовал шанс, что Национал-Социалистическую Действующую Армию можно остановить, а ее фюрера с его «новым миром» стереть с лица Земли.

16. СОУЧАСТНИКИ

После говяжьей похлебки медсестра сделала Бонду какой-то укол и начала что-то говорить об обморожениях.

— Волноваться не о чем, — подытожила она. — Уже через пару часов встанете на ноги.

Бонд повернул голову к Ривке и хотел было что-то ей уже сказать, как тут его вновь окутал сон. Приснилось ему или нет — неизвестно, но через какое-то время Бонд очнулся на миг и увидел рядом с кроватью высокую фигуру фон Глёды. Граф улыбался, хитро, злорадно.

— Ну вот, мистер Бонд. Я же говорил, что мы выбьем из вас все, что нам нужно. Наши методы гораздо эффективнее, чем всякие наркотики и химикалии. Надеюсь, мы не испортили вам половую жизнь. Во всяком случае, я так думаю. Но в любом случае спасибо за информацию. Она нам очень-очень помогла.

Окончательно проснувшись, Бонд пришел к выводу, что это был не сон: настолько живо и ярко запомнился ему фон Глёда. Однако были и сны: сны о нем же, сны, в которых фон Глёда,

облаченный в нацистскую форму, в окружении вооруженных охранников, выступал на некоем подобии Нюрнбергского партийного съезда. Он говорил таким же властным и гипнотическим тоном, которым когда-то Гитлер доводил своих слушателей до фанатичной истерии. Во сне Бонд слышал марширующие под музыку отряды фашистов, нацистские кличи и гул голосов. Когда же Бонд наконец проснулся, весь потный, он полностью уверился в том, что М был прав: намеренья фон Глёды и вправду серьезные, угрозы — далеко не пустая болтовня, а его теория имеет вес. Он и вправду мог создать свою многочисленную армию из добровольцев, набранных с улиц крупнейших европейских, а то и американских городов, и организовать их, как некогда сделал Гитлер, в новую Партию. И так, государство за государством, национал-социализм мог заполонить весь мир.

Бонд глубоко вздохнул и уставился в потолок. Его беспокоил вопрос: во сне или наяву прозвучали слова фон Глёды? Внезапно его захлестнул ужас и нахлынули кошмарные воспоминания о проруби, однако так же быстро все прошло. Бонд почувствовал себя лучше, хотя его до сих пор мутило. Теперь он хотел только одного — поскорее

выбраться отсюда. У него не было выбора: либо найти выход из лабиринта Фон Глёды, либо поехать в Москву, где между ним и наследниками СМЕРШ разыграется трагический финал.

— Ты проснулся, Джеймс?

За те несколько секунд, пока Бонд возвращался в реальность, он совсем позабыл о том, что рядом лежала Ривка. Он посмотрел на нее и улыбнулся:

— Совмещенные палаты для мужчин и женщин! Что они еще придумают?

Девушка рассмеялась и, кивнув в сторону двух подвешенных на растяжках гипсовых слепков, в которые превратились ее ноги, сказала:

— А толку-то! Но это не единственная наша беда: недавно заходил мой вонючий папаша.

Ну вот! Значит, слова фон Глёды ему не приснились! Бонд мысленно выругался. Как много информации он выдал им под болью от постепенного окоченения? Трудно было сказать. Бонд быстро подсчитал вероятность проникновения подготовленной штурмовой команды в здание штаба Секретной службы: один шанс из восьмидесяти. Однако для этой цели террористы вполне могли обойтись одним человеком, что увеличило бы их шансы. И если Бонд все же проговорился, то отряду НСДА уже провели инструктаж. Он даже

не успеет предупредить М!

— Ты чем-то расстроен? Что за ужасные вещи они с тобой вытворяли, Джеймс?

— Меня заставили поплавать в зимней стране чудес, моя дорогая. Ничего страшного. Ну а как ты? Я видел взрыв. Мы думали, что тебя забрала дежурная «скорая» и полиция. Вижу, мы ошибались.

— Я как раз подъезжала к финишному склону, мечтая вновь увидеть тебя, как вдруг — бух! и все. Я очнулась от страшной боль в ногах. А у кровати стоит мой отец, вместе с той женщиной. Но я не думаю, что она здесь. Сперва меня отвезли в какую-то частную клинику. Оказалось, что у меня сломаны обе ноги и пара ребер. Там меня загипсовали, затем мы долго ехали, и в конце концов я очнулась здесь. Граф называет это место Командным постом, но где это — я понятия не имею. Медсестры вполне дружелюбны, но мне ничего не говорят.

— Если мои расчеты верны… — Бонд повернулся на бок, чтобы можно было разговаривать с Ривкой, одновременно глядя на нее. Судя по мешкам под глазами, растяжки и гипс совсем измучили девушку. — Если я прав, то мы находимся в огромном бункере, который расположен где-то

в двадцати километрах к востоку от финской границы. На русской территории.

— На русской? — от удивления Ривка разинула рот и распахнула глаза.

Бонд кивнул.

— Твой ненаглядный папаша нас здорово надул! — Своей гримасой он выразил определенное уважение к графу. — Надо признать, что он исключительно умен. Мы искали его по всему миру, а он, оказывается, прячется в самом невероятном месте — на советской территории!

Ривка тихо рассмеялась, в ее голосе послышались нотки горечи:

— Он всегда был умен. Кому придет в голову искать в России штаб — квартиру фашистской группировки?

— Верно. — На секунду Бонд замолчал. — Ноги сильно повредило?

Она беспомощно взмахнула рукой:

— Сам видишь.

— Тебе уже делали какую-нибудь терапию? Разрешали ходить на костылях или что-нибудь в этом духе?

— Ты все шутишь. Больно-то не сильно. Просто неудобно. А что?

— Надо как-то выбираться отсюда. А я один не

уйду и тебя здесь не брошу.

— Бонд задумался, словно что-то решая. — Я так счастлив, что наконец-то нашел тебя, Ривка.

Когда он вновь взглянул на девушку, ему показалось, что в ее огромных глазах стоят слезы.

— Джеймс, ты такой милый. Но выбираться отсюда придется тебе одному. без меня.

Бонд наморщил лоб и задумался: если ему удастся сбежать, успеет ли он вернуться сюда? С подмогой? Ответом на эти вопросы послужили его же собственные слова:

— Не думаю, что время на нашей стороне, Ривка. В особенности, если я все же проболтался.

— Проболтался о чем?..

— Когда тебя макают в ледяную воду, совсем голого, тебя естественно начинает мутить. Я отключался пару раз. Им были нужны ответы на два вопроса.

Бонд пояснил девушке, что знает ответ на один вопрос, а по поводу второго у него есть только догадки.

— И что за вопросы?

В двух словах Бонд рассказал Ривке о солдате НСДА, которого захватили в Лондоне при попытке застрелиться.

— У твоего отца есть новый Командный пост.

А в голове у этого парня вся необходимая о нем информация. Чертовщина в том, что лондонский заключенный, возможно, и сам не подозревает о важности этих сведений. Твой папа-маньяк перед тем, как послать группу на задание в Лондон, отправил их на свой новый Командный пост, на инструктаж. Наши допросники, как и твои из Моссада, не дураки. Нужные вопросы выудят нужные ответы. Это ведь как дважды два четыре!

— Так ты думаешь, что твоя организация уже знает, где это новое место, этот второй Командный пост?

— Поручиться не могу. Но если я раскололся и рассказал инквизиторам фон Глёды, что их человека допрашивали, то они, как и мои люди, быстро смекнут что к чему. Я просто уверен, что твой папа уже в горячей спешке эвакуируется.

— Ты сказал, было два вопроса?

— А, они хотели знать, где наши люди держат его. Но это не проблема. Конечно, существует шанс, что один человек до него добраться все-таки сможет, но любая полномасштабная атака — об этом и речи нет.

— Почему, Джеймс?

— Помещения для допросов находятся в подва-

ле нашего штаба, в Лондоне. Там-то он и сидит.

Ривка прикусила губу.

— И ты действительно думаешь, что рассказал им это?

— Возможность такая есть. Ты говоришь, твой отец заходил сюда чуть ранее. Я что-то такое смутно припоминаю. Он намекнул, что им все известно. Ты же сама не спала…

— Да… — Девушка отвела глаза в сторону.

Агенты Моссада, решил Бонд, скорее примут капсулу с ядом, чем пойдут на допрос, который может их скомпрометировать.

— Ты думаешь, я подвел своих? — спросил он у Ривки. — А заодно и наш чертов союз?

Секунду Ривка молчала, потом ответила:

— Нет, Джеймс. Не думаю. У тебя не было выбора, это бесспорно. Нет, я думала о словах моего отца. Бог знает, почему я называю его отцом. какой же он мне отец? Зайдя, он сказал о какой-то информации, которую ты якобы ему выдал. Я дремала, но помню, что он говорил с сарказмом. Он поблагодарил тебя за эту информацию.

Бонд ощутил, как его пронзает отчаянье. В эту рискованную ситуацию М послал его фактически «слепым». Однако Бонд не винил своего шефа. М считал так: чем меньше Бонд знает, тем для него

лучше. М почти наверняка тоже ничего не знал ни об уничтожении настоящего Брэда Тирпица, ни о махинациях Коли Мосолова с фон Глёдой. А тут еще это предательство Полы Вакер!

Причиной отчаяния было осознание того, что он подвел свою Родину и Секретную службу, а в кодексе Бонда эти грехи значились как смертельные.

В настоящий момент, предположил Бонд, фон Глёда почти наверняка проходил стандартные процедуры передислокации: паковал вещи, организовывал транспорт, загружал оружием и боеприпасами «бэтээры», уничтожал документы. Интересно, была ли у фон Глёды, помимо нового Командного поста, какая-нибудь временная база, откуда он смог бы командовать своими войсками? Учитывая тот факт, что он хочет выбраться как можно скорее, а на это может уйти двадцать четыре часа…

Бонд осмотрелся в поисках своих вещей. Напротив кровати стоял шкафчик, но для одежды он был слишком маленьким, помимо него в комнате находились лишь чисто формальные атрибуты палаты маленького госпиталя: такой же шкафчик напротив кровати Ривки, а в углу — столик, на котором стояли стаканы, бутылка и какое-то

медицинское оборудование. И ничего, что могло бы хоть как-то пригодиться.

Под потолком каждую кровать опоясывал карниз для занавески. Над изголовьями кроватей висело по светильнику, плюс лампа дневного света на потолке. На стенах — стандартные вентиляционные решетки.

Внезапно у Бонда появилась идея: он может «вырубить» медсестру, раздеть ее, и, переодевшись в женский наряд, попытаться сбежать. Нет, это какой-то абсурд! С его телосложением он вряд ли сойдет за женщину. К тому же от одной лишь этой идеи Бонда вновь замутило. Любопытно, что за препараты ему вкололи после пытки?

Если допустить, что фон Глёда выполнит свое условие сделки с Мосоловым — что было весьма маловероятно, — у него останется единственный шанс: попытаться сбежать из Колиных рук.

В коридоре послышался какой-то шум. Открылась дверь, и вошла медсестра, сияющая, накрахмаленная и стерильно чистая.

— А у меня для вас новости, — быстро заговорила она. — Скоро вы уезжаете. Фюрер решил забрать вас с собой. Я зашла предупредить, что отъезд через пару часов. — Медсестра говорила на безупречном английском с еле заметным

акцентом.

— Опять заложники, — вздохнул Бонд.

Медсестра весело улыбнулась и согласилась с его мнением.

— А на чем мы поедем? — Бонд хотел ее разговорить, чтобы выудить хотя бы какой-то клочок информации. — На вездеходе? «Бэтээре»? Или на чем-то другом?

Улыбка с ее лица не исчезала.

— Я отправлюсь с вами. Вы, мистер Бонд, в полном порядке, но нас беспокоят ноги мисс Ингбер. Ведь она предпочитает, чтобы ее называли мисс Ингбер, если не ошибаюсь? Я должна сопровождать ее. А полетим мы на личном самолете фюрера.

— На самолете? — Бонду и в голову не приходило, что у НСДА были самолеты.

— Да, да. В лесу есть взлетная полоса. Ее поддерживают в чистоте даже в самую лютую непогоду. У нас имеется пара легких самолетов — зимой они, конечно же, на лыжах — и личный реактивный истребитель фюрера, переделанный «Мистери-Фалькон». Очень быстрый, но садится на все что угодно.

— А взлетает он тоже со всего что угодно? — Бонд вспомнил о мрачных обледенелых сугробах

в лесу.

— Когда полоса чистая, то да. — Медсестру, казалось, этот вопрос нисколько не беспокоил. — Главное, ни о чем не волнуйтесь. Полосу расчистят как раз перед вылетом — Девушка задержалась в дверях. — А пока, вам что — нибудь нужно?

— Как насчет парашютов? — предложил Бонд.

И тут впервые ее беззаботность куда-то пропала.

— Перед отъездом вам принесут поесть. А сейчас у меня уйма других дел.

— Дверь захлопнулась, и в замке с шумом повернулся ключ.

— Ну что ж, все ясно, — сказала Ривка. — Если ты, дорогой Джеймс, думал, что нас с тобой ожидает очаровательный домик, усеянный розами у дверей, то ты глубоко ошибался.

— Я думал об этом, Ривка. Я никогда не теряю надежды.

— Зная моего отца, скажу, что, скорее всего, он сбросит нас с тысячифутовой высоты.

Бонд хрюкнул:

— Отсюда такая реакция медсестры на мое упоминание парашютов.

— Тссс, — послышалось вдруг от Ривки. — В

коридоре кто-то есть. За дверью.

Бонд посмотрел на девушку. Сам он ничего не слышал, но Ривка мгновенно насторожилась, даже скорее — вся напряглась. Бонд пошевелился, удивившись тому, как свободно и быстро двигались его конечности. Правда, одно лишь это действие породило в нем новую внезапную тревогу! Наркотическое опьянение испарилось, и его мозг мигом прочистился. Бонд опять мысленно отругал себя, так как понял, что нарушил еще одно элементарное правило: он преспокойно болтал с Ривкой, даже не удостоившись сделать в комнате элементарнейшую проверку на «жучки»!

Нисколько не смущаясь своей наготы, Бонд метнулся к медицинскому столику, схватил стакан и сразу же юркнул обратно в кровать.

— Если что, — прошептал он Ривке, — я разобью его. И не представляешь, на сколько эффективным холодным оружием может оказаться обыкновенный разбитый стакан!

Ривка кивнула и, прислушавшись, замерла. Бонд так ничего и не слышал.

Вдруг, настолько неожиданно, что даже он поначалу ничего не понял, дверь распахнулась и в палату влетела Пола Вакер. Она двигалась аб-

солютно бесшумно, как сказала бы домохозяйка Бонда Мэй: «с проворностью дьявола». И не успели Ривка и Бонд как-то отреагировать, как Пола уже проскользнула в проход между кроватями, в ее руке дважды взметнулся его собственный пистолет «Хеклер и Кох» П-7, и послышался звон стекла: двумя выстрелами Пола «вырубила» светильники над кроватями.

— Что.? — начал было Бонд, но понял, что ощутимой перемены в освещении не случилось: основной свет исходил из длинной лампы на потолке.

— Тише ты, — предупредила Пола. Направляя дуло пистолета то на одну кровать, то на другую, девушка попятилась к двери, нагнулась и впихнула в комнату какой-то узел, запря за собой дверь.

— Микрофоны, Джеймс, находились в лампочках от светильников. Каждое слово, весь твой разговор с нашей дорогой Ривкой, уже передан графу фон Глёде.

— Но…?

— Вопросы потом. — Пистолет был направлен на Ривку, а не на Бонда. Пола пнула ногой узел в сторону его кровати. — Одевайся в это. На какое-то время ты станешь офицером армии фюрера.

Бонд встал и развязал узел: в нем оказалось

утепленное нижнее белье, кальсоны, теплый свитер с высоким воротником, шинель и штаны серого цвета, сапоги, перчатки и военная меховая шапка. Он тут же принялся одеваться.

— Что это значит, Пола?

— Объясню, когда будет время, — отрезала она. — Одевайся, давай. Надо выбираться отсюда. Коля уже смылся. Остались только мы с тобой, Джеймс, — два соучастника. И мы тоже сматываем.

Бонд уже почти оделся. Он встал между дверью и своей кроватью.

— А как же Ривка?

— Кто-кто? — Ледяной голос Полы сталактитом вонзился в его сердце.

— Нам ведь отсюда ее не вытащить. И на чьей ты, кстати, стороне?

— Ты, конечно, удивишься, Джеймс, но на твоей! Чего не скажешь о доченьке фюрера!

В этот момент Ривка пришла в движение. Словно в какой-то размытой дымке, Бонд увидел, как она с поразительной и неожиданной проворностью выскользнула из гипса, перекатилась на бок и метнулась с кровати, в ее руке уже блестел маленький пистолетик. На девушке не было ни царапинки, а якобы сломанные ноги двигались с

ловкостью, которой бы позавидовал легкоатлет.

Пола выругалась и крикнула Ривке бросить оружие. Остальное было, как в замедленном кино. Ривка, одетая только в прозрачные панталончики, поднимает руку с пистолетом и касается ногами пола. Пола вытягивает руку, приготовившись стрелять. Ривка все еще двигается на нее, но тут — эхо от прогрохотавшего «Хеклера» — над пистолетом узорчато вьется дымок, а Ривкино лицо разрывает кровавым фонтаном на мелкие кусочки, ее тело, согнувшееся от выстрела, отшвыривает через кровать.

Комната наполнилась запахом сгоревшего пороха.

Снова выругавшись, Пола воскликнула:

— Только шума нам и не хватало!

За всю свою жизнь Джеймс Бонд всего несколько раз полностью терялся в сложной ситуации. Сейчас с ним случилось именно это. Он ведь уже начал испытывать к Ривке нежные чувства! Он был уверен, что Пола — предательница!. Балансируя на пятках, Бонд решился на последнюю отчаянную попытку: прыгнуть и выхватить у Полы пистолет. Однако та просто кинула «Хеклер» ему в руки, а сама схватила пистолетик Ривки.

— Лучше возьми его, Джеймс. Может понадо-

биться. Хотя авось повезет. Я стащила у медсестры ключ, а ее послала за какой-то ерундой. В этом крыле никого нет, поэтому будем надеяться, что выстрел никто не слышал. Но нам все равно понадобятся на ноги крылья.

— Ты о чем? — в недоумении спросил, уже начиная осознавать зловещую правду.

— Я все потом объясню. Но неужели ты так и не понял? Ты не раскололся под пыткой, и поэтому к тебе подсадили Ривку! А ты и проболтался, потому что доверял ей. Она ведь помощница своего папеньки! И всю жизнь была ею! Как я поняла, она хотела в будущем стать первой женщиной-фюрером. Ну, ты идешь или нет? А то мне нужно как-то вытащить тебя отсюда. Соучастник ты мой, ненаглядный.

17. СДЕЛКА ЕСТЬ СДЕЛКА

На Поле была надета униформа, в которой Бонд видел ее ранее, длинная, хорошо скроенная офицерская шинель, почти скрывавшая сапоги, и военная меховая шапка, увенчивавшая ее «наряд».

Бонд взглянул на кровать, в которой еще совсем недавно лежала Ривка: пустые гипсовые слепки были явной липой, что подтверждало обвинения Полы. Он почувствовал приступ тошноты: противоположная стена, словно какая-то сюрреалистическая картина, была размалевана кровью и ошметками мозгов. Ривка была мертва, но в воздухе все еще витал ее аромат.

Бонд отвернулся и взял меховую шапку, которую принесла ему Пола. В операции «Ледокол» враги и союзники менялись, как картинки-перевертыши, и поэтому пока Бонд не мог разгадать истинных намерений Полы. Однако, по крайней мере, девушка вроде бы всерьез хотела вытащить его из бункера, а значит — подальше от фон Глёды. Это как нельзя лучше устраивало Бонда.

— Часовые и все остальные думают, что я

действую по приказу фюрера, — заверила Пола. — Держи, это стандартный пропуск, он есть у каждого. — Она вручила ему белую пластиковую карточку, похожую на кредитку. — От мастерских и складов будем держаться подальше. Поэтому просто не поднимай головы, а то вдруг напоремся на кого-нибудь, кто тебя уже видел. Не отставай. И если что, Джеймс, молчи — говорить буду я. Попытаемся пробраться через жилое крыло. Наши шансы выше среднего. Вокруг — полный бардак: все мечутся, словно крысы на тонущем корабле. А все из-за приказа фон Глёды о полной передислокации, который поступил сразу же после того, как ты проболтался Ривке.

— Да, кстати, я. — начал было Бонд.

— Совсем не кстати! — отрезала Пола. — Всему свое время. А сейчас просто положись на меня. Как и ты, я в этом деле далеко не ради забавы. — На секунду она взяла его за руку. — Поверь мне, Джеймс, тебя раскололи с помощью этой девчонки, и я не успела предупредить тебя! Это ведь старейший трюк! Подсади к заключенному человека, которому он доверяет, и просто подслушивай их разговор! — Девушка вновь засмеялась. — Я была у фон Глёды, когда ему принесли пленки. От услышанного он подскочил

метров на десять! Какой идиот! Ведь он был твердо уверен, что раз уж ты не заговорил под пыткой в ледяной проруби, то ему и не о чем волноваться! А сейчас приготовься, Джеймс. И не отставай!

Пола отперла дверь, и они вышли в коридор. Пока девушка запирала замок, Бонд осмотрелся: никого. Стены были облицованы керамической плиткой, и царила такая стерильность, что в воздухе даже витал слабый запах какого-то дезинфектора. По бокам протянулись другие палаты, а слева коридор заканчивался железной дверью. Даже госпиталь у фон Глёды был организован по первому классу.

Пола направилась к металлической двери.

— Пистолетом не свети, но будь наготове, — предупредила она. — Если угодим в перестрелку, то наши шансы будут не ахти какими. — Правую руку девушка держала в кармане шинели, куда положила Ривкин пистолет.

За дверью коридор был оформлен уже богаче: матерчатые обои, плакаты и фотографии — все как и в личных покоях фон Глёды. Значит, решил Бонд, они находились где-то глубоко в недрах бункера, возможно, в коридоре, лежащем параллельно тем, что вели к офисам новоявленного фюрера.

Пола настояла, что пойдет чуть впереди. Бонд — его рука в перчатке крепко сжимала рукоятку «Хеклера», спрятанного в кармане — держался четко в двух шагах позади, чуть слева, прижимаясь к стене, — почти стандартная позиция для телохранителя.

Через несколько минут коридор раздвоился. Пола свернула направо и вспорхнула по ступенькам очень крутой, покрытой ковром лестницы, которая привела их в коротенький коридорчик, упиравшийся в двустворчатую дверь в сетку из маленьких окошечек. Через эту дверь они буквально вылетели в один из главных коридоров.

Вновь голые стены, трубы и вентиляционные шахты. Пола постоянно оглядывалась, проверяя, не отстает ли Бонд. Затем — поворот налево, и почувствовался легкий наклон вверх. Когда наклон увеличился, Пола и Бонд подошли к правой стене, вдоль которой тянулась металлическая лестница, схожая с той, что была в туннеле, через который они попали в бункер. Здесь тоже по бокам виднелись двери и коридоры. И впервые, после того, как Бонд выбрался из лазарета, он услышал какой-то шум: голоса, цоканье сапог, кто-то кричал, кто-то бежал.

Заглядывая в коридоры, Бонд видел признаки

спешной, но организованной эвакуации: люди переносили личные вещи, сейфы, коробки, папки с документами, кто-то «раздевал» кабинеты, кто-то даже тащил оружие. Большинство солдат направлялось в левое крыло бункера, что подтверждало расчеты Бонда: теперь он был уверен, что они шли по туннелю, который вел к главному выходу из жилого крыла бункера.

Им навстречу, колонной по двое, прошло полдюжины солдат, чеканя каждый свой шаг, с неподвижными лицами, с устремленными вперед взглядами. Командир приказал отдать Поле и Бонду салют. Вскоре мимо прошел другой отряд, и Бонд про себя отметил, что такие каменные лица, полные фанатизма и гордости, он видел разве что только в старых фильмах о зарождении Третьего рейха.

Впереди показался маленький караул — последний камень преткновения. Здесь туннель резко заканчивался массивной стальной дверью. Под потолком Бонд увидел гидравлическую систему, которая поднимала ее. Справа от огромной двери находилась еще одна, поменьше, на тяжелых засовах.

— Ну вот, — пробормотала Пола. — Теперь делай, как я. Не мешкай. И ради Бога запомни:

говорить буду я! На улице сразу же сворачивай налево.

В памяти Бонда тут же всплыл один совет, данный ему еще на заре его карьеры одним молодым морским офицером: «Всегда в таких ситуациях делай вид, что точно знаешь, куда идешь, и что у тебя очень срочное дело».

Старые правила проверены временем.

Подойдя ближе, Бонд увидел, что караул состоял из одного офицера и четырех солдат, все были вооружены. Рядом с дверью находилось нечто похожее на турникет в метрополитене.

Пола крикнула по-немецки:

— Приготовьтесь нас выпустить. Мы действуем по личному распоряжению фюрера.

Один из караульных подошел к двери. Офицер шагнул к турникету и спросил:

— У вас есть пропуск, fraulein? А у вас, сэр?

Пола и Бонд подошли ближе.

— Конечно, — ответила Пола и левой рукой достала пластиковую карточку, Бонд — тоже.

— Хорошо, — угрюмо ответил офицер. Он обладал постной физиономией старого, исправного служаки, привыкшего делать все точно по уставу. — Вы случайно не знаете, почему нам так спешно приказали передислоцироваться? До нас

дошли лишь обрывочные слухи.

— Знаю, знаю. — Голос Полы стал твердым. — Вам потом объяснят.

Бонд и Пола подошли к офицеру ближе, тот продолжал:

— Говорят, мы должны управиться за двадцать четыре часа. Придется попотеть.

— Ничего, не впервой, — произнесла ровным голосом Пола, протягивая офицеру карточку.

Офицер забрал обе карточки и сунул их одну задругой в маленькую щель на панели турникета, зажегся ряд огоньков и раздался мягкий звонок.

— Удачного выполнения миссии. — Офицер вернул карточки.

Бонд кивнул. Караульный у двери уже отпирал засовы. Пола поблагодарила офицера, Бонд последовал ее примеру и отдал нацистский салют. Щелкнули каблуки сапог, проревел приказ, и двери распахнулись. У Бонда вновь появилось ощущение, будто бы он попал в невероятную «дыру во времени» — куда-то в 30-ые или 40-ые.

Уже через несколько секунд они были на улице, и зверский холод обдал их, словно фонтан из мелкого льда. Было темно, и Бонд, будучи без часов, никак не мог сориентироваться по времени. Он не мог точно определить, наступает ли

вечер, или близится рассвет. Из-за кромешной тьмы казалось, будто на дворе середина длинной полярной ночи.

Они свернули влево и пошли вдоль голубеньких огоньков, обозначавших наружный периметр бункера. Под снегом чувствовались панели сборной металлической дорожки, которая, вероятно, пролегала вокруг всего бункера, и Бонд пришел к выводу, что взлетная полоса «аэродрома» фон Глёды была выложена такими же панелями.

Теперь над ними возвышались главные двери бункера, огромные, белые. В этот момент Бонд догадался, куда его вела Пола: в маленький бетонный гараж, в котором хранились снегоходы. Справа в темноте едва проглядывали очертания деревьев, окружавшие бункер. Бонд вспомнил, как совсем недавно на этой самой поляне его окунули в яркие лучи от прожекторов.

Пола, казалось, учла все: как только они подошли к маленькой кладовой, пристроенной прямо к скале, она достала из кармана тонкую цепочку со связкой ключей.

Гараж пропах горючем и маслом, а выключатель у двери «сподобился» лишь на тусклый-претусклый свет. Вдоль стены аккуратным рядом

выстроились снегоходы, словно гигантские насекомые, скучковавшиеся для зимнего сна. Пола выбрала первый подходящий для ее целей скутер: огромный, продолговатый снегоход фирмы «Ямаха», черного цвета, гораздо больших габаритов чем те, на которых Бонд и Коля приехали сюда.

— Ты ведь не возражаешь, если я поведу? — спросила Пола и, не дожидаясь ответа, стала проверять наличие в баке горючего. При таком слабом освещении Бонд не видел, а только чувствовал, как на ее лице играет озорная улыбочка.

— И куда же мы едем, Пола?

Она подняла лицо, всматриваясь в сумерках в Бонда.

— Примерно в десяти километрах мои люди установили наблюдательный пост. — Девушка махнула рукой на юг. — Он частично скрыт деревьями, но зато на возвышении. Оттуда хорошо виден и сам «Ледяной дворец» и взлетная полоса. — Она подтащила снегоход ближе к выходу.

Бонд сомкнул пальцы на рукоятке своего пистолета.

— Ты прости меня, Пола. Мы, конечно, знаем друг друга уже очень давно, но мне показалось, что ты каким-то образом связана с фон Глёдой

или с Колей. В этой операции с самого начала все шиворот-навыворот. Почти каждый оказался не тем, за кого себя выдавал. Поэтому мне хотелось бы знать, на чьей же ты все-таки стороне и что это за «люди», о которых ты говоришь?

— Слушай, Джеймс, кончай дурачиться. В нашем досье на тебя ясно сказано: агент 007 — лучший оперативник Британии. Хотя извини, ты ведь официально больше не 007, да?

Бонд медленно достал пистолет.

— Пола. Мой внутренний голос подсказывает, что ты из КГБ.

Запрокинув голову, девушка рассмеялась:

— Из КГБ? Нет, Джеймс, ты ошибаешься. Слушай, поехали уже. У нас и так мало времени.

— Я не поеду, пока ты не скажешь, на кого работаешь. И ты должна подкрепить свои слова каким-нибудь доказательством, даже если ты из КГБ.

— Дурак ты! — Она по-дружески засмеялась. — Джеймс, я из СУПО. И я работала там еще задолго до того, как мы с тобой познакомились. Ведь, честно говоря, наше знакомство — не такая уж и чистая случайность. Но не беспокойся, твоих шефов уже предупредили.

СУПО? Финская разведка? Возможно, Пола го-

ворила правду.

— Но…

— Я докажу это через пару часов, — заверила Пола. — А сейчас, ради Бога, Джеймс, поехали. Впереди еще много работы.

Бонд кивнул и сел в седло позади Полы. Та завела мотор, отжала ручку газа и аккуратно вырулила из гаража. Затем притормозила и вернулась, чтобы запереть дверь. Через считанные секунды они уже мчались по лесу.

Прошла минута прежде, чем Пола удосужилась включить мощную переднюю фару, и Бонду сразу же пришлось крепко вцепиться в девушку: он повела «Ямаху» так, будто снегоход был продолжением ее тела, и шла зигзагами с такой аккуратностью, что у Бонда перехватывало дыхание. Девушка была хорошо закутана, вдобавок надела защитные очки — Бонду же единственной защитой от свистящего ветра служила лишь ее спина.

Его руки плотно обвивали ее талию. Внезапно на одном из виражей Пола залилась своим чудным смехом, который сразу же унес с собой ветер, отпустила руль, взяла руки Бонда и положила их на свою грудь, укрытую теплой и плотной шинелью.

Их маршрут был далеко не прост. Они объехали подножье длинного склона через непролазный лес, затем последовал долгий подъем. Всю дорогу Поле приходилось петлять между деревьями, однако ни разу девушка не сбавила скорость и продолжала держать ручку газа на максимуме. Снегоход иногда шел боком, взлетал на опасные, почти сорокапятиградусные, склоны, и все же каждый раз Пола справлялась с управлением.

Наконец, добравшись до вершины склона, девушка сбавила скорость и выехала на тропу. Внезапно у них на пути выросли две фигуры. Глаза Бонда уже успели привыкнуть к темноте, поэтому он без труда различил темные силуэты автоматов на фоне снега.

Пола притормозила и подняла руку. Бонд внезапно обнаружил, что его рука непроизвольно тянется за «Хеклером». Между Полой и одним из мужчин (тем, что был поздоровее) последовал короткий, приглушенный разговор. Мужчина был одет в лопарский костюм и походил на отъявленного разбойника, и его пышные усы только усиливали этот эффект. Второй (высокий, худой) обладал, пожалуй, одним из самых зловещих лиц, которые когда-либо доводилось видеть Бонду. Он чем-то напоминал пронырливого горностая:

тонкие черты и малюсенькие глазенки, беспрестанно стрелявшие по сторонам. Бонд искренне надеялся, что Пола сказала ему правду: перспектива оказаться в руках этих лопарей его совсем не радовала.

— Они обходят район, где стоят две наши коты, — сказала Пола, обернувшись. — Всего у меня здесь четыре человека. Другие два периодически заходят в коты — следят за радио и костром. Пока все вроде в порядке. Та пара сейчас находится в лагере. Я сказала, что мы пойдем прямо туда. Тебе надо поесть, а мне послать радиограмму в Хельсинки. Они перешлют ее в Лондон. Ты хочешь что-нибудь передать своему шефу — М?

— Только детали всего произошедшего и где я нахожусь. А мы знаем, куда направится фон Глёда?

— Я расскажу тебе, когда переговорю с Хельсинки, — ответила Пола, выжав ручку газа.

Бонд оживленно закивал:

— Ладно.

Скутер двинулся с пешеходной скоростью, один лопарь пошел спереди, другой — сзади.

Бонд нагнулся вперед и внятно прошептал девушке:

— Пола, если ты захочешь похитить меня, я

пристрелю тебя на месте.

— Заткнись и просто положись на меня. Я единственная, на кого ты можешь здесь положиться. Понял?

За деревьями почти сразу же начинался обрыв, на краю которого примостились две коты. Их вигвамообразные каркасы, обтянутые оленьей кожей, чернели на фоне снега, а из верхушек, представляющих собой перекрещенные рогатины, поднимался дым. «Снизу, — подумал Бонд, — заметить их среди высоких елей и сосен довольно трудно».

Пола остановила «Ямаху», и они оба слезли с седла.

— Я пойду отправлю радиограмму, — девушка указала в направлении правой коты, на верхушке которой, среди рогатых палок, Бонд едва смог различить антенны. — Там два моих мальчика. Кнут останется на улице. — Она показала на лопаря со зловещей наружностью и добавила: — А Трифон отведет тебя в другую коту. Там готовится еда.

Лопарь с большими усами, Трифон, широко улыбнулся и ободряюще кивнул. Дуло его автомата смотрело в землю.

— Ладно, — сказал Бонд.

Костром запахло еще за шесть шагов до вигва-

ма. Трифон прошел вперед и одернул кожаную заплату, маскировавшую вход. Убедившись, что все в порядке, лопарь махнул Бонду. Когда они зашли внутрь, глаза сразу же ужалил едкий дым. Бонд откашлялся, протер заслезившиеся глаза и осмотрелся: к отверстию в верхушке коты лениво вилась тонкая струя дыма, с запахом которого смешался сильный и вкусный аромат какой-то стряпни, всюду виднелись аккуратно разложенные кучи спальных мешков, одеял, тарелок и прочей утвари.

Трифон отложил свой автомат в сторону и жестом предложил Бонду сесть. Затем он указал на кипящий котелок на костре, который горел в квадратной рытвине, сделанной прямо в земле, прикоснулся к своему рту и произнес:

— Еда. — Лопарь с довольным видом кивнул. — Еда. Вкусно. Ешь.

В ответ Бонд кивнул.

Трифон взял тарелку с ложкой, подошел к костру и, нагнувшись, принялся накладывать в нее нечто, похожее на бифштекс.

Через мгновение лопарь уже валялся в костре и кричал: его сбили с ног. Одно из одеял приняло очертания человека, но не успел Бонд вытащить свой пистолет, как из-за костра уже раздался

Колин голос:

— Только попробуй, Джеймс. Ты даже не успеешь коснуться его рукоятки.

— Затем он сказал что-то по-фински Трифону, который, успев выкатиться из костра, сидел на земле, сжимая обоженную руку.

— Мне следовало догадаться. — Бонд говорил так же тихо, как и Коля. — Как все же легко Поле удалось заставить меня поплясать под свою дудку!

— Поле? — В ярком мареве от костра Колино лицо на миг посветлело. — Я просто сказал этому головорезу отдать мне свой автомат. Если он попытается сделать что-нибудь, я убью его. Лично мне хотелось бы быть во всеоружии, когда сюда заявится Пола. Понимаешь, Джеймс, я сам по себе. Один — одинешенек. Но меня ждут друзья, и я не собираюсь возвращаться в Москву с пустыми руками.

Половина Бондовского мозга принялась анализировать создавшуюся ситуацию: стоит ли пытаться предупредить Полу? как он разделается с Колей Мосоловым здесь и сейчас? Его глаза внимательно прочесывали притемненный интерьер коты, тем временем Трифон, корчась от боли, аккуратно подтолкнул к ногам Мосолова

свой автомат.

— Из чего я заключаю, что ты забираешь меня с собой. — Бонд посмотрел сквозь дым на русского.

— Таково было условие сделки, которую я заключил с этой фашистской свиньей, фон Глёдой. — Колин смех был вполне искренен. — А ведь он и вправду был уверен, что сможет безнаказанно командовать своими нацистами и проводить операции изнутри Советского Союза!

— Но ведь он так и делал! И довольно успешно! Пользуясь российским оружием! А теперь он сматывается отсюда.

Коля медленно покачал головой.

— Никуда этот так называемый граф фон Глёда отсюда не смотается.

— Он и меня собирался прихватить. Воздухом. Быть может, он уже улетел.

— Нет. Я следил и слушал. Его любимый личный самолетик еще не взлетал. И до рассвета никуда улетать не собирается. А осталось всего два часа.

Значит, всего два часа до рассвета. Теперь Бонд ориентировался во времени.

— И как же ты его остановишь? — безразличным тоном спросил он.

— Мой план уже в действии. На Советской зем-

ле находятся вооруженные отряды фон Глёды. И на рассвете они будут уничтожены. Советские ВВС поджарят их, как цыплят. — Колино лицо, озаренное пламенем, изменилось. — К несчастью, наша база «Русак» тоже сгинет. Случайная ошибка. Но зато она решит все проблемы.

Бонд задумался.

— Значит, ты хочешь уничтожить фон Глёду вместе с его маленькой армией? То есть нарушить свое условие сделки после того, как он выполнил свое?

— Дорогой Джеймс, сделка есть сделка. Что поделать — иногда приходится играть не по правилам. Разве я мог отпустить тебя? Ведь мой отдел — бывший СМЕРШ — уже так давно пытается застать тебя врасплох. Нет, моя сделка с фон Глёдой изначально была слегка нечестной.

18. ШПАГИ

На несколько секунд воцарилась тишина, затем Мосолов что-то брякнул стонущему Трифону.

— Зачем хорошей еде пропадать, — тихо произнес Коля Бонду. — Я сказал ему поправить котелок и расшевелить костер. Не думаю, что он решится на что — нибудь глупое. К твоему сведенью: в округе — мои люди, и они уже наверняка убрали Полу. Поэтому я думаю, что лучше всего. — Внезапно у Коли перехватило дыхание, явно от испуга.

На секунду, пока Трифон расшевеливал костер, в вигваме стало слишком дымно. Когда же дым рассеялся, Бонд увидел, что чья-то рука держала Мосолова за волосы, а другая прижимала к его глотке поблескивающий лопарский кинжал.

— Прости, Джеймс. — У входа в коту стояла Пола, держа в руке массивный автоматический пистолет. — Не хотела тебе говорить, что еще пару часов назад мои мальчики засекли, как сюда пробирается Коля. Ты был моей приманкой.

— Могла бы предупредить, — ехидным тоном ответил Бонд. — Я уже свыкся с ролью козленка

на привязи.

— Ну прости, пожалуйста. — Пола зашла внутрь. — Была еще одна проблема: товарищ Мосолов привел своих напарников. Шестерых. Кнут и Трифон разделались с этой компанией, как только заметили, что здесь спрятался Коля. Вот почему я — свободная женщина, а не пленница КГБ.

— Есть еще. — начал Мосолов, но передумал продолжать.

— Смотри осторожней, Коля, — весело ответила Пола. — Нож, который Кнут держит у твоего горла, острый, как гильотина. Он может отсечь тебе голову одним точным ударом.

Девушка обернулась к Трифону и что-то быстро сказала ему. В мигающем свете от костра было видно, как по лицу лопаря проскользнула широкая улыбка. Бережно лелея обоженную руку, он подошел к Мосолову, подобрал с земли свой автомат, отобрал у русского пистолет и обыскал его.

— Как дети малые! — сказала Пола о лопарях. — Я приказала им связать Колю, отвести в лес и привязать к дереву.

— А может, лучше держать его при себе до последней минуты? — предложил Бонд. — Ты говоришь, у него были здесь люди.

— Мы разделались с ними.

— Могут быть еще. Он ожидает воздушную атаку на рассвете. Зная Колю в действии, я бы не оставлял его без присмотра.

Пола задумалась на секунду и, смягчившись, отдала лопарям новый приказ. Колю связали по рукам и ногам, заткнули рот кляпом и запихали в угол коты. Русский с почти угрюмым видом продолжал хранить гордое молчание.

Пола кивнула Бонду в сторону выхода. Выйдя на улицу, она понизила голос:

— Конечно, ты прав, Джеймс. Спокойней, когда он здесь, да и в округе действительно могут оказаться еще его люди. Только в Финляндии мы будем в полной безопасности. Но…

— Но, как и мне, тебе хочется взглянуть, что случится с «Ледяным дворцом», — улыбнулся Бонд.

— Точно, — согласилась она. — А когда все закончится, мы отпустим его. Если, конечно, ты не захочешь забрать его голову с собой в Лондон.

Бонд сказал, что считает нелогичным таскать Колю Мосолова с собой — лишняя обуза. «Лучше избавиться от него перед самым отъездом», — был его заключительный вердикт.

Теперь им предстояла работа: Поле послать сообщение в Хельсинки, Бонду — М.

Зайдя в коту, в которой находился радиопередатчик, Бонд начал хлопать по своим карманам.

— Ты не это ли ищешь? — Подойдя к Бонду, Пола протянула ему его бронзовый портсигар и золотую зажигалку.

— Ты ни о чем не забываешь.

— Посмотрим, возможно, попозже я докажу тебе это, — ответила Пола Вакер и, невзирая на присутствие в коте лопарей, встала на цыпочки и поцеловала Бонда, сперва нежно, а затем с долей настойчивости.

Коротковолновый передатчик, находившийся во второй коте, мог отсылать радиограммы как морзянкой, так и открытым текстом. К нему также прилагалось специальное компрессорное устройство для так называемого «радиовыстрела». Оно позволяло записывать шифровку на магнитофонную ленту и, воспроизводя ее за какую-то долю секунды на убыстренной скорости, передавать в эфир, после чего другая сторона записывала радиограмму и воспроизводила ее уже на замедленной скорости для дальнейшей расшифровки. Ни для кого не секрет, что в эфире подобные радиограммы не отличить от электрических помех.

Пару минут Бонд понаблюдал, как Пола со-

ставляла текст своего послания для Хельсинки. Теперь он ни капельки не сомневался в том, что девушка была настоящей профессионалкой. Пола несомненно работала на СУПО — то, о чем ему следовало бы уже давным-давно догадаться, если учесть, на сколько близкими были их взаимоотношения. Бонд уже спрашивал у Полы ее позывной и был приятно удивлен, узнав, что в операции против фон Глёды девушка значилась как «Вуобма» — старое лопарское слово, означающее хлев или сарай, в который загоняют оленей для разведения породы.

Не имея под рукой никаких средств для кодировки сообщения (сохранился только пистолет «Хеклер», остальное либо сгинуло, либо осталось в автомобиле), Бонду пришлось составлять свою радиограмму открытым текстом. После нескольких неудачных попыток ему удалось «состряпать» следующее:

ЧЕРЕЗ ШПС ЧЕЛТЕНХЕМ 4212997 ДЛЯ М ТЧК ЛЕДОКОЛ ЗАТОНУЛ НО К РАССВЕТУ ЗАДАНИЕ БУДЕТ ВЫПОЛНЕНО ТЧК ВОЗВРАЩУСЬ КАК МОЖНО СКОРЕЕ ТЧК ВНИМАНИЕ ОСОБО СРОЧНО ПОВТОРЯЮ ОСОБО СРОЧНО ДОСТАНЬТЕ ИЗ ПОДВАЛА САМУЮ ЛУЧШУЮ БУТЫЛКУ ТЧК Я РАБОТАЮ ЧЕРЕЗ ВУОБМУ СТОП 007.

Бонд понимал, что подпись «007» кого-нибудь сильно удивит, но ничего не мог поделать. По крайней мере, его указание убрать пленника было вполне понятным. Конечно, не шик, но с другой стороны, перехвати эту радиограмму люди НСДА — ничего не изменится: им все равно уже было известно, где М держит пленного солдата. Эта шифровка лишь предупредит их о том, что его перевозят в другое место. Так вот сходу да без необходимых на то средств это было лучшее, что Бонд мог сделать.

Закончив свое послание, Пола взяла у Бонда бумажку с его текстом, добавила код, уточнявший, что шифровку нужно переслать через Отдел связи СУПО в Штаб правительственной связи в Челтенхеме, и записала текст на магнитофонную ленту для компрессии.

Когда все было сделано, Бонд и Пола обсудили план дальнейших действий. Бонд предложил наилучший по его мнению метод поддерживания непрерывного наблюдения за бункером. Больше всего его волновала воздушная атака, назначенная на рассвете, после которой необходимо было убраться из этих мест как можно быстрее, избавиться от Коли Мосолова и перебраться через границу с минимальным риском.

— Обратную дорогу найдешь? — спросил он у Полы.

— С завязанными глазами. Не волнуйся, я расскажу тебе о ней потом. Вот только, уехав отсюда, нам придется спрятаться у границы и ждать, пока достаточно не стемнеет.

Через Полу Бонд приказал лопарям разобрать коту, в которой находился радиопередатчик, упаковать вещи и погрузить все на скутеры (огромные снегоходы четырех лопарей были спрятаны неподалеку). Затем он распределил смены караула и попросил одного из лопарей разбудить их задолго до назначенной на рассвете атаки.

— Мосолов, конечно, обуза, — констатировал Бонд, — но нам придется держать его при себе до последнего.

Пола пожала плечами.

— Оставь Колю моим лопарям. Они разберутся с ним, — пробормотала она. Однако Бонд не хотел, чтобы кровь русского была на его руках. Подобную мысль он допускал лишь на крайний случай.

Итак, все было обговорено, все приказы — отданы. Лопари принялись разбирать коту с радиопередатчиком, а Бонд и Пола направились

к оставшемуся вигваму.

Ветер, пробивавшийся сквозь деревья, внезапно донес до них протяжный, леденящий кровь вой, за которым последовал еще один.

— Волки, — пояснила Пола. — Для финских пограничников этот год выдался удачным: почти каждому патрулю удается пристрелить как минимум два волка в неделю, и уже три медведя с начала Рождества. Зима в этом году выдалась особенно суровой. И ни в коем случае не верь всем этим толкам, будто бы волки безобидны! В плохую зиму, когда пища — редкость, они нападут на кого угодно, будь то мужчина, женщина или ребенок!

Трифон (с забинтованной рукой) уже успел покормить Колю, который так и сидел в углу коты. Бонд и Пола заранее договорились ни при каких обстоятельствах не обсуждать свои планы в присутствии русского и делали вид будто Коли вообще не было в коте. Однако рядом всегда находился вооруженный лопарь, зорко следивший за ним.

Бифштекс из оленины, приготовленный Трифоном, оказался восхитительным. Пока Пола и Бонд с наслаждением его ели, лопарь кивал и улыбался, радуясь, что им нравится. За то короткое

время, которое Бонд провел в секретном лагере Полы, у него успело вырасти чувство огромного уважения к ее крутым жизнерадостным лапландцам.

За едой Пола достала бутылку водки, и они выпили за успешный финал, чокнувшись бумажными стаканчиками и сказав друг другу «киппис» — финский эквивалент «за здоровье». После еды Пола с Бондом устроились в самом большом спальном мешке. Мосолов, казалось, к тому времени уже уснул, да и парочка тоже, после нескольких нежных объятий, вскоре успокоилась. Проснулся Бонд оттого, что его тряс за плечо Кнут. Пола сразу же принялась переводить ему слова лопаря: вокруг бункера замечена активная деятельность.

— А до рассвета еще добрых пол часа, — объявила она.

— Отлично, — подытожил Бонд и взял командование на себя: коту следует немедленно разобрать, после чего одному из лопарей спрятаться в лесу и сторожить Мосолова, а остальным собраться у наблюдательного поста.

Уже через пять минут Пола и Бонд присоединились к Трифону, который, спрятавшись на вершине заснеженной скалы, изучал долину,

глядя в прибор ночного видения. Двое лопарей за их спинами тихо занялись разборкой лагеря, а Кнут, подталкивая автоматом, повел Колю куда-то в лес.

Даже в предрассветных сумерках, которые оповещали, что до рассвета осталось минут двадцать, открывшаяся перед Бондом картина восхищала. Отсюда, с наблюдательного поста Полы, маленькая полянка и гигантская каменная крыша бункера были как на ладони. Теперь было отчетливо видно, что вход в «Ледяной дворец» вырублен прямо в высокой скале, которая напоминала гигантскую полукруглую ступеньку из неотесанного камня, расположившуюся прямо посреди густого леса. На маленьком пространстве перед входом в бункер все деревья были вырублены под корень. Тропы, окружавшие бункер, пролегали через лес и поднимались по обледенелым и заснеженным скалам к вершине склона, где растительности было меньше. С южной стороны над этим громадным каменным осколком сквозь густой лес пролегала голая просека — широкая взлетная полоса, напоминавшая длинный светло-серый палец. Полоса начиналась у скалы и упиралась в обрыв, находившийся в самой гуще дремучего леса.

Никаких самолетов на взлетной полосе не было. Бонд прикинул, что реактивный истребитель «Мистери-фалькон» и два легких самолета были спрятаны в бетонных ангарах, построенных прямо в скале, служившей крышей для бункера.

При таком освещении и дистанции Бонд не мог точно определить длину полосы, однако он понимал, что в лесу малейшая ошибка при взлете может оказаться смертельной. С другой стороны, он убедился, что фон Глёда успел зарекомендовать себя предусмотрительным во всем, и поэтому сомневался, что истинная длина этой взлетной полосы представляла настоящую угрозу для взлета или посадки.

Тем временем внизу армия фон Глёды готовилась к марш-броску. Горели установленные под елями прожекторы, из открытых дверей туннеля, уходившего в глубины «Ледяного дворца», на деревья лился огромный треугольник света.

Перекинувшись парой слов с Трифоном, Пола обернулась к Бонду:

— Пока все спокойно. Не видать ни «бэтээров», ни самолетов, но Трифон говорит, что в лесу заметно бурное передвижение войск.

— Будем надеяться, что Коля — пунктуален, — ответил Бонд, — и русские нанесут удар точно

в срок.

— Когда они прилетят, нам будет лучше закопаться в снег и прикинуться камнями, — пробормотала Пола. — Я думаю, Коля сообщил достаточно точные координаты, но все же не хочется, чтобы в нас угодила шальная ракета.

Едва Пола закончила предложение, как вдалеке, словно далекий вой на ветру, раздался звук реактивных турбин, и в тот же момент из-за горизонта показалось солнце, разлив на востоке кровавое марево.

Они переглянулись. Бонд поднял руки, показав, что перекрестил пальцы на счастье. Стараясь как можно меньше шевелиться, троица наблюдателей попыталась закопаться поглубже в снег. На какую-то долю секунды Бонд внезапно понял, что сильно замерз — ощущение, про которое он успел позабыть, пока концентрировал свое внимание на бункере, лежавшем где-то в километре под ними. Однако даже это состояние дискомфорта мигом пропало, когда воздух содрогнулся от мощного двойного хлопка: далеко на северо-востоке лес, похожий с такой высоты на ковер, озарился несколькими сочными оранжевыми вспышками, и в небо взметнулся мощный столб дыма.

— «Русак»! — воскликнула Пола. — Они. — Ее

слова потонули в грохоте мощной ультразвуковой волны, шедшей впереди реактивных самолетов. Полу, Бонда и Трифона моментально окружил всепоглощающий, оглушительный рев — грозный предвестник надвигавшихся с рассветом событий.

Над лесом, справа от спрятавшейся троицы, прошла на бреющем первая пара истребителей. Они не открыли огонь и не сбросили бомб, лишь прочертили холодный воздух тонкими струями пара, тянувшимися за крыльями. Даже на такой маленькой высоте, из-за мороза, образовывался след инверсии. Своим видом истребители походили на серебряные дротики — заостренные стрелы с огромными квадратными воздухозаборниками, высоким хвостовым оперением и дельтовидными крыльями, которые вместе с задними крыльями придавали корпусу максимально эффективное обтекание.

Словно управляемые одним человеком, оба самолета, задрав носы, с невероятной скоростью умчались ввысь и свернули на север, превратившись в малюсенькие серебристые точки.

— «Шпаги»! — выдохнул Бонд.

— Что? Какие «шпаги»? — нахмурилась Пола.

— «Шпаги» — это их кодовое название в

НАТО. — Глаза Бонда шарили по небосводу в поисках следующей пары, которая, как он знал, обрушит первый удар. — Су-19. Крайне опасные реактивные истребители-бомбардировщики. Сметают все на своем пути!

Внутренний банк данных начал выдавать Бонду информацию на «Шпагу». Мощность: два турбореактивных двигателя с максимальной грузоподъемностью 9525 кг. Скорость: Max= 1.25 над уровнем моря; Max= 2.5 на высоте. Практический потолок: 60000 футов; вертикальная скорость 40000 футов за минуту. Вооружение: одна крупнокалиберная двуствольная пушка типа GSh-23, 23 миллиметра, расположенная в подвесном контейнере; и минимум шесть кабанчиков для ракет класса «воздух-воздух» и «воздух-земля» как управляемых, так и неуправляемых. Боевой радиус: 500 миль. Это был самый эффективный и опасный самолет в мире, чего не стали бы отрицать даже самые оптимистично настроенные натовские летчики.

Обнаружив цель, прикинул Бонд, пилоты двух лидирующих самолетов оповестят об этом эскадрилью — а то и целое крыло — и сообщат им точные координаты цели, скорее всего, набрав их на клавиатурках своих бортовых компьютеров.

Становилось очевидным, что инструктаж по атаке им уже провели, и, судя по быстрой разведке, атака должна была пройти серией пике: каждый — примерно в сорок пять градусов. Самолеты, прикинул Бонд, пойдут попарно, возможно заходя с нескольких направлений, по тщательно рассчитанным траекториям, по графику, расписанному до долей секунд, пара за парой.

Бонд представил, как советские летчики (асы — только им доверили бы «шпаги») сконцентрировали свое внимание на электронных приборах, контролируя скорость, высоту, график и угол атаки, заряжали оружие, постоянно вглядываясь в небо, и потели в своих комбинезонах и шлемах.

Откуда-то слева донесся рев, и почти сразу же раздался другой, казалось, прямо сверху.

— Вон они!

Бонд посмотрел налево, куда обернулась Пола: с лазурного неба падали метеором две малюсенькие иголочки.

Он оказался прав. «Шпаги» шли парами, наклонив носы в классическом атакующем пике. Внезапно с их крыльев скользнули первые ракеты: смертоносные стрелы выбросили назад длинные струи белого пламени и, распушив оранжевые хвосты, стремительно понеслись вниз.

Четыре ракеты (по две с самолета) угодили прямо в фасад бункера. Они пронзили стены и разорвались оранжевыми вспышками, за которыми последовал тяжелый, оглушительный грохот.

Когда первая пара истребителей метнулась влево, мигом исчезнув вдали, справа от Бонда и Полы появилась вторая. И вновь у ракет выросли огненные хвосты, и вновь в зоне обстрела вспыхнуло пламя.

Перед тем как взорваться, ракеты проникали в самую глубь толстых железобетонных стен. Завороженный, Бонд все смотрел и пытался определить тип оружия. Когда вдали справа появилась третья пара истребителей, ему выпала возможность понаблюдать за полетом ракет подольше. Это были AS-7, для натовцев — «керри». Ракеты «керри» выпускались в различных модификациях, как управляемыми, так и неуправляемыми. Боеголовки двух типов: или начиненные обыкновенным ВВ, или бронебойные, способные детонировать с задержкой после попадания в цель.

Всего после трех атак (двенадцати ракет «керри») «Ледяной дворец» был готов расколоться пополам. Взрывы отдавались грохочущем эхом, и сквозь дымовую пелену проглядывало ужасное

ярко-малиновое пламя, которое вырывалось через открытые двери из глубин складских помещений и гаражей.

Вскоре с неба хлынула четвертая и пятая волна «шпаг»: перед тем как ринуться в цель, ракеты на миг зависали в воздухе, пока истребители с воем уносились в холодный небосвод, и затем падали «огненными копьями» в облако дыма и пламени, после чего оттуда почти синхронно раздавались два взрыва. И с каждым разом они были все громче и громче.

С такой высоты зрелище методичного разрушения бункера завораживало. Небо теперь буквально кишело самолетами: одна пара шла за другой с такой аккуратностью, что создавалось впечатление, будто бы здесь проходили показательные выступления команды взбесившихся летчиков. По ушам била ультразвуковая волна и грохот от беспрестанно разрывающихся ракет.

Сам бункер почти исчез, его присутствие отмечали лишь столп черного дыма да бесконечные малиновые вспышки огня, прорывавшиеся сквозь темное облако.

Атака продолжалась от силы семь или восемь минут, однако наблюдателям казалось, что она длится часами. Но вот слева появились две

«шпаги», которые шли под необычно низким углом. Теперь, истратив запасы ракет, истребители принялись поливать дым и пламя из пушек. Продолжая держаться на низкой высоте, истребители подлетели поближе друг к другу и устремились прямо в дымовую завесу. Как только они исчезли в черном облаке, оттуда раздалось тяжелое грохотание, за которым последовал гул проснувшегося вулкана.

Сперва Бонд подумал, что «шпаги» сцепились крыльями, но тут черное облако дыма превратилось в гигантский огненный шар, который стал подниматься и расти, меняясь в цвете, из оранжевого постепенно превращаясь в белый, а из белого — в кроваво-красный. Последовал мощный подземный толчок, и земля вместе со снежным настом затряслись, будто наперекор всем законам природы началось землетрясение.

Взметнувшийся огненный шар обдал лица наблюдателей жаром, и к ним, обвивая деревья, потянулись языки пламени. Внезапно откуда-то снизу, из недр бункера, вырвался мощный торнадо. Все потонуло в колоссальном шуме, и их ударила мощная взрывная волна. Бонд тут же уткнул Полу головой поглубже в снег и спрятался сам, задержав дыхание.

Прошло какое-то время, и жара спала. Последняя пара истребителей улетела. Исчезла. Троица взглянула на небо: остальные самолеты кружили, набирая высоту. Когда Бонд посмотрел вниз, картина прояснилась.

На месте бункера образовался огромный огнедышащий кратер, который был окружен горящими и обваленными деревьями. В его недрах виднелись обломки бетона, ступенек и стальной арматуры, свисавшей над открытым лабиринтом из разрушенных стен и коридоров. Руины напоминали здание после бомбежки, угодившее в бездну. Постоянные попадания ракет «керри» привели к детонации боеприпасов, хранившихся в бункере, результатом чего послужил мощнейший взрыв, полностью уничтоживший «Ледяной дворец» фон Глёды.

Поднимавшийся дым уносило ветром, и кое-где, на фоне общего пожара, вспыхивало новое пламя. Однако кроме странных потрескиваний не было слышно ни звука, а из руин, которые некогда были неприступной подземной крепостью, шел тяжелый смрадный запах.

Бонд даже разглядел остатки главных туннелей и отдельных комнат. Территория вокруг бункера превратилась в огромную свалку, дороги были

разрушены, однако фрагмент металлической взлетной полосы все же сохранился. Теперь она бежала по лесу змейкой, вся развороченная, косая, израненная камнями.

— Господи! — выдохнула Пола. — Коля все-таки отомстил за себя!

И только сейчас, когда девушка произнесла эти слова, все трое осознали, что к ним вернулся слух.

Все еще слегка ошарашенные случившимся, Пола, Бонд и лопарь вернулись обратно в лагерь. Бонд сразу же направился к тому месту, где Кнут сторожил Колю.

Джеймс первым почуял неладное и отреагировал мгновенно: он быстро просигналил лопарям разбежаться и лечь, сам упал на землю и толкнул за собой Полу.

— Лежи здесь, — тихо скомандовал Бонд. Все его чувства обострились до предела, в руке почувствовалась тяжесть пистолета «Хеклер». — Скажи своим, чтобы прикрыли меня, если что.

Пола кивнула, побледнев.

Пригнувшись, готовый к любой опасности, Бонд ринулся сквозь деревья вперед. Зловещее лицо Кнута, покрытое маской смерти, выглядело еще страшнее. Судя по оставшимся на снегу

следам, убийц было четверо, и для тишины они воспользовались ножами. Горло лопаря было рассечено, однако виднелись и другие раны, говорившие о том, что рана на горле была финалом их борьбы. Кнут дрался до последнего, несмотря на то, что его застали врасплох.

Самого Коли Мосолова и след простыл. Дураку было ясно, что здесь оставаться не безопасно. Бонд вернулся назад. Его беспокоили два вопроса: целы ли их скутеры и не нанесет ли Коля свой удар прямо сейчас.

Пола тяжело восприняла известие о смерти Кнута. Позже она расскажет Бонду, что Кнут работал на нее много лет и был одним из надежнейших оперативников на русской территории, однако в ту минуту она сообщила другим о смерти лопаря без малейшей дрожи в голосе. И лишь внимательно приглядевшись, можно было заметить, на сколько сильно потрясла ее смерть Кнута.

Бонд приказал одному из лопарей сбегать и проверить снегоходы. Нужно было немедленно убираться отсюда, ведь люди, которые спасли Колю, находились где-то поблизости и наверняка были готовы нанести ответный удар.

— Скажи своим мальчикам, чтобы пригото-

вились к серьезной схватке. Не исключено, что впереди нас ждет засада, — сказал Бонд Поле.

Через пару минут Трифон вернулся с новостью о том, что их снегоходы в полном порядке и, судя по отсутствию посторонних следов, обнаружены никем не были.

Теперь Бонд понимал, почему в 1939 году лопари показали себя устрашающим противником в борьбе с могучей русской армией: лопари перемещались по лесу быстро и незаметно даже для его глаз, двигаясь перекатами, постоянно прикрывая друг друга.

Когда Бонд и девушка добрались до места, где были спрятаны снегоходы, трое лопарей уже заводили моторы. Гул от четырех двигателей, казалось, сотрясал весь лес, и Бонд опасался, что в любую минуту на них мог обрушиться ливень пулеметных очередей. Однако в считанные секунды Пола вскочила в седло огромной «Ямахи», Бонд — позади нее, и они уже мчались, петляя между деревьями, в южном направлении.

Пока все было спокойно.

Поездка отняла почти два часа, и все это время Бонд, даже несмотря на холод и дискомфорт, ощущал присутствие лопарей. Он знал, что те где-то рядом, едут врассыпную, прикрывают их

от возможной засады. В одном чересчур труднопроходимом районе Поле пришлось снизить скорость, и Бонду показалось, что он слышит шум еще каких-то двигателей, других снегоходов. В одном он был уверен на сто процентов: Коля Мосолов не позволит им «беспошлинно» пересечь границу с Финляндией. Либо кагэбэшник преследует их, либо уж поджидает на границе, пытаясь предугадать, в какой точке Пола решит сделать свой последний длинный бросок к свободе.

Они остановились почти на окраине леса, вдоль которого, с севера на юг, простиралась огромная долина, похожая на пересохший искусственный канал, пробегавший между Финляндией и Россией.

Бонд решил, что им необходимо сразу же занять оборонительные позиции. Он остался рядом с Полой около ее скутера, а три лопаря рассредоточились по лесу, сформировав вокруг них треугольник. Оставалось дождаться темноты.

— Ну как? Справишься с ситуацией? — спросил Бонд девушку, проверяя ее нервы и волю. — А то как-то не хочется подорваться на мине.

Пару секунд Пола молчала.

— Если хочешь идти пешком. — начала она, ее голос был на гране срыва.

— Ты справишься, Пола, я уверен. — Бонд нагнулся и поцеловал девушку. Она вся дрожала, но не от холода, и Джеймс Бонд прекрасно ее понимал. Если Коля собирался нанести удар на российской территории, то он не заставит себя долго ждать.

Начало смеркаться, и Бонд почувствовал, как в нем нарастает напряжение. Трифон устроился где-то высоко на ветвях одной из сосен. Бонд его не видел (он даже не заметил, как Трифон забрался туда), однако знал, что лопарь там, поскольку тот сам сказал Поле, где спрячется.

Как Бонд не щурился, но так и не мог разглядеть Трифона, а тем временем становилось все темнее и темнее. Внезапно все вокруг окунулось в сине-зеленые краски, ознаменовавшие приближение захода солнца.

— Готова? — Бонд обернулся к Поле, и та кивнула.

В момент, когда Бонд отвел глаза от сосны, на которой прятался Трифон, раздался первый выстрел. Он прозвучал со стороны его тайного убежища, а это значило, что лопарь опередил Колиных людей и нанес удар первым. Эхо еще не стихло, а уже последовали ответные выстрелы. Они слышались отовсюду, почти из-за каждого

дерева: одиночные выстрелы, за которыми неминуемо следовал смертоносный треск автоматной очереди.

Бонд не мог определить ни силу противника, ни скорость его передвижения. Он знал только одно: где-то впереди разрасталась ожесточенная перестрелка. И хотя кромешная тьма еще не наступила, ждать дальше резона не было. Пола заверила, что лопари были готовы задержать любой Колин отряд. Пришло время проверить их обещание.

— Жми! — крикнул Бонд Поле.

Будучи профессионалкой, Пола даже не замешкалась. Мотор «Ямахи» взревел, Бонд тут же вскочил в седло позади девушки, и она наискось вырулила из леса, направившись вниз по обледенелому склону в чистое поле, через которое пролегал их путь к безопасности.

Выстрелы стали громче, и последним, что увидел Бонд сквозь снежную дымку, была высокая фигура, сорвавшаяся с веток сосны. Однако сейчас было не время сообщать Поле о том, что Трифон отправился на небеса к своему товарищу Кнуту.

Когда Пола и Бонд преодолели полкилометра, их окружила тьма. Позади до сих пор доносился шум перестрелки. Оставшиеся два лопаря отча-

янно сопротивлялись. И все же Бонд понимал, что это продлится недолго: многое зависело от количества людей Коли Мосолова. Решится ли русский преследовать их на скоростных снегоходах или, как настоящий тактик, предпочтет полить долину огнем?

Бонд узнал ответ на свой собственный вопрос, когда они спустились в долину, где им предстоял трудный четырехкилометровый бросок по открытой местности. Внезапно поверх шума от двигателя Бонд уловил какой-то звук, раздавшийся откуда-то сверху. Через мгновение вспыхнула сигнальная ракета, и безжизненный, ледяной пейзаж залился дьявольским мерцающим светом.

— А зигзагами безопасно? — проорал он в ухо девушки, вспомнив о минном поле.

— Сейчас узнаем! — прокричала Пола, обернувшись, и налегла на руль — снегоход кинуло в сторону, и Бонд тут же услышал, как слева зловеще засвистели пули.

Пола вывернула руль обратно, в ней проснулась та самая сила, которая появляется у человека в критических ситуациях. Снегоход постоянно болтало и заносило, иногда он шел зигзагами, иногда — боком, а иногда — прямым курсом, на

полном газу.

Свет от первой сигнальной ракеты потухал, но вокруг по-прежнему свистели пули. И дважды Бонд наблюдал, как перед ними почти лениво падали длинные полосы от трассирующих пуль, красные и зеленые, сперва слева, потом — справа.

Бонд и Пола вжались в седло, и он почувствовал в себе странную смесь злости и отчаянья. Через мгновение он понял причину этого: все его инстинкты приказывали ему остаться на русской территории и продолжить бой с Колей Мосоловым, однако вместо этого он позорно бежал. В голове вертелась старая поговорка: «Кто, сражаясь, убегает, завтра снова в бой вступает». Убегать — это было как-то не в характере Бонда. И все же глубоко в душе он понимал, что бегство было необходимостью. И он, и Пола должны были завершить миссию и вернуться домой невредимыми, и сейчас для них представился единственный шанс сделать это.

Трассирующие пули продолжали свистеть, хотя сигнальная ракета уже давно потухла. Внезапно раздался еще один слабый взрыв, ознаменовавший запуск второй ракеты, однако на этот раз стрельба прекратилась. Вместо нее раздался

ужасающий шум, будто их стремительно догонял скоростной экспресс. Этот звук продолжался до тех пор, пока минометный снаряд не угодил в землю, где-то далеко позади, слева. Последовал оглушительный грохот, за ним второй и третий. Все три — сзади.

Теперь Пола выжимала из двигателя «Ямахи» все что могла и мчалась по прямой, чтобы не терять в скорости. Временами Бонду даже казалось, что они вот-вот оторвутся от земли, поэтому в такие моменты он крепко-крепко прижимался к девушке. Вдруг вновь раздался визг минометных снарядов, на этот раз — справа, спереди, и три ядовито-оранжевых вспышки, возникшие в темноте, ослепили их, оставив на сетчатках глаз остатки картины.

Сперва минометные снаряды упали позади, теперь — впереди. Это означало только одно: Колины люди пристреливались, и было не исключено, что следующий снаряд угодит точно в цель.

Чтобы избежать этого, Поле нужно было вырваться из зоны поражения. И девушка старалась изо всех сил: ручка газа была выжата до предела и «Ямаха» летела стрелой по ледяной корке. Впереди в белой дымке чернел гигантский склон

— там был лес и Финляндия.

Наступил страшный момент: где-то вдали раздался тяжелый хлопок и за ним свист от летящих минометных снарядов. Однако последовавшие взрывы раздались далеко позади: Пола сумела-таки выехать из зоны обстрела. Теперь, если только они не подорвутся на мине — а у них уже была масса возможностей сделать это, — они должны были добраться до леса.

Это случилось еще до того, как Пола и Бонд совершили свой отчаянный бросок через финскую границу. С наступлением сумерек со скал, расположенных вокруг объятых пламенем руин «Ледяного дворца», на землю спустились двое мужчин. Вокруг не было ни души, кто бы мог их заметить.

С самого окончания воздушной атаки эти двое спешно расчищали вход в единственный чудом уцелевший фрагмент бункера — железобетонный ангар, в котором стоял легкий самолет «Сессна 150 Коммьютер», серого цвета, на трех подвесных лыжах, но сумели распахнуть перекосившие двери ангара лишь, когда стемнело.

Самолет остался без повреждений, однако взлетная полоса была искалечена и завалена обломками. Тот, что повыше, дружеским тоном

отдал своему напарнику указания. Напарник, который и так уже успел усердно потрудиться, с готовностью пробрался на взлетную полосу и там, сдвигая, все что мог, в стороны, расчистил для самолета несколько сотен ярдов.

Двигатель «Сессны» вяло кашлянул, завелся и, разогревшись, загудел спокойным, ровным тоном.

Вернувшись обратно, напарник залез в кабину самолета, сел рядом с Высоким, и маленький самолетик осторожно двинулся вперед, будто его пилот проверял взлетную полосу на прочность.

Пилот обернулся к напарнику, просигналив ему большим пальцем о готовности, выдвинул закрылки на максимальный подъем и через секунду нежно нажал на газ. Двигатель разогнался до максимального числа оборотов, и самолет, подпрыгивая на неровной поверхности, стал набирать скорость. Пилоту при этом приходилось внимательно всматриваться вперед, то и дело объезжая самые худшие участки. Но вот самолет, подпрыгнув, выскочил на короткий заледенелый участок, тем самым чуть увеличив скорость разгона, и помчался вперед, едва касаясь неровной поверхности.

Впереди замаячил лес, деревья росли с каждой

секундой. Пилот почувствовал, что настал тот момент, когда машина послушно берет весь вес на свои крылья, и нежно потянул штурвал на себя. Нос «Сессны» задрался, и на миг показалось, что машина замешкалась, однако затем все же ринулась вперед, с каждой секундой набирая скорость и высоту.

Держа газ на максимуме, пилот сильней потянул штурвал на себя, затем сбавил обороты, и в хвосте прибавилось веса. Пропеллер стал жадно загребать воздух, но самолет клюнул носом. Пропеллер не сдался и вскоре принялся энергично ввинчиваться в воздушную гладь. В итоге управление стабилизировалось, самолет поднял нос и устремился ввысь.

Машина прошла буквально в считанных дюймах над еловыми ветками.

Граф Конрад фон Глёда улыбнулся и лег на курс. Он летел к своей следующей цели. Сегодня граф проиграл, с треском, но он и не думал сдаваться. Целые легионы по всему миру ждали его приказа. Однако сперва ему нужно было свести кое с кем счеты. В знак благодарности граф кивнул своему напарнику — Гансу Бухтману, которого Бонд знал под именем «Гаденыш» Брэд Тирпиц.

Пола и Бонд добрались до отеля «Ревонтули» в

два часа ночи, и Бонд сразу же пошел на автостоянку, чтобы отослать из своей машины шифровку для М. Слова для шифровки он подбирал особенно тщательно.

Когда же Бонд вернулся в отель, в регистрационной его ожидала записка:

Дорогой Джеймс, номер наших апартаментов — пятый. Может, выспимся как следует и не поедем до полудня в Хельсинки? С любовью, Пола.

P.S. В данный момент я не чувствую себя особо усталой, поэтому заказала нам шампанского и превосходнейшей копченой лососины.

Бонд с удовольствием вспомнил о ее тайных пристрастиях и богатом опыте и бодро направился к лифту.

19. НЕЗАКОНЧЕННОЕ ДЕЛО

Они поехали в Хельсинки на «Саабе» и проговорили почти всю дорогу.

— И все-таки очень многое для меня до сих пор остается загадкой, — начал Бонд, как только они выехали из Саллы. Сейчас он чувствовал себя свеженьким: в отеле он хорошо отдохнул, побрился, принял душ и переоделся в чистую одежду.

— Например? — Пола прибывала в озорном настроении.

На девушке была меховая шуба, в которой она наконец-то выглядела нормальной женщиной, а не «кульком утепленного нижнего белья», как она сама охарактеризовала себя в своем прежнем одеянии.

Пола откинула свои восхитительные белокурые волосы и положила голову на плечо Бонда.

— Когда твое агентство, СУПО, впервые заподозрило Аарнэ Тудеера, этого графа фон Глёду?

Она улыбнулась, чрезвычайно довольная собой.

— Это была моя идея. Понимаешь, Джеймс. Я никак не могу понять, почему за все эти годы ты

так и не раскусил меня? Знаю, мое прикрытие было надежным, но ты ничегошеньки не подозревал!

— Глупец, поверил тебе на слово, — ответил Бонд, глубоко вздохнув. — Проверил тебя один раз. Ничего не нашел. Сейчас-то легко говорить, но тогда порой я удивлялся, как это мы умудряемся натыкаться друг на друга в разных концах света!

— Ага.

— Но ты не ответила на мой вопрос, — настаивал Бонд.

— Дело в том, что мы знали, что он что-то готовит. Ведь вся эта история о том, что я школьная подружка Анни Тудеер, — чистейшей воды правда. Ее мама действительно привезла ее на Родину, и я действительно познакомилась с ней. Но когда я услышала по официальным каналам (я тогда уже давно работала на СУПО), что Анни вступила в Моссад, я просто не могла этому поверить!

— Почему?

На секунду внимание Бонда отвлеклось от дороги. Любое упоминание об Анни Тудеер неизменно вызывало у него неприятные воспоминания.

— Почему я не поверила, что она преданный агент Моссада? — Пола ответила, не раздумы-

вая: — Я слишком хорошо ее знала. Она была кровиночкой своего папаши. И глубоко любила его. Я это чувствовала как женщина. От части благодаря кое-каким ее высказываниям, отчасти — простая интуиция. Про ее отца знали все. Конечно, знали. Никто ведь не делал из этого особого секрета. Секрет Анни состоял в том, что отец промыл ей мозги. Я думаю, что, когда еще она была совсем ребенком, он уже тогда наметил ее будущую роль. Я почти уверена, что он держал с ней постоянную связь, давал ей советы, инструкции. Он был единственным, кто мог обучить Анни, как проникнуть в Моссад.

— Что ей с успехом удалось сделать. — Бонд взглянул на красивое личико рядом с ним. — Зачем ты упомянула мне ее имя? Тогда, в первый раз, когда я тебя расспрашивал, после поножовщины у тебя в квартире?

Она вздохнула:

— Ну, а ты-то как думаешь, Джеймс? Я оказалась в очень сложной ситуации. Это был единственный способ подкинуть тебе своего рода зацепку.

— Ну ладно. А теперь расскажи мне, как ты попала в эту историю.

Оказалось, Пола Вакер разрабатывала НСДА с самого начала, еще до первого инцидента в

Триполи. Агентство СУПО — через осведомителей и наружное наблюдение — узнало, что Тудеер вернулся в Финляндию под фамилией фон Глёда и замыслил какое-то дело у самой границы на территории России.

— А когда Национал-Социалистическая Действующая Армия уже привлекла внимание разведок почти всего мира, я предположила, что за этим стоит Тудеер, — сказала Пола. — В ответ на это мой босс приказал мне внедриться в НСДА. Тогда я помаячила в нужных местах, понаговорила нужные вещи. И сработало. Меня посчитали здоровой, истинной арийкой.

Вскоре с ней связался фон Глёда.

— И меня назначили в его штат резидентом в Хельсинки. Другими словами, я стала двойным агентом с полного согласия своих шефов.

— Кто удерживал всю информацию от моей организации? — Было еще много неясностей, которые до сих пор ставили Бонда в тупик.

— Да никто не собирался удерживать! Мои люди даже готовили досье. Но потом заварилась каша в «Русаке», и необходимость в каких-либо рапортах отпала сама собой. Колино начальство подготовило операцию «Ледокол», и мне нужно было находиться в бункере, чтобы защитить

тебя. Полагаю, твоей организации обрисовали картину. позже, после того, как ты направился в «Ледяной дворец».

Пару километров Бонд размышлял. Наконец он сказал:

— Очень трудно мне переварить всю эту историю с «Ледоколом» и Колиной сделкой.

— Было бы трудно, если б ты сам не побывал там и лично бы не убедился в изворотливости фон Глёды и коварстве Коли Мосолова. — Она весело рассмеялась. — Они были настоящими маньяками, одержимыми властью, но каждый по своему, как ты понимаешь. Ты знаешь, я кучу раз ездила из Хельсинки в Заполярье и через границу в бункер. И когда все это началось, я тоже была там, и мне доверяли.

— Что? Ты про скандал в «Русаке»?

— Да. И эта история — абсолютная правда. Перед Тудеером, или фон Глёдой, надо снять шляпу. Невероятные нервы! Просто невероятные! Кстати говоря, я думаю, Советы наблюдали за ним более тщательно, чем он полагал.

— Не знаю, не знаю. — Заехав в обледенелый поворот, Бонд немного не рассчитал со скоростью, выругался, вдарил по тормозам, с силой вывернул руль, вышел из виража и в считанные секунды

выправил машину. — Знаешь, один английский генерал сказал, что русских следует наградить деревянной медалью «За глупость». Порой они способны на совершенно бестолковые поступки. Расскажи мне, что произошло в «Русаке».

Пола была вхожа в самое ближайшее окружение этого так называемого «фюрера».

— Фон Глёда частенько любил напоминать нам, как ловко он подкупил этих бездарей из «Русака». Он платил им за оборудование буквально гроши, а тем казалось, что их никогда не поймают.

— Но их поймали.

— Это уж точно. Я как раз тогда была в бункере. К графу неожиданно примчался Начальник склада. Маленький, толстый — как и все эти русские. Крестьянин в униформе. Вонял как козел, но фон Глёда вел себя с ним поистине потрясающе. Должна согласиться, что в моменты кризиса этот человек мог сохранять исключительное спокойствие. Конечно! Ведь он верил в свою судьбу быть новым фюрером! А это значило, что ничто не могло ему помешать и что каждый человек имеет свою цену. Я слышала, как он посоветовал Начальнику склада попросить военных позвонить в ГРУ. Он знал, что они передадут это в КГБ. На удивление это сработало. И во мгновение ока

появился Коля Мосолов.

— И взамен попросил мою голову.

Пола заговорщицки улыбнулась:

— На самом деле все было не совсем так. Коля вовсе не собирался позволять фон Глёде выйти сухим из воды. Он просто поиграл с ним, дал ему клюнуть. Ты ведь знаешь этих русских. Единственной Колиной слабинкой было его желание замять скандал с «Русаком». Ну а фон Глёда, я думаю, увидел себя в роли самого дьявола, искушающего Христа. Ведь это он предложил Коле исполнить его самую сокровенную мечту.

— И Коля сказал: господина Джеймса Бонда, пожалуйста.

— Фон Глёда был одержим властью над Миром. Коля не думал в таких огромных масштабах. Ему хотелось одного — замять скандал в «Русаке», а значит, разрушить комбинацию фон Глёды. Он мог бы справиться всего за пару дней, собственноручно. Однако фон Глёда, будучи фон Глёдой, пустил в ход свою манию величия. Она-то, в свою очередь, и разожгла Колино воображение.

Бонд кивнул:

— Коля, чего бы тебе хотелось больше всего на свете? Коля думает: чтобы ты исчезнул и чтобы о «Русаке» никто не узнал. Тогда мне достанется

слава и повышение. И в слух он произносит: Бонда, Джеймса Бонда.

— Именно. Бывший СМЕРШ — теперешний Отдел «В» — хотел заполучить тебя. Вот Коля тебя и запросил. — Она опять засмеялась, находя все это очень забавным. — Тогда фон Глёда решается на рискованный поступок — он заключает сделку с Колей, который теперь вынужден серьезно потрудиться. Ведь именно благодаря Коле в операции были задействованы ЦРУ, Моссад и твоя Сикрет Сервис. Именно благодаря Коле попросили лично тебя, Джеймс. Именно Коля все и организовал эту подставку.

— Под руководством фон Глёды? Это как-то не правдоподобно.

— Да. Да, Джеймс. Неправдоподобно, если только не учитывать характеры вовлеченных в это дело людей и их мотивы. Говорю тебе: Коля и не намеревался упускать фон Глёду. Но его жажда власти и карьеризм подтолкнули его к использованию всей организации фон Глёды для одной единственно цели — заманить тебя в Россию. Ему пришлось здорово постараться: специально отпечатанные карты, замена Тирпица…

— Назначение Ривки в команду? — заметил Бонд.

— Это фон Глёда предложил Коле запросить ее, и он же предложил запросить у американцев Тирпица. Ну а Коле, конечно же, нужен был ты. Он несколько часов просидел у фон Глёды на телефоне, все звонил своим шефам в Москву. Им с самого начала не понравилась операция, но Коля сочинил для них какую-то сказку. В итоге начальство согласилось и послало официальный запрос в Америку, Израиль и Великобританию. Все пришли в бешенство, когда выяснилось, что тебя невозможно вызвать сразу. Первым прибыл этот Бухтман. Он был связным фон Глёды. Его послали встретить настоящего Тирпица и избавиться от него. Затем в Финляндию прибыла Ривка. Ситуация осложнилась. Мне приходилось почти постоянно держаться в стороне. Фон Глёда назначил меня связной Коли, что было удобно. К этому времени Москва дала Коле добро на операцию. Они думали, что он, просто-напросто, вычищает на финской границе гнездо диссидентов и заминает скандал в «Русаке», используя американцев, англичан и израильтян в качестве козлов отпущения, на случай если что-то пойдет не так. Они, наверное, думали, что НСДА всего лишь горстка фанатиков.

Она сделала паузу, взяла у Бонда сигарету и

продолжила:

— Для меня наиболее трудной частью была Ривка. Я не смела видеться с ней, а Коля приказывал мне передавать ей послания в Хельсинки. Мне приходилось это делать через третьи руки. Затем все стали ждать подходящего момента, чтобы похитить тебя. Ривка вступила в игру, когда фон Глёда состряпал свой маленький план, а для…

— Какой план?

Она вздохнула:

— Тот, из-за которого я сильно приревновала тебя. План, по которому Ривка должна была тебя охмурить, а потом испариться в случае, если фон Глёде понадобится заманить тебя с ее помощью. Взрыв на лыжном спуске был чертовски сложной операцией, и от Анни потребовалось немало нервишек. С другой стороны, она ведь всегда была хорошей гимнасткой… В чем ты, конечно же, убедился, — добавила она язвительным тоном.

Бонд фыркнул:

— Ты думаешь, фон Глёда все-таки догадывался, что ему не дадут просто так улизнуть?

— О-о, конечно же, он подозревал Колю. Он не доверял ему. Вот почему я была связной русских. Фон Глёде нужно было знать все. И разумеется, нашему достопочтенному фюреру понадобилось

выяснить о человеке, которого вы захватили в Англии. Тебе с самого начала был подписан смертный приговор. То же самое касалось и Коли. А всех своих людей Фон Глёда планировал перебазировать в Норвегию.

— Норвегию? Так значит, там был построен его новый командный пост?

— Так говорят мои шефы. Но они также знали и о второй потайной базе, которая находилась в Финляндии. Думаю, именно туда-то все и направлялись, когда началась воздушная атака, вызванная Колей.

Они долго ехали в тишине, Бонд перебирал в голове факты.

— Так, — сказал он наконец. — Моя беда в том, что фон Глёда мой первый серьезный противник, с которым мне пришлось бороться вслепую. Раньше у меня почти всегда была возможность подобраться к противнику достаточно близко и узнать, с кем имеешь дело. Фон Глёда ни разу не подпустил меня к себе.

— В этом и была его сила. Он никому не доверял полностью, даже той женщине, которую таскал за собой. Думаю, что Анни, Ривка, была единственной, кто действительно знала его.

— А ты разве нет? — В голосе Бонда прозвучали

нотки подозрения.

— Что ты хочешь сказать? — Голос Полы похолодел, словно от обиды.

— Я хочу сказать, что я все же не совсем верю тебе, Пола.

Пола чуть не задохнулась от возмущения.

— Это-то после всего, что я сделала?

— Даже после всего, что ты сделала. Например, что ты скажешь насчет тех громил в твоей квартире, а? Этих акробатов с ножами?

Она медленно кивнула:

— Я все думала, когда ты к ним вернешься. — Она отодвинулась, повернувшись всем телом к нему. — Ты думаешь, я подставила тебя?

— У меня была такая мысль.

Пола прикусила губу.

— Нет, дорогой Джеймс, — вздохнула она. — Нет, я тебя не подставляла. Я подвела тебя. Спросишь, почему? Как я уже говорила: ни фон Глёда, ни Коля честно не играли. Они оба находились, что называется, безвыйгрышной ситуации. Я же работала под руководством СУПО и одновременно в подчинении фон Глёды. А как только меня назначили Колиной связной, ситуация стала совершенно невыносимой. Он постоянно приезжал и выезжал из Хельсинки. А тут, как

назло, сваливаешься с неба ты! И мне пришлось сказать об этом моим шефам. Я подвела тебя, Джеймс. Мне не следовало ничего им говорить.

— То есть ты хочешь сказать, что СУПО приказало тебе информировать Колю? Так?

Она кивнула:

— И он прикинул, что сможет заманить тебя в Хельсинки и вытащить через Арктику в Россию собственноручно. Извини.

— А как насчет снегоочистителей?

— Каких снегоочистителей? — Ее настроение изменилось. Буквально только что она оборонялась, потом раскаивалась, теперь же — была откровенно удивлена. Бонд рассказал ей о происшествии, приключившемся с ним по дороге из Хельсинки в Саллу.

Минуту она раздумывала.

— Я предполагаю, что это тоже Коля. Я знаю, что его люди следили за аэропортом и отелями. В Хельсинки. Наверняка они знали, куда ты направляешься. Да, Коля приложил немало усилий, пытаясь затащить тебя в Россию без хитроумных планов фон Глёды!

К концу поездки объяснения Полы его фактически убедили. Как он сам признался: ему так и не удалось близко подобраться к жестокому тирану

фон Глёде. И теперь, когда все было уже позади, он наконец-то понял это странное противостояние двух волевых личностей — фон Глёды и Коли.

— К тебе поедем или ко мне? — спросил Бонд, как только они добрались до окраин Хельсинки. Да, он был почти удовлетворен ответами Полы, и все же его терзало одно маленькое сомнение — ведь в операции «Ледокол» ничто не казалось тем, чем было на самом деле. Теперь подошло время выложить свой главный козырь.

— Ко мне не получится. — Пола тихонько кашлянула. — Там ужасный бардак и все разворошено. Мою квартиру обокрали, Джеймс. Нет, правда! Мне даже было некогда сообщить в полицию.

Бонд притормозил у обочины.

— Я знаю. — Он дотянулся до бардачка, достал оттуда награды фон Глёды — Рыцарский крест и Боевой щит — и бросил их на колени Полы. — Я нашел это на твоем ночном столике. Перед тем как поехать в Заполярье, на встречу со своими «друзьями», я заскочил к тебе и обнаружил, что твоя квартира взломана.

Полу на миг охватила ярость.

— Тогда чего же ты не воспользовался ими? Ты же мог показать их Анни.

Бонд похлопал ее по руке.

— Я так и сделал. Она их узнала. Отчего я насторожился и стал подозревать. Подозревать тебя. Откуда ты их взяла?

— У фон Глёды, конечно. Он хотел, чтобы я их начистила. Тудеер был одержимо горд ими, так же как и идеей о своей судьбе. — Она с отвращением издала низкий гортанный звук. — Черт, я могла бы догадаться, что эта сучка воспользуется ими против меня.

Бонд взял медали и кинул их обратно в бардачок.

— Ладно, — сказал он, успокоившись. — Ты прошла проверку. А теперь забудем о работе. Я предлагаю снять в «Интер-Континентале» номер для новобрачных. Что ты на это скажешь?

— Что я на это скажу? — Она сжала кисть его руки, пробежав пальчиком по ладони.

Они без проблем сняли номер, а двадцати четырех часовое обслуживание «Интер-Континенталя» с минимальной задержкой доставило им еду и питье. Дорога, объяснения и их долгие взаимоотношения, казалось, разрушили все барьеры.

— Я приму душ, — сказала Пола. — И мы наконец-то вдоволь насладимся друг другом. Не знаю

как ты, а я думаю, что ни моей, ни твоей службе не обязательно знать о том, что мы уже в Хельсинки. По крайней мере, в течение следующих двадцати четырех часов.

— А не думаешь ли ты, что нам все-таки стоит отзвониться? Скажем, что все еще в пути, — предложил Бонд.

Пола подумала.

— Может быть, попозже я и спрошу сообщение на автоответчик. Когда у моего шефа что-нибудь важное, он оставляет мне телефонный номер. Ну а ты?

— Иди, принимай душ, а потом я. Честно говоря, я не думаю, что в столь поздний час М обрадуется моему звонку.

Она одарила его ослепительной улыбкой и направилась в ванную, захватив свою дорожную сумку.

20. СУДЬБА

Джеймсу Бонду снился сон. Сон, который он видел часто. Ему грезились неповторимые солнце и пляж побережья Рояль-лез-О и пятимильная прогулочная аллея — такой, какой она была когда-то давным-давно, а не той разукрашенной приманкой для туристов, в которую ее превратили. Для Бонда во сне жизнь и время остановились, и то, что он видел, было воспоминанием из его детства и юности.

Играл оркестр. Всюду пестрили трехцветные ковры из шалфея, бурачка и лобелии (Синий, белый и красный — национальные цвета Франции). И было тепло, и он был счастлив.

Когда он был счастлив, этот сон ему снился часто, а этот вечер выдался по-настоящему счастливым. Бонд и Пола ускользнули из лап Коли Мосолова, добрались до Хельсинки, ну а там — ну а там все случилось даже лучше, чем они сами от себя ожидали.

Когда Пола вернулась из душа, она выглядела на несколько миллионов долларов: на ней было только полупрозрачное ночное платье, ее тело

буквально светилось, а ее аромат был соблазнительным как никогда.

Перед тем как принять душ, Бонд набрал лондонский номер, по которому лично для него М оставлял записанные сообщения. Если в ответ на его шифровку, посланную им из «Сааба» в Салле, для него было что-то новое, то он услышит это сейчас. Да, точно, в трубке был голос М: короткое сообщение зашифрованном текстом, в котором он даже чуть было не поздравил Бонда с успешным завершением операции, а также подтвердил тот факт, что Пола действительно работает на СУПО. «Ну уж теперь-то, — подумал Бонд, — никаких неприятных сюрпризов быть не должно».

Пола захватила инициативу, и, позабыв об ужине, они стали заниматься любовью. После маленького перерыва, во время которого Пола все болтала и смеялась по поводу неприятностей, выпавших на их головы, инициативу перехватил Бонд.

Сейчас он растворился в безмятежности, безопасности и тепле. Да, было тепло. Вот только шее, в районе уха, становилось все холодней и холодней. В полудреме Бонд отмахнулся. Его рука уткнулась во что-то твердое и не очень приятное. Он резко открыл глаза и почувствовал, что к

его шее прижат холодный предмет. Рояль-лез-О улетучился, и на его смену пришла суровая реальность.

— А теперь тихо приподнимись, Бонд.

Бонд повернул голову и увидел Колю Мосолова, отшагнувшего от него. Тяжелый пистолет «Стечкин», казавшийся еще более громоздким из-за глушителя на стволе, был издалека нацелен на его глотку.

— Как...? — начал Бонд, но, вспомнив о Поле, обернулся: та безмятежно спала рядом.

Мосолов засмеялся, скорее захихикал, что было не в его характере, хотя, с другой стороны, ведь Коля — человек с таким количеством масок!

— Не волнуйся за Полу, — сказал Мосолов тихо и уверенно. — Наверное, вы оба очень устали. Пока вы спали, я успел отпереть замок, сделать укольчик и осмотреть номер.

Бонд мысленно выругался. Как это на него не похоже! Потерять бдительность и полностью отдаться власти сна! А ведь все остальное он сделал! Даже не забыл сразу же по приезду прочесать комнату на наличие электроники!

— Какой укольчик? — Бонд постарался, чтобы вопрос прозвучал с безразличным тоном.

— Она спокойно проспит еще шесть или семь

часов. Нам этого вполне хватит.

— Нам?

Мосолов слегка махнул пистолетом.

— Одевайся. Надо закончить одну работенку. После чего мы отправимся в маленькое путешествие. У меня даже есть для тебя новенький паспорт. Так, для надежности. Мы уезжаем из Хельсинки на машине, а затем летим на вертолете туда, где нас ждет реактивный самолет. Ну а к тому времени, когда Пола сможет поднять тревогу, мы уже будем очень далеко.

Бонд пожал плечами. Здесь он был бессилен, и тем не менее его рука ненавязчиво двигалась к подушке, под которой он перед самым сном спрятал свой пистолет. Коля Мосолов отодвинул полу расстегнутой куртки, показав Бонду «Хеклер», заткнутый у него за поясом, и добавил:

— Я подумал, что так безопасней. для меня.

Бонд опустил ноги на пол и взглянул на русского.

— Ты просто так не сдашься, да? Мосолов?

— Мое будущее зависит от того, заберу ли я тебя с собой.

— Живым или мертвым, я так понимаю? — Бонд встал.

— Предпочтительнее живым. Признаю, что

перестрелка на границе была ужасной халатностью. Но теперь я могу завершить начатое.

— Я не понимаю тебя. — Бонд подался к стулу, на котором была аккуратно сложена его одежда. — За последние годы твои люди могли взять меня в любое время. Почему я понадобился именно сейчас?

— Одевайся давай.

Принявшись выполнять приказ, Бонд продолжал:

— Объясни мне, почему, Коля? Сейчас объясни, почему?

— Потому что пришло время. Москва уже давно хочет заполучить тебя. Было время, когда они хотели твоей смерти, и только смерти. Теперь все изменилось. Я рад, что ты выжил. И признаю, что допустил непростительную оплошность, позволив нашим солдатам стрелять по тебе. Накал страстей, сам понимаешь.

Бонд фыркнул.

— Теперь, как я сказал, все изменилось, — продолжал Мосолов. — Видишь ли, мы хотим перепроверить кое-какую информацию. Сначала проведем с тобой химический допрос, чтобы выкачать из тебя все, а потом устроим маленький обменчик. У вас сидят двое наших, которые

лихо провернули одно дело в Штабе правительственной связи, в Челтенхеме. Уверен, что обмен состоится.

— Неужели именно поэтому Москва решилась на эту операцию? На игры с фон Глёдой и его психами?

— Ну, отчасти. — Коля Мосолов махнул пистолетом. — Слушай, давай, не тяни. Перед отъездом нас ждет одна работенка в Хельсинки.

Бонд натянул свои лыжные брюки.

— Отчасти, Коля? Отчасти? А не дороговата ли операция, а? И лишь ради того, чтобы захватить меня? Причем ведь ты, черт возьми, чуть не убил меня!

— Благодаря игре по сумасшедшему плану фон Глёды мы избавились от некоторых маленьких неприятностей.

— Таких как «Русак»?

— «Русак» и некоторых других. А смерть фон Глёды послужит финалом всему этому.

— Как? — Бонд резко поднял глаза.

Коля Мосолов кивнул.

— И вправду поразительно, да? Ведь наши летчики показали настоящий класс! И в голову не могло придти, что там кто-нибудь уцелеет! И все же фон Глёда как-то выкарабкался.

Бонд не мог поверить своим ушам. М наверняка этого не знал! Бонд спросил Колю, где сейчас прячется лидер несуществующего Четвертого рейха.

— Он здесь, — произнес Мосолов так, словно эта информация была очевидной. — В Хельсинки. Перегруппировывается, как бы он сам выразился. Переорганизовывается. Готов начать все заново, если только его не остановить. А я должен его остановить! Позволить фон Глёде продолжать свою деятельность — это будет, мягко говоря, непорядок.

Бонд был уже почти одет.

— Ты забираешь меня обратно в Россию. А заодно намерен разделаться с фон Глёдой? — Он поправил воротник свитера.

— Ну да. И ты часть моего плана, Бонд. Я обязан избавиться от моего друга фон Глёды, или Аарнэ Тудеера, или как он там хочет, чтобы было написано на его могиле. По времени мы укладываемся…

— Кстати, а сколько время? — спросил Бонд.

Всегда оставаясь профессионалом, Коля на свои часы даже не взглянул.

— Примерно семь сорок пять утра. Как я уже сказал, по времени мы укладываемся. Понимаешь, у фон Глёды в Хельсинки есть свои люди.

Он летит в Лондон через Париж, этим утром. Я полагаю, этот лунатик хочет собрать в Лондоне что-то вроде партийного съезда. И потом, как мне кажется, в воздухе повис вопрос о солдате НСДА, которого держит в плену твоя организация. Ну и конечно же, он хочет отомстить тебе, Бонд. Поэтому я пришел к выводу, что будет лучшим предложить тебя как мишень. Он не сможет устоять.

— Едва ли, — твердо ответил Бонд. От одной лишь мысли, что фон Глёда до сих пор жив, он почувствовал, как его охватила подавленность. Его вновь собирались использовать как наживку! И уже не первый раз с тех пор, как заварилась эта каша! Сама идея была Бонду противна. Должен же быть какой — нибудь выход! Если кто-то и достанет фон Глёду, то этим человеком будет только он, Бонд.

Мосолов тем временем продолжал:

— Самолет фон Глёды улетает в девять. Я думаю, ему будет приятно узнать, что Джеймс Бонд сидит в своей же машине, прямо у аэропорта «Вантаа». Уже один этот факт должен выманить товарища фон Глёду из зала ожидания. Вот только ему будет невдомек, что у меня свои способы — возможно, чуточку старомодные — сделать так, чтобы в

машине ты сидел тихо: наручники, еще один укольчик, правда, немножко не такой, что я сделал Поле. — Он кивнул в сторону кровати. Пола продолжала громко сопеть.

— Ты спятил. — Несмотря на свои собственные слова, Бонд прекрасно понимал, что он и вправду единственный человек, с помощью которого можно выманить фон Глёду. — Как же ты собираешься это сделать?

На лице Мосолова расплылась коварная улыбка:

— Твой автомобиль, Бонд. Он ведь снабжен весьма хитрым телефоном, правда?

— Не многие знают об этом. — Бонд был не на шутку раздосадован. Мосолов выведал про его телефон. Интересно, о чем еще знал русский?

— А вот я знаю, причем в деталях. Чтобы связаться с телефонной сетью той страны, в которой находишься, «базовую станцию» твоего телефона, нужно подключить к обыкновенному телефону. Например, к телефону в этой комнате. Поэтому сейчас мы делаем следующее: подсоединяем здесь твою «базовую станцию» и едем в аэропорт. К тому времени как мы доберемся до туда, ты будешь уже в наручниках и убежать никуда не сможешь. В самый последний момент

я воспользуюсь телефоном в машине, позвоню в справочную аэропорта и попрошу их передать фон Глёде послание. Ему сообщат, что мистер Джеймс Бонд в данный момент находится снаружи, на автостоянке, один и в беспомощном состоянии. Думаю даже, что сообщение можно оставить от имени Полы, она не станет возражать. Когда фон Глёда выйдет, я буду рядом. — Он похлопал по «Стечкину» с глушителем. — С таким оружием люди подумают, что у него случился сердечный приступ, по крайней мере, поначалу они подумают именно так. Ну, а когда они доберутся до правды, мы уже будем очень далеко. Там у меня уже приготовлена машина. Все произойдет очень быстро.

— Ерунда. Ничего у тебя не получится, — сказал Бонд, хотя в душе понимал, что это далеко не ерунда, и у Мосолова все очень даже получится. Его задумка была дерзка и на первый взгляд совершенно невыполнима, а ведь именно такие задумки часто удавались. Бонд ухватился за последнюю соломинку: Мосолов допустил ошибку, решив, что для его звонка телефон в «Саабе» нужно соединять через «базовую станцию». Коля хотел сделать местный звонок, а радиус действия телефона в «Саабе» был двадцать пять миль.

Подобная ошибка — этот как раз то, что Бонду было нужно.

— Ну, — Коля слегка махнул «Стечкиным», — давай ключи от машины. Мы выйдем вместе. И скажи, как достать «базовую станцию».

Целую минуту Бонд притворялся, что раздумывает.

— Альтернативы у тебя нет, — напомнил Мосолов.

— Ты прав, — наконец произнес Бонд. — Альтернативы у меня нет. Мосолов, мне противно ехать с тобой в Москву, но мне все же хочется посмотреть, как ты уберешь фон Глёду. Достать «базовую станцию» — дело хитрое. Для того, чтобы отпереть нужный тайник, нужно малость повозиться, и тебе придется держать меня на прицеле. Ладно, я готов. Не будем терять времени?

Коля кивнул, глянул на спящую Полу и сунул «Стечкин» в свою куртку. Он жестом указал Бонду взять ключи от машины и от номера, и идти впереди него.

В коридоре Мосолов держался позади от Бонда в добрых трех шагах. В лифте он встал в углу, как можно дальше. Профессионализм русского не вызывал никаких сомнений. Одно движение со стороны Бонда — и пистолет «Стечкин» произвел

бы свой приглушенный хлопок, оставив в его животе зияющую дыру.

Они спустились на автостоянку и направились к «Саабу». В шагах трех от машины Бонд обернулся.

— Мне нужно достать ключи из кармана. Ладно?

Коля ничего не сказал, лишь кивнул в знак согласия и двинул огромным пистолетом под курткой, напомнив Бонду, что он там. Бонд достал ключи, шаря взглядом по сторонам. Кроме них на автостоянке никого не было, ни единой живой души. Под ногами скрипел лед, а под теплой одеждой Бонд чувствовал сочащийся из-под мышек пот. Всюду горел свет.

Они подошли к машине. Бонд отпер водительскую дверь и повернулся к Коле.

— Мне нужно включить зажигание. Не запустить мотор, а просто включить электронику, чтобы разблокировать руль, — сказал он.

Коля снова кивнул, Бонд нагнулся над водительским креслом. Включив зажигание, он разблокировал руль и предупредил Колю, что ему придется сесть в водительское кресло, чтобы открыть тайник с телефоном.

Коля снова кивнул. Бонд буквально чувство-

вал, как сквозь материю куртки русского на него смотрит одноглазое дуло пистолета, и понимал, что неожиданность и скорость теперь его единственные союзники.

Почти невзначай Бонд нажал квадратную черную кнопку на приборном щитке, и его левая рука опустилась наготове. Со слабым шипением гидравлической системы открылся тайник — и через секунду в его левую руку упал огромный пистолет «Рэдхок».

Бонда спасло умение стрелять с любой руки, не вызывающие подозрений телодвижения и внезапность. Едва револьвер успел выпасть из тайника, как Бонд уже слегка повернулся всем корпусом — и огненная вспышка из «Рэдхока» обожгла его брюки и куртку.

Коля Мосолов даже не успел ничего понять. Еще мгновение назад он был готов нажать на курок своего «Стечкина», спрятанного под курткой, как вдруг — ослепительная вспышка, молниеносная боль, темнота и вечное забвение. Ударная сила отшвырнула русского назад, а пуля, угодившая ему прямо под горло, почти оторвала голову. Его каблуки проскрипели по льду, затем он перевернулся, упал и проскользил по инерции еще добрых полтора метра.

Всего этого Бонд уже не видел. Сразу же после выстрела он правой рукой захлопнул дверь машины, положил «Рэдхок» обратно в тайник и до упора повернул ключ зажигания. Мотор «Сааба» взревел. Бонд тем временем спокойной и уверенной рукой эксперта нажал на кнопку, закрыв тайник с «Рэдхоком», мягко передвинул рычаг на первую скорость, пристегнул ремень безопасности, снял с тормоза, и мягко газанул, его пальцы уже настраивали печку и обогрев заднего окна.

Уезжая, Бонд мельком глянул на то, что осталось от русского: маленькая бесформенная куча и расплывающееся красное пятно. Свернув на шоссе Маннергейма, он влился в редкое движение на дороге и направился в аэропорт «Вантаа».

Пристроившись в полосе, Бонд включил радиотелефон — фатальную ошибку Коли Мосолова. Для обыкновенного местного звонка, который он хотел сейчас сделать, никакой «базовой станции» и прочих специальных приспособлений не требовалось, а телефон резидента, под которым Бонд официально работал, находился где-то в десяти милях от мчащегося «Сааба».

Бонд набрал номер, почти на ощупь — теперь он должен был смотреть в оба. В трубке раздались длинные гудки. Гудки продолжались, никто не

подходил. В какой-то степени Бонд был даже этим доволен. Потом он вспомнил. Кажется, фон Глёда говорил ему, что резидент удален? Возможно. А возможно и нет.

Машину он вел осторожно, следя за скоростью, зная, что финская полиция только и ждет, когда вы превысите скорость. Часы на приборном щитке, переведенные на хельсинское время, показывали пять минут девятого. До аэропорта «Вантаа» он спокойно доберется к восьми тридцати и, возможно, как раз успеет настигнуть фон Глёду.

«Вантаа», как и любой международной аэропорт, был переполнен. Бонд запарковал «Сааб» в легкодоступном месте и спрятал под курткой громоздкий пистолет «Рэдхок», сунув его длинное дуло за пояс брюк и сдвинув набок. На занятиях по обращению с оружием его учили никогда не прибегать к киношному трюку — пихать дуло пистолета за пояс на животе. Только вбок. Случись что — и с пистолетом, заткнутым за пояс на животе, вы рискуете лишиться части ступни. И это в лучшем случае. А в худшем — рискуете остаться без того, что один инструктор любил называть «свадебным причиндалом» — выражение, которое Бонд находил несколько вульгарным.

Сдвиньте пистолет набок, за рукоятку — и, в крайнем случае, вы можете получить ожог, хотя какой — нибудь бедолага, находящийся рядом, может схватить и пулю.

Стрелки на огромных часах в главном зале застыли на двадцати восьми минутах девятого.

Бонд энергично протолкался сквозь толпу до Справочного отдела и спросил о девятичасовом рейсе на Париж. Девушка едва подняла глаза. В девять часов был рейс AY 873 через Брюссель. Его не будут объявлять еще пятнадцать минут — вынужденная задержка.

Вызывать фон Глёду пока еще рано, решил Бонд. Если графа провожают коллеги, то есть шанс прижать его в этой части терминала, если же нет, то придется выманивать его из зала для отбывающих пассажиров.

Стараясь держаться в гуще людей, Бонд пробрался мимо киосков к левой стене зала и встал у прохода, который вел в зону паспортного контроля для отбывающих пассажиров.

В противоположном углу зала ожидания, перед высокими окнами, находился буфет. Он был огорожен низкой и хрупкой декоративной решеткой, украшенной искусственными цветами.

Слева, недалеко от того места, где стоял Бонд,

располагались кабинки секции паспортного контроля.

Бонд принялся всматриваться в лица, ища в толпе фон Глёду. Через паспортный контроль постоянно проходили отбывающие пассажиры, буфет был тоже заполнен: там все сидели, в основном, за низкими круглыми столиками.

Неожиданно Бонд почти краем глаза увидел свою добычу: фон Глёда вставал из-за буфетного столика.

Судя по всему, в Хельсинки этот несостоявшийся наследник разрушенной империи Адольфа Гитлера был также хорошо обеспечен, как и в «Ледяном дворце». Его одежда была безупречна, а военная выправка чувствовались даже несмотря на серое гражданское пальто. Стройная фигура и стать действительно выделяли его из толпы. Не удивительно, сразу подумал Бонд, что Тудеер был уверен, что его судьба — править миром.

Вокруг «будущего» фюрера стояло шесть человек — одетые с иголочки, у каждого вид отставного военного. Наемники? Фон Глёда что-то говорил им тихим голосом, подчеркивая свои слова отрывистыми жестами. Через мгновение Бонд осознал, что они походили на жесты покойного Адольфа Гитлера.

Из динамиков раздался щелчок и заиграла мелодия. Должны объявить рейс на Париж, Бонд был в этом уверен. Фон Глёда прислушался, но, по всей видимости, он тоже — еще до того, как мелодия закончилась — уже знал, что это его рейс. Граф с важным видом пожал своим провожающим руки и оглянулся в поисках своего багажа.

Бонд приблизился к декоративной решетке. Брать фон Глёду в буфете было рискованно — слишком много людей. Бонд решил дождаться момента, когда тот выйдет из буфета и направится к паспортному контролю.

Продолжая укрываться в двигавшейся толпе, Бонд сдвинулся влево. Фон Глёда начал осматриваться по сторонам, будто почуяв опасность.

Мелодия смолкла, и из мириады динамиков донесся голос. Голос звучал непривычно громко и отчетливо. Он звучал настолько громко и отчетливо, что у Бонда упало сердце. Он застыл на месте, его глаза замерли на фон Глёде. Тот тоже напрягся, меняясь в лице от услышанных слов: «Мистера Джеймса Бонда просят подойти в Справочный отдел на третьем этаже».

А они были как раз на третьем этаже! Бонд бегло огляделся, он искал Справочный отдел, чувствуя, что Фон Глёда тоже осматривается. Голос

повторил по-английски: «Мистер Джеймс Бонд, пожалуйста, подойдите в Справочный отдел».

Фон Глёда развернулся. Фигуру, стоявшую у стойки Справочного отдела, они, по всей видимости, заметили почти одновременно. Фигурой этой был Ганс Бухтман. Когда их глаза встретились, Бухтман кинулся к Бонду и начал что-то орать, но его слова потонули в общем шуме и гаме.

Секунду фон Глёда таращился на Бухтмана, затем нахмурился в замешательстве. И тут он увидел Бонда.

На какой-то миг все будто застыли. Потом фон Глёда что-то сказал своим компаньонам, и те бросились в рассыпную, а сам граф схватил свой багаж и заспешил из буфета.

Бонд вышел из толпы, чтобы преградить ему путь, чувствуя, что сзади проталкивается Бухтман. Джеймс схватил рукоятку пистолета, в этот момент до его ушей долетели слова Бухтмана: «Нет! Нет, Бонд. Нет, нам он нужен живым!»

«Уж, конечно», — подумал Бонд и стал вытягивать из-за пояса «Рэдхок», продвигаясь ближе к фон Глёде, который шел прямо перед ним, и шел очень быстро. Теперь ничто не могло остановить Бонда.

— Стоять, Тудеер! — крикнул он. — Ты никуда

не полетишь! Стоять, сейчас же!

Люди вокруг закричали, и Бонд, находясь всего в двух шагах от фон Глёды, заметил, что лидер Национал-Социалистической Действующей Армии держит в правой руке «Люгер», наполовину скрытый маленьким дипломатом.

Бонд никак не мог вытащить «Рэдхок», который застрял за поясом. Снова крикнув, он оглянулся и увидел, что его нагоняет, расталкивая людей, Бухтман.

Вспыхнула паника, и среди шума Бонд услышал, как повернувшийся к нему фон Глёда, закричал истеричным тоном.

— Меня не достали вчера! — вопил фон Глёда. — И это доказательство моей миссии! Доказательство моей судьбы!

Словно ответом этому, дуло «Рэдхока» высвободилось. Рука фон Глёды поднялась, направив «Люгер» на Бонда. Агент 007 упал на колено, прицелившись. Сейчас он видел только руку фон Глёды и его «Люгер».

— Все кончено, фон Глёда! — крикнул Бонд. — Не будь дураком!

Дуло «Люгера» плюнуло пламенем, а палец Бонда дважды нажал на курок «Рэдхока». Выстрелы грянули одновременно, и какая-то гигантская

рука отшвырнула Бонда назад. Перед ним завертелись кабинки паспортного контроля, его бросило на пол, а фон Глёда согнулся и попятился как раненый жеребенок, продолжая реветь:

— Судьба… Судьба… Судьба…

Бонд не мог понять, почему он лежит. В тумане, он заметил, как служащий паспортного контроля нырнул под стойку своей кабинки. Затем, все еще лежа, Бонд навел свой «Рэдхок» на фон Глёду, который снова пытался прицелиться своим «Люгером». Джеймс выстрелил еще — фон Глёда уронил пистолет, сделал шаг назад, и его голова исчезла в густой дымке.

В этот момент боль начала одолевать Бонда. Он почувствовал слабость. Кто-то приподнял его за плечи. Поднялось много шума. Потом зазвучал голос:

— Что поделать, Джеймс. Что сделано — то сделано. Теперь все кончено. Тебе уже вызвали скорую. Все будет о’кэй.

Голос говорил еще что-то, но в глазах Бонда померкло и все звуки исчезли, словно кто-то нарочно выключил громкость.

21. «НЕУЖЕЛИ ЭТО РАЙ?»

Туннель был очень длинным, его стены белыми. Бонд подумал, что вернулся в Заполярье. Потом он поплыл. Тепло и холод сменяли друг друга. Голоса. Мягкая музыка. Потом лицо девушки, склонившейся над ним. Она звала его:

— Мистер Бонд…? Мистер Бонд…?

Ее голос звучал будто бы нараспев, а лицо было поистине прекрасным. И казалось, что ее белокурые волосы были окружены нимбом.

— Неужто мне удалось? Нет, не может быть! Неужели это рай?

Девушка засмеялась.

— Не рай, мистер Бонд. Вы в госпитале.

— Где?

— В Хельсинки. И к вам посетители.

Он внезапно почувствовал, что еще очень слаб.

— Я не хочу никого видеть. — Его голос затих. — Я слишком занят. Рай — это так здорово.

Он вырубился и снова попал в туннель, который теперь стал темным и теплым.

Возможно, он проспал часы, недели, а то ме-

сяцы. Определить было невозможно. Когда же наконец Бонд проснулся, то почувствовал боль во всей правой части тела.

Ангел исчез. А вместо ангела у кровати тихо сидела знакомая фигура.

— Ну, очнулся, 007? — спросил М. — Как себя чувствуешь?

Воспоминания нахлынули на него словно серия отрывков из старого фильма: северный Полярный круг, снегоходы, база «Русак», бункер «Ледяной дворец», наблюдательный пост Полы, бомбежка и последние часы в Хельсинки. Одноглазое дуло «Люгера».

Бонд сглотнул. Во рту очень пересохло.

— Неплохо, сэр, — проскрипел он и тут же вспомнил о Поле, лежавшей без сознания в постели номера. — А Пола?

— Она в порядке, 007. Жива и здорова.

— Хорошо. — Бонд закрыл глаза, вспоминая все, что произошло. М молчал. И все же Бонд был восхищен: выбраться из безопасных стен здания на Ридженс — Парк — это большая редкость для его босса! Прошло какое-то время, и Бонд вновь открыл глаза.

— В следующий раз, сэр, я надеюсь, вы проведете со мной полный и основательный инструктаж.

М кашлянул.

— Мы думали, что для тебя, 007, будет лучше выяснить все самому. Дело в том, что мы и сами ни в ком не были уверены. Главной идеей было послать тебя на поле боя и спровоцировать противника.

— Кажется, это вам удалось.

В комнату вошел ангел — та сама блондинка, которая на самом деле, разумеется, была обыкновенной медсестрой.

— Вы не должны его переутомлять, — на безупречном английском проворчала она на М и снова удалилась.

— В тебя всадили две пули, — заявил М, внешне не проявляя сожаление. — Обе — в верхнюю часть груди. Никаких серьезных повреждений. Встанешь на ноги уже через одну-две недели. Я прослежу, чтобы после этого тебе дали месячный отпуск. Тирпиц собирался доставить нам Тудеера, но в той ситуации у тебя не было альтернативы. — М по-отцовски — что было для него нетипично — похлопал Бонда по руке: — Хорошая работа, 007. Хорошо сработана.

— Очень любезно с вашей стороны, сэр. Но мне казалось, что настоящее имя Брэда Тирпица — Ганс Бухтман. Он был правой рукой фон Глёды.

— Мне было нужно, чтобы ты думал как раз именно так, Джеймс. — Только сейчас Бонд заметил, что Тирпиц тоже находился в комнате. — Извини за все то, во что это вылилось. В конце все пошло наперекосяк. Мне нужно было оставаться с фон Глёдой. И тут я тормознул. Просто чистая везуха, что мы не погибли с остальными. Господи, здорово же нас поджарили эти российские ВВС! Это была самая худшая перепалка, в которые я когда-либо попадал!

— Знаю. Видел, — ответил Бонд, чувствуя, несмотря на свое состояние, крайнее раздражение к американцу. — Но тогда при чем тут Бухтман?

Тирпиц углубился в длинный рассказ. Оказалось, что около года назад ЦРУ приказало ему вступить в контакт с Аарнэ Тудеером, которого они подозревали в торговле оружием с русскими.

— Я встретился с Тудеером в Хельсинки, — сказал Тирпиц. — По-немецки я говорил достаточно хорошо, и у меня имелась хорошо слаженная легенда о том, что я, якобы, Ганс Бухтман. Я познакомился с ним, представившись Бухтманом, и намекнул, что являюсь возможным источником поставки оружия. Еще я вскользь упомянул, что

имею большое внешнее сходство с цэрэушником Брэдом Тирпицом, так, на всякий случай. Но хитрость моя удалась! Полагаю, что я один из немногих живущих в мире людей, которым пришлось убить самого себя. Ну, ты понимаешь, о чем я.

Вернувшись с огромным кувшином ячменной настойки, медсестра предупредила, что в их распоряжении осталось несколько минут. Бонд попросил вместо настойки бокал мартини, медсестра одарила его официальной улыбкой.

— Я ни черта не мог поделать по поводу пытки. И вытащить тебя раньше я тоже не мог, — продолжал Тирпиц. — Я даже не мог предупредить тебя о Ривке, потому что сам ничего толком не знал. Фон Глёда был не очень-то откровенен со мной, он не говорил мне о подставке с лазаретом до последнего момента, когда было уже поздно. А информация моих людей была, мягко говоря, довольно хреновая.

«Хреновей не бывает», — подумал в тумане Бонд. Затем он снова выключился, а когда через несколько минут очнулся, в комнате был только М.

— Мы все еще подчищаем остатки НСДА, 007, — говорил его шеф. — Думаю, мы здорово по ним

ударили. — Судя по голосу, М был доволен. — И никто из оставшихся не пытается заново активировать силы. И все благодаря тебе, 007. Несмотря на недостаток информации.

— Работа такая, — саркастично добавил Бонд, однако его реплика для М была как «с гуся вода».

После того, как М ушел, в палату вернулась медсестра, проведать, в порядке ли Бонд.

— Вы ведь действительно медсестра, правда? — спросил Бонд подозрительно.

— Конечно. Но почему вы спрашиваете, мистер Бонд?

— Просто, проверка, — он склеил улыбку. — Как насчет поужинать сегодня вечером?

— Вы на строгой диете, но если уж вы хотите чего-нибудь особенного, то я принесу вам меню…

— Я имел в виду: поужинать вместе со мной.

Медсестра отступила назад и посмотрела ему прямо в глаза. Бонд подумал, что девушка была из той породы, которая теперь уже почти не встречалась. Сейчас такие божественные фигуры были редкостью. Большой редкостью. Разве что у Ривки. Или у Полы.

— Меня зовут Ингрид, — невозмутимо произнесла она. — И я бы с удовольствием поужинала с вами, но только после того, как вы поправитесь.

И я имею в виду, полностью поправитесь. Вы помните, что сказали, когда первый раз пришли в сознание?

Бонд покачал головой на подушке.

— Вы спросили: неужели это рай? Мистер Бонд… Джеймс, возможно, я докажу вам, что это действительно рай. Но только после того, как вам станет немного лучше.

— А это будет уже очень скоро, — раздался голос в дверях. — И если кто и будет доказывать тебе, каким раем может оказаться Хельсинки, то только я, — сказала Пола Вакер.

— О, — Бонд слабо улыбнулся. И надо сказать, что даже по сравнению с восхитительной медсестрой Ингрид, Пола Вакер выглядела гораздо эффектней.

— Так-так, Джеймс. Стоило мне на секунду отвернуться, и на тебе — уже во всю флиртуешь с медсестрами. Это мой город, и пока ты здесь…

— Но ведь ты же спала, — Бонд устало улыбнулся.

— Да, но сейчас я уже окончательно проснулась. Ох, Джеймс, я так за тебя волновалась!

— Никогда не вздумай волноваться за меня.

— Да? Ну да ладно, сейчас не об этом. Я хочу сказать, что все утрясла. Твой шеф — кстати, он

довольно милый — разрешил мне присмотреть за тобой пару недель, после того как они выпустят тебя отсюда.

— Милый? — переспросил в недоумении Бонд. Потом он откинул голову и, как только Пола нагнулась и поцеловала его, снова выключился.

Этой ночью, несмотря на все воспоминания — об Арктике, ужасах, предательствах и двойных предательствах — Джеймс Бонд спал без снов и кошмаров.

Он проснулся на восходе, но потом вновь погрузился в сон. На этот раз, как обычно в минуты счастья, ему снился городок Рояль-лез-О — таким, каким он был когда-то очень давно.

JAMES BOND WILL RETURN, ЁПТА